

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ТОПОГРАФИЯ
ТАШКЕНТСКОГО
ОАЗИСА

**АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

Ю. Ф. БУРЯКОВ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ДРЕВНИХ
ГОРОДОВ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА
(ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ЧАЧА И ИЛАКА)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР
Ташкент—1975**

Монография обобщает многолетние исследования древних торговых путей и городских пунктов поры рабовладения и феодализма одного из крупнейших регионов Средней Азии—Чач-Илака. Автором отождествлен ряд древних городов оазиса с городами, описанными в восточных источниках IX—X вв.; установлены периоды их жизни, время и причины их захирения или гибели; намечены контуры исторического развития городской культуры Чач-Илака. Книга содержит много новых для науки археологических фактов, предположений и обобщений. Она снабжена картой, рабочими планами археологических объектов и иллюстрациями, обосновывающими датировки городов.

Книга рассчитана на археологов, историков, искусствоведов, востоковедов и широкий круг краеведов, интересующихся историей Узбекистана.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук И. АХРАРОВ

Б $\frac{1062-298}{355(06-75)}$ 92-75

Издательство «Фан» УзССР, 1975 г.

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее исследование экономической и социально-политической истории Средней Азии древнего и средневекового периодов невозможно без изучения исторической топографии отдельных городских центров и районов, являвшихся на различных исторических этапах самостоятельными экономическими, а подчас и политическими единицами. Это проблема выдвигалась перед археологами и историками Средней Азии с первых шагов работы и получила частичное разрешение начиная с работ В. А. Жуковского¹ и В. В. Бартольда².

Но работы эти основывались лишь на тщательном анализе письменных источников и поэтому являлись больше историко-географическими, так как историко-топографические вопросы могут быть решены лишь в сочетании широких археологических исследований, охватывающих разновременные объекты материальной культуры различного функционального назначения, с анализом данных письменных источников, нумизматики, топонимики и другие вспомогательных дисциплин.

Весь этот комплекс материалов может послужить базой для исторической топографии, рассматривающей историю определенных районов в динамическом развитии³.

---

¹ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, Материалы по археологии России, вып. 16, СПб., 1890.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 114—237; Он же. Статьи из «Энциклопедии ислама», Соч., т. III, М., 1965, стр. 313—573.

³ Первичная сводка памятников была получена в результате систематических разведочных маршрутов в долинах Чирчика, Ахангарана, в Самаркандской области, Хорезмском оазисе. См.: А. А. Потапов. Обзор тепе Среднего Чирчика и археологических развалин вокруг Ташкента, рукопись, Ташкент, 1929, архив ГУОПМК, № 2237; Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1937; В. Д. Жуков. Результаты археологического осмотра участка правобережья р. Чирчик в 1935 г., рукопись, архив ИА АН УзССР,

Наряду с топографическим обследованием и локализацией пунктов большую роль в изучении социально-экономической и политической истории районов играет углубленное изучение городов, структуры городского организма, приемов градостроительства на различных этапах истории, взаимосвязи городов с периферией и оседлых оазисов с кочевыми районами, ремесленно-производственного потенциала, караванных путей и монетных находок.

Исследование отдельных городов и городов целого района позволяет перейти к изучению демографических и экономических проблем. Эта работа, начавшаяся с 20-х годов, получила широкий размах после Великой Отечественной войны, когда в Средней Азии были созданы крупные комплексные экспедиции, сочетавшие обследование широких площадей с углубленным исследованием наиболее крупных центров городской культуры. В результате работ созданы крупные историко-топографические труды по городам Чуйской долины⁴, Усрушаны⁵, Самарканде⁶, Бухары. Особенно значительны труды по исторической топографии Мерва и караванных путей из Мерва на Амударью⁷ и по подготовке курса исторической топографии ряда городов Средней Азии⁸.

Новейшие материалы получили обобщение в монографии, посвященной средневековому городу Средней Азии, его топографии, социальной структуре, численности населения, ремесленно-торговой роли города в феодальном обществе Востока⁹.

По подсчетам О. Г. Большакова в IX—X вв. городское население составляло не менее 25—30% всего населения Средней Азии¹⁰. Эти данные свидетельствуют о развитом уровне городской жизни и значи-

---

№ 75; М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953; В. А. Шишкин. Предварительное сообщение об археологической рекогносцировке в Бухарской области, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 7; Он же. Варахша, М., 1963, разделы, посвященные работам 30-х годов.

⁴ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, Фрунзе, 1959.

⁵ Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957.

⁶ А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации Самарканда, ВДИ, 1947, № 4; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4; См. также сб. «Афрасиаб», вып. I, II и III, Ташкент, 1969, 1973 и 1974 гг.

⁷ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва (из работ ЮТАКЭ), ВДИ, № 4, М., 1951; Он же. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР), Труды ЮТАКЭ, т. XIII, Ашхабад, 1966.

⁸ М. Е. Массоном в 1951—1956 гг. читались спецкурсы по исторической топографии Бухары, Самарканда, Ташкента и Термеза. К сожалению, эти материалы не опубликованы.

⁹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973.

¹⁰ Там же, стр. 4.

тельной роли городов в политической и социально-экономической жизни средневекового Мавераннахр. Поэтому постановка и решение вопросов, связанных с исторической топографией регионов, проблемой города, динамики его подъема и упадка, остается одной из центральных в археологии Средней Азии. Не случайно этой проблеме были посвящены специальные совещания археологов Средней Азии и Казахстана в 1970 и 1973 гг.¹¹, на которых были поставлены основные задачи изучения городской культуры: отождествление отдельных памятников со сведениями о городах в древних письменных источниках, выявление динамики развития отдельных городских организмов и конкретной истории культурно-исторических областей, исследование города как социального организма¹².

Даже на первом этапе работ нужно зафиксировать хотя бы в самом предварительном порядке памятники материальной культуры прошлого всех категорий и времен, изучить караванные пути по арабским «дорожникам», исследовать стратиграфию городищ с выделением в качестве особой темы динамики развития фортификационных сооружений¹³.

К числу историко-культурных областей, изучение которых важно в решении многих исторических проблем Средней Азии, принадлежит Ташкентский оазис, охватывающий правобережье Сырдарьи в ее среднем течении, плодородные долины правых ее притоков — Чирчика и Ахангарана с примыкавшими к ним горными районами, обладавшими большими запасами рудных и нерудных ископаемых и прекрасными горными пастбищами.

Ташкентский оазис, включавший в свой состав два владения — Чач (Шаш) и Илак, фактически являлся единой экономической и культурно-исторической единицей, что отмечалось еще средневековыми историческими хрониками: «Что касается Чача и Илака, то величина их пространства в два на три дня (пути). Они изобилуют селениями, возделанными землями и соборными мечетями и расположены на равнине со множеством пастбищ и лугов... Чач и Илак соединены, нет между ними никакого разделения», — писал в X в. Истахри¹⁴.

---

¹¹ Средневековые города Средней Азии и Казахстана (тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 24—29 ноября 1970 г.), Л., 1970; Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов к заседанию на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии 8—11 апреля 1973 г., Л., 1973.

¹² В. М. Массон. Успехи Среднеазиатской археологии в изучении средневекового города, сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», стр. 4.

¹³ М. Е. Массон. Историко-археологическое обследование средневековых памятников на территории районов древней оседлой культуры Средней Азии и Южного Казахстана, в сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана», стр. 6—7.

¹⁴ Истахри. ВГА, VII, р. 328, 332—333.

О большой экономической и политической роли Чач-Илака среди областей Мавераннахра свидетельствуют и прямые сообщения источников, и многочисленные косвенные факты: «...Среди всех областей, которые находятся на территории Туркестана, нет ни одной области более значительной, чем Чач», — сообщает Истахри¹⁵. Не случайно вторая по величине в Средней Азии водная артерия — Сырдарья — называлась в X в. «рекой Чача».

Ташкентский оазис представляет особый интерес для историков Средней Азии своим выгодным положением на стыке земледельческих оазисов и скотоводческих районов степи и гор. Чач-Илак был одним из важных районов формирования узбекской народности и тюркской культуры. Через него проходили торговые караванные пути, связывавшие различные районы восточного мира. В средневековую эпоху это был не просто цветущий оазис, но и важный экономический район Мавераннахра, обладавший крупными золотыми и серебряными рудниками, месторождениями самоцветов, в частности бирюзы, и сырьем для изготовления отличной посуды. Отсюда на рынки поступали продукты сельского хозяйства и скотоводства, прекрасные ткани, изделия из кож и металла. Славилась керамическая посуда Чача. Все эти факторы обусловили необычно бурный рост городской культуры.

Уже в VII в. путешественник Сюань-Цзан, проезжавший через Чач, упоминал несколько десятков крупных и малых городов¹⁶. Историки X в., дававшие сравнительный анализ восточных владений, сообщали: «В Хорасане и в Мавераннахре нет страны, подобной ей (Чач-Илаку.— Ю. Б.) по многочисленности соборных мечетей (что в средневековье являлось признаком статуса городов.— Ю. Б.), возделанных селений, по обширности и обилию построек»¹⁷.

Обилие городов как характерная черта Чача и Илака подчеркивалась Истахри: «В Чаче и Илаке много городов с воротами, стенами, рабадами, цитаделями, рынками и каналами, протекающими через города»¹⁸. Этот урбанистический феномен Чача отмечался исследователями-востоковедами¹⁹.

Однако средневековые источники, довольно подробно описывающие города Хорасана и Согда, предельно лаконичны в характеристике области Чач-Илака. Они ограничиваются краткой характеристикой сто-

¹⁵ Материалы по истории киргиз и Киргизии, вып. 1, М., 1973, стр. 28.

¹⁶ *Memoires sur les contrées occidentales traduits du sanscrit en chinois en l'an 648; par Nionen-thsang, en du chinois en francais par S. Julien, I—II, Paris, 1857—1858.*

¹⁷ Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, пер. Е. К. Бетгера, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 22.

¹⁸ Истахри. ВГА, I, р. 328.

¹⁹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 135.

лиц, неполным и зачастую путаным перечнем входивших в состав этих владений пунктов.

В источниках отсутствуют характеристики сельских пунктов и ирригационных сооружений, запутаны описания караванных путей. Поэтому основной материал для исторической топографии может быть получен лишь на основе разностороннего археологического изучения разнородных памятников материальной культуры оазиса. Выяснению вопросов исторической топографии этого крупного района Восточного Мавераннахра преимущественно поры раннего и развитого феодализма посвящена данная работа.

Краткая геолого-географическая характеристика Ташкентского оазиса. В средневековых восточных хрониках содержится географическая характеристика Ташкентского оазиса: «Граница области простирается с одной стороны до Чачской реки, которая впадает в Хорезмское озеро, с другой — до железных ворот в степи, между Чачем и Исфиджабом, которая называется Калас и является пастбищем. С третьей стороны пределы области доходят до гор. Последние относятся к округу Чача, за исключением вплотную примыкающих к горам культурных местностей. Прочее же пространство представляет собой отдельно стоящие плантации. С четвертой стороны граница области подходит к христианскому селению Винкерд.

Чач расположен в равнине, и в этой прилегающей к нему культурной области совершенно нет ни гор, ни возвышенностей. В области много богатейших городов.

В области Чача есть другая река, которая впадает в Чачскую реку и называется рекой Тюрк. Часть ее вытекает из Бискама, часть из Джидгиля, но начало ее истока в Тюркской области Хозляджия. Впадает она в Чачскую реку в окрестностях города Нуджакета. В Илакской области есть река, именуемая Илакской рекой, которая течет из страны тюрков, а излишек вод ее впадает в Чачскую реку напротив Бенакета. Прочие местности Чача пользуются питьевой водой из реки Тюрк», — пишет ибн Хаукаль²⁰.

Таким образом, границы исследуемой области определены довольно четко. Они включают долины рек Чирчик и Ахангаран с примыкающими отрогами Чаткальских и Кураминских гор. Границей их на западе является одна из крупнейших рек Средней Азии — Сырдарья, в древности носившая название Яксарт, и «река «Чача», на севере — Келесская степь. Следует отметить, что и в этой степи, и на правом берегу Сырдарьи располагались прекрасные пастбища, часть которых не просто тяготела экономически к Чачу, но и принадлежала ему. «Между Исфиджабом и берегом реки (Сырдарьи.— Ю. Б.) находится глав-

²⁰ Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 22—24.

ное пастбище всего Исфиджаба и некоторых (частей) Чача, Параба и Кендже», — сообщается в анонимном источнике X в.²¹

Со стороны Киргизии Ташкентский оазис ограничивается мощной горной системой Тянь-Шаня, отроги которого — Угамский, Пскемский, Сандалашский, Чаткальский хребты — имеют юго-западное простира-ние. Здесь формируются и протекают реки Пскем, Чаткал и Угам, образующие и питающие водой Чирчик — самый крупный правый приток Сырдарьи. Пскем (у средневековых географов Бисткам) формируется среди обильных ледниковых отложений Таласского Алатау и течет по глубокому руслу, врезанному в древнюю ледниковую долину.

Более многоводен Чаткал (в средневековых источниках Джидгил)²², который также берет начало среди ледников и снежников ущелий Таласского Алатау двумя истоками — Кара-Кульджа и Кара-Ойгаинг. Длина реки 168 км, водосборная площадь около 7,5 тыс. км². В Чаткал впадает много небольших, но бурных в период таяния снегов притоков: Баштерек, Каракимак, Афлатун, Каратерек, Чандалаш, Баркраук, Найза, Акбулак. В верховьях река бьется в скалистой теснине Капчигай, ниже — в галечниковом, местами также с отвесными берегами русле древней ледниковой долины, от которой уступами поднимаются террасы.

Ниже селения Бричмулла Чаткал принимает последний небольшой приток с голубоватой чистой водой — Коксу и, сливаясь с Пскемом, образует русло Чирчика.

В целом рельеф речных источников Чирчика, за исключением Бричмуллинской площади, изрезан узкими, высоко поднятыми над рекой многоуступчатыми террасами. Чирчик (в средневековых источниках Фарак, Парак или Тюрк) с общей водосборной площадью свыше 15 тыс. км² первоначально проходит по межгорной впадине, огражденной с севера крутой террасой и затем выходит на широкую равнину. В верховьях он принимает два последних притока, справа — Хумсан у Ходжикента, слева — Аксагата у Газалкента. Остальные притоки носят характер эпизодически функционирующих саев, часть которых доносит до него воду в период паводков (например, Кзылсу, Акташ, Азатбаш). От Газалкента, выходя на равнину, Чирчик отдает воду серией протоков и искусственных каналов. Как отмечено древними хрониками, Чир-

---

²¹ Извлеченные из «Худуд ал-Алема», Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 216.

²² И. В. Мушкетов приводил легенду, по которой название «Чаткал» произошло от киргизского «Джаткал» — «ложитесь», «оставайтесь» (И. В. Мушкетов. Туркестан, т. II, СПб., 1906, стр. 143). Более правильным следует считать определение М. С. Андреева, расшифровывающего данное слово в смысле «береза» (М. С. Андреев. Новые данные по установлению значения слова «Фергана», сообщения Таджикского филиала АН СССР, вып. XIV, Сталинабад, 1950, стр. 36—37).

чик является основным источником питания водой оазиса. Средний расход воды в настоящее время превышает $200 \text{ м}^3/\text{сек}$ ²³. С обеих сторон Чирчика насчитывается более 50 отводов, из которых наиболее крупные справа — Зах, Ханым, Искандер, Бозсу, Бурджар, слева — Карасу, Ханарык, Ташкентский канал. В низовьях разработанная пойма оставляет два русла — Колганчирчик («оставленный Чирчик» — одно из древних русел) и собственно Чирчик.

Вторая крупная река оазиса — Ахангаран с общим водосборным бассейном свыше $7,5 \text{ тыс. км}^2$ зарождается на юго-западных склонах Чаткальского хребта двумя истоками — Арашаном и Йерташем, глубоко врезающимися в слабохолмистое плато. В районе Ангрена река склоняется к Кураминскому хребту, оставляя справа плоскую равнину, затем от Аблыка пойма расширяется в обе стороны. От Ахангарана она делится на несколько русел, наиболее крупные из которых — ныне высыхающий Гиджиген, предполагаемое старое русло Ахангарана, и правое, современное русло, прорвавшееся в древнюю пойму Чирчика и образующее с ним ирригационную базу оазиса.

Притоки Ахангарана носят в основном эпизодический характер. Это справа Дукентсай, Карабау, Акча и Шавваз, а в среднем течении Бургулюксай, слева — Наугарзан, Нишбаш, Гуштсай, Шаугаз и др. Стекая с хребта почти параллельно друг другу, они в низовьях проходят лессовую полосу по равнине, удобной для посевов.

Остальные реки оазиса носят характер типичных саев, спадающих со склонов мелкохолмистых гор Чаткальского хребта, опускающихся к впадине между Чирчиком и Ахангараном.

По рельефу выделяются четыре географические зоны: а) равнина в долинах, изрезанная поймой рек — это основная орошаемая территория; б) предгорья с холмистыми склонами высотой $700\text{--}1000 \text{ м}$, в эту зону входит и часть припойменной равнины Чирчика и Ахангарана, входящая в состав орошаемых земель; в) переходная от предгорий к горной зоне на высоте 1000 до 1500 м , эта зона характерна обилием саев и просайков; г) горные отроги высотой от 1500 м и более. Горные хребты, ограничивающие оазис с северо-востока, востока и юга, входят в систему отрогов западного Тянь-Шаня. Угамский, Пскемский и Чаткальский хребты в основном связаны с бассейном Чирчика. Это довольно высокие скалистые отроги с крутыми склонами и каменными обрывами.

С юго-востока оазис прикрыт Кураминским хребтом — пустынным, понижающимся к западу скалистым поднятием, окончательность которого носит название Карамазар, ниспадающим к Сырдарье известняковым всхолмлением Барактынтау.

---

²³ По данным Чимбайлыкской гидрометрической станции — $234 \text{ м}^3/\text{сек}$.

Формирование современных горных хребтов связывается преимущественно со средним и верхним палеозоем под влиянием каледонской и герценской складчатости. Древние морские отложения, приподнятые вследствие этих горообразовательных процессов, отложились в строении большого и малого Чимгана, Пальтау, Чумбучкута и горы Отяйлау. Последняя являет собой древний коралловый атолл, поднятый со дна палеозойского моря²⁴. Более молодые осадки (конгломерат с галькой) наблюдаются в нижних частях речных долин, где они тянутся узкими полосами, образуя высоко поднятые над руслом террасы²⁵.

Недра гор богаты полезными ископаемыми, рудными и нерудными минералами. Это относится в первую очередь к горам на границе с Ферганой — Карамазару и Южному Чаткалу. Авторы X в. специально указывают: «В Илаке есть в тамошних горах золотые и серебряные рудники. Тыловая сторона этих гор непосредственно примыкает к Фергане»²⁶.

Помимо золота и серебра горы содержат свинец, медь, железо, самоцветы, среди которых следует отметить бирюзу, поделочные и строительные камни. Древние рудники Илака освещены в литературе²⁷. Менее известны месторождения Чаткала, которые, судя по остаткам выработок, разрабатывались в древности — это свинцовые руды по нижнему течению реки Коксу, восточнее с. Бричмулла, коренное золото, галениты, халькопириты и пириты Чаватасая, золото, серебро и олово Ченташа, блеклые руды и серебристый галенит Коксу, магнетит Чимгана, золото, свинец, киноварь и охры Сандаляшского горного блока. Россыпи золота отмечаются в русле Чирчика и некоторых его притоков, многочисленные железные шляпы — по Пскему и Чаткалу²⁸, окатанные гальки магнетитовых руд, которые добывались прямо из речных отложений, строительные и поделочные камни, в частности бирюза Ергайлыка (близ с. Хумсан)²⁹.

Недалеко от Сайлыка было отмечено месторождение каолиновых

---

²⁴ О. Ю. Пославская. По ущельям и вершинам Западного Тянь-Шаня, Ташкент, 1958, стр. 10.

²⁵ Н. Л. Корженевский. Природа Средней Азии, Труды ТашГУ, Новая серия, вып. 183, геогр. науки, кн. 20, Ташкент, 1960.

²⁶ Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 24.

²⁷ Характеристика древних рудников Карамазара дана в работах Б. Н. Наследова, М. Е. Массона, С. Ф. Машковцева и некоторых других авторов. Сводку работ см.: Ю. Ф. Буряков. Горное дело и металлургия средневекового Илака, М., 1974.

²⁸ Л. О. Кайзер. Очерк геологии и рудоносности Чаткальских гор, Комитет гаук при СНК УзССР, Ташкент, 1936; Б. Н. Наследов. Металлогения Западного Тянь-Шаня и Узбекистана, М., 1961.

²⁹ С. В. Лопатин, Е. Б. Пругер, А. Г. Ермилов. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана, Отчет, Фонды Узглавгеологии, Ташкент, 1964, стр. 70.

минералов, близких по типу к агальматолиту и называемых местными жителями «калыбташ» (колип — форма, образец). Этот мягкий, легко режущийся даже ножом разноцветный минерал употребляется для производства мелких предметов и поделок³⁰ и, как говорит само название, использовался в качестве формы при обработке металлов и, вероятно, в керамическом производстве.

Следует отметить резкие колебания температуры воздуха на склонах гор, в долинах и котлованах, связанные с зависимостью от абсолютных высот. Однако на склонах гор иногда бывает теплее, чем на дне долин³¹. Количество осадков в год от 687 до 987 мм, среднегодовая температура от +7,8° до +12° при отклонениях до +40,5° и —28,6°.

Почвы сложены из лессов, известняков и порфиров, причем лессы приташкентского района достигают мощности в десятки метров³². Речные террасы до 1000 м (в основном поливные земли) — темные сероземы. Светло-коричневые почвы плоских или слабоволнистых поверхностей водоразделов поднимаются над днищами долин на 250—300 м. Значительная часть их распаивается под богарные посевы. Выше расположены темные сероземы горных склонов, темно-коричневые, бурые лесные почвы и самые верхние — светло-коричневые субальпийские лугостепные почвы.

Исследователи отмечают, что сероземы оазиса очень плодородны и обеспечивают возможность культивирования многих ценных растений, в том числе и технических³³.

Кроме культурной зоны можно выделить три пояса растительности: адыры — разнотравнопырейная степь, тау — горные районы с разнотравьем и арчовником, яйлау — летние горные пастбища. Первые две зоны пригодны для выпаса крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, последняя — преимущественно для мелкого рогатого скота.

Плодородные почвы и рельеф оазиса способствовали развитию в равнинной части орошаемого земледелия, а в предгорьях и горных районах — комплексного ведения хозяйства с преобладанием скотоводства.

Разнообразен животный мир оазиса. Здесь водились многие обитатели гор, лесов и степей — хищники, грызуны и травоядные, а также один из основных объектов древней охоты — горный сибирский козел. Реки оазиса богаты рыбой. Заросли их представляли богатые возможности для охоты на птицу.

³⁰ В. И. Масальский. Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 178.

³¹ Л. Н. Бабушкин. Климат Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 18; Э. М. Мурзаев. Средняя Азия, М., 1957, стр. 118—119.

³² Ю. А. Соколов. Юные тектонические движения Тянь-Шаня и генезис лесса приташкентского района, Труды Всесоюзного рабочего совещания по итогам изучения четвертичного периода, Ташкент, 1953.

³³ Э. М. Мурзаев. Средняя Азия, стр. 185—186.

ГОРОДА ЧАЧА

Ядром средневекового Чача является бассейн реки Чирчик (Парак, Фарак, Тюрк). Рождающийся от слияния Пскема (Бисткема) и Чаткала (Джидгиля) и текущий первоначально по узкому каньону Чарвакской котловины, Чирчик ниже Газалкента в древности разливался на обширной площади равнины, разработав пойму шириной местами более 20 км. Часть поймы занята современным руслом Чирчика, по некоторым протокам проходят Карасу и Колганчирчик, а южная часть поймы обводнена прорвавшимся в эту долину Ахангараном. Севернее Чирчикского бассейна расстилается Келесская степь с плодородными пастбищами.

С бассейном Чирчика связана основная земледельческая и городская культура Чача.

Основным источником в выявлении топографии городов Чача являются восточные дорожники IX—X вв. Некоторые из них используют данные более ранних дорожников³⁴.

По этим данным из Согда в Чач проходили два пути (рис. 1). Основным в X—XII вв. был северный путь, подводивший караваны из степи левобережья Сырдарьи непосредственно в долину Чирчика к Чинаккету и далее вдоль реки к столице владения Бинкету³⁵.

Но существовал и второй путь — южный, схематичное описание которого мы находим у Кудамы и Ибн Хордадбеха.

---

³⁴ П. Г. Булгаков, анализирувавший сведения Кудамы и Ибн Хордадбеха, справедливо считает, что сведения основаны на дорожниках VI—VII вв. См.: П. Г. Булгаков. Сведения арабских географов IX—начала X вв. о маршрутах и городах Средней Азии, канд. дисс., Л., 1954, стр. 273—274.

³⁵ Характеристика этого пути дается Н. Ф. Петровским. См.: Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в состав русских владений. Извлечение из соч.: Sprenger. Die Past und Riesergten des Orients. Пособие для разыскания древних путей и местностей, Ташкент, 1894.

«От Заamina до Хаваста по пустыне 6 фарсахов³⁶, от Хаваста до реки Чача 5 фарсахов и там переправа через реку. От этой стоянки на

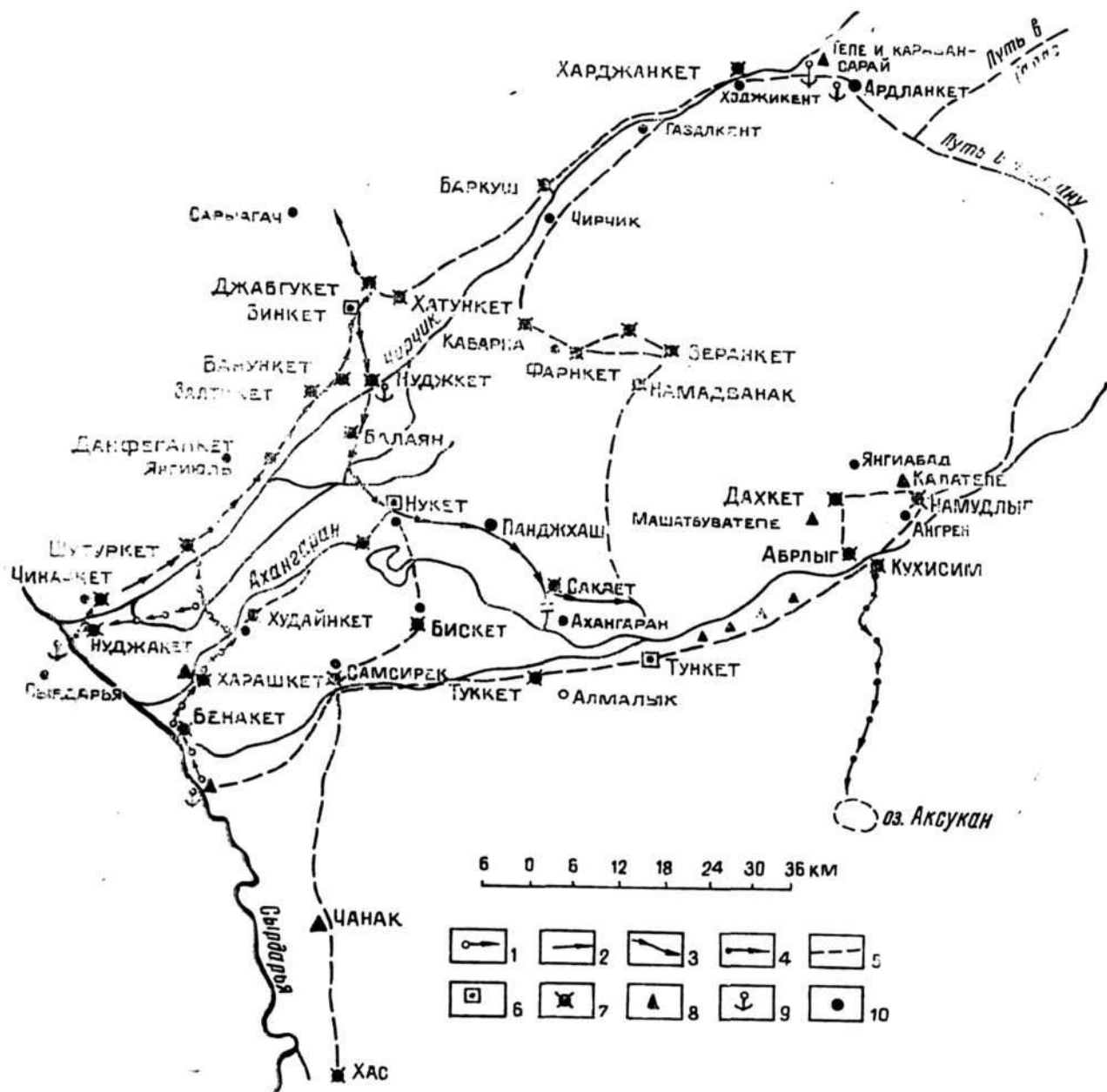

Рис. 1. Карта. Города и торговые пути Чак-Илака.

Условные обозначения: 1—южный путь в Чач; 2—северный путь в Чач; 3—путь Бинкет—Тункет; 4—путь к «серебряному руднику Чача»; 5—местные пути; 6—столичные города; 7—средневековые города; 8—поселения; 9—пункты переправы; 10—современные города.

берегу реки до Бенакета 4 фарсаха. От Бенакета до Чинаккета на реке Тюрк 4 фарсаха и там переправа тюрков».

³⁶ Фарсах — 6—8 км.

Детализация этого пути проведена Истахри: «Бенакет на реке Чача. От него к Харашкегу 1 фарсах, а от Харашкега до Худайнкега 1 фарсах, от него до Уштуркега 3 фарсаха»³⁷.

Таким образом, в пору функционирования южного пути северный был известен, но служил в основном местом переправы тюрок-скотоводов, использовавших для выпаса скота пойму Сырдарьи и Келесскую степь.

Города на южном караванном пути

Археологические исследования показывают, что ранним основным путем являлся южный³⁸.

Помимо безымянного «места стоянки у переправы» (рис. 2) в виде укрепления VI—VIII вв. с последующим обживанием неукрепленной территории, вплоть до XIV—XV вв.³⁹ первым крупным городским пунктом в пределах Чача являлся Бенакет.

Бенакет. Руины его отождествлены с городищем Шаркия (Шахрухия). Городище располагается в 30 км от переправы на берегу Сырдарьи, выше впадения в нее Ахангарана. Этот факт зафиксирован восточными хрониками. По сообщению Ибн Хаукаля, излишек вод реки Илака впадает в реку Чача напротив Бенакета⁴⁰.

В Ташкентском оазисе нет ни одного городища, с которым бы связывалось столько легенд и сказаний⁴¹. Это и предание о «Зарибчоловой бездне» — таинственном лабиринте, который, якобы, связан с лессовыми провалами в окрестностях города и уходит, сплетаясь с подземельями городских кварталов, под Сырдарьей на другой берег. Это легенда о вражеских воинах, погибавших в колодцах осажденного города — отражение эпических сказаний о многочисленных войнах, связываемых с городом.

Оснований для легенд более, чем достаточно. Могучая Сырдарья, смывая древние городские кварталы, непрерывно открывает взору то скопление гигантских сосудов⁴², то выходящие на разных уровнях сте-

³⁷ Истахри. BGA, II, p. 344.

³⁸ Ю. Ф. Буряков. О втором караванном пути из Согда в Шаш, ОНУ, 1972, № 3, стр. 39—45.

³⁹ Там же, стр. 40. Находки эти не случайны, так как переправа функционировала и в XIV—XV вв. В 1405 г., в частности, здесь стоял мост из судов, по которому возвращались в Самарканд после смерти Тимура войска Халиль Султана (см.: В. В. Бартольд. Улугбек и его время, Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 74).

⁴⁰ Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 23.

⁴¹ Легенды о городище и долине в целом собраны алмалыкскими краеведами-педагогами А. А. Максумджановым и И. В. Печуркиным. Многие легенды публиковались в газете «Алмалыкский рабочий» в 1972—1973 гг.

⁴² Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях г. Ташкента, «Средняя Азия», Научно-литературный сборник статей по Средней Азии, Ташкент, 1896, стр. 134.

ны и своды крупных сооружений и сложную систему городских коммуникаций. Памятник неоднократно обследовался специалистами и любителями археологии.

В процессе изучения городища зафиксированы разрезы со стороны реки, подземная галерея со сводчатыми помещениями и, возможно, сардоба; собраны интересные керамические, стеклянные и металлические изделия, монеты; расчищены слои пожара и сгоревших злаков, а И. А. Беляевым в 1908 г. сняты первые виды городища, позволяющие нам судить о степени разрушения памятника Сырдарьей.

В 1957 г. памятник осматривался группой сотрудников Института истории и археологии АН УзССР и Музея истории народов Узбекистана⁴³. Однако первые раскопки его были начаты лишь в 1973 г. отрядом Института археологии АН УзССР (руководитель Ю. Ф. Буряков)⁴⁴.

На городище выделяются две крупные составные части — шахристан и рабад.

Шахристан с мощным культурным слоем поднимается над территорией рабада на 15—17 м (рис. 3). Со стороны реки высота обрывов доходит до 25—30 м. Шахристан ориентирован углами по сторонам света. Сырдарья, омывающая город излучиной с юга и запада, уничтожила по диагонали не менее половины шахристана. Наиболее полно сохранился выходящий к рабаду северо-восточный фас длиной 600 м,

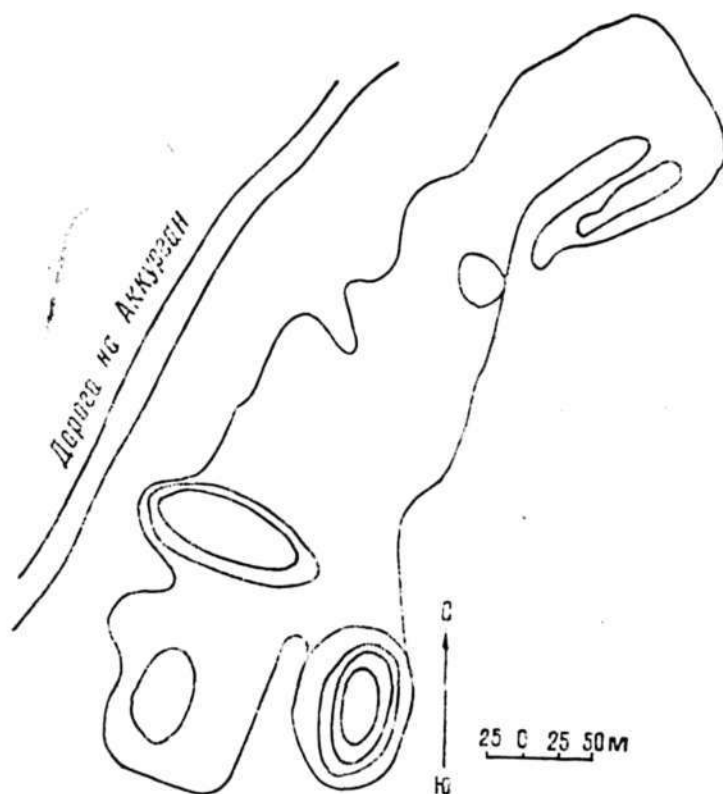

Рис. 2. Поселение у переправы. План.

⁴³ Материалы хранятся в Музее истории народов Узбекистана.

⁴⁴ В обследовании городища в 1973 г. принимала участие группа краеведов г. Алмалыка во главе с Ю. Е. Дериглазовым. В раскопках участвовали юные краеведы под руководством преподавателя школы № 12 г. Алмалыка Н. В. Печуркина, занимавшегося в предшествующие годы сбором легенд о городище.

длина северо-западного, частично смытого, фаса 450 м, юго-западного (по диагонали) около 800 м, юго-восточный фас срезан. Мощность культурного слоя шахристана местами достигает 10—15 м. В разрезах видна кладка из квадратного жженого кирпича размером 25×25×5 см, прямоугольного — 32×15×5 см, встречена маломерка 28×14×4 см, а иногда и фигурная кладка стен.

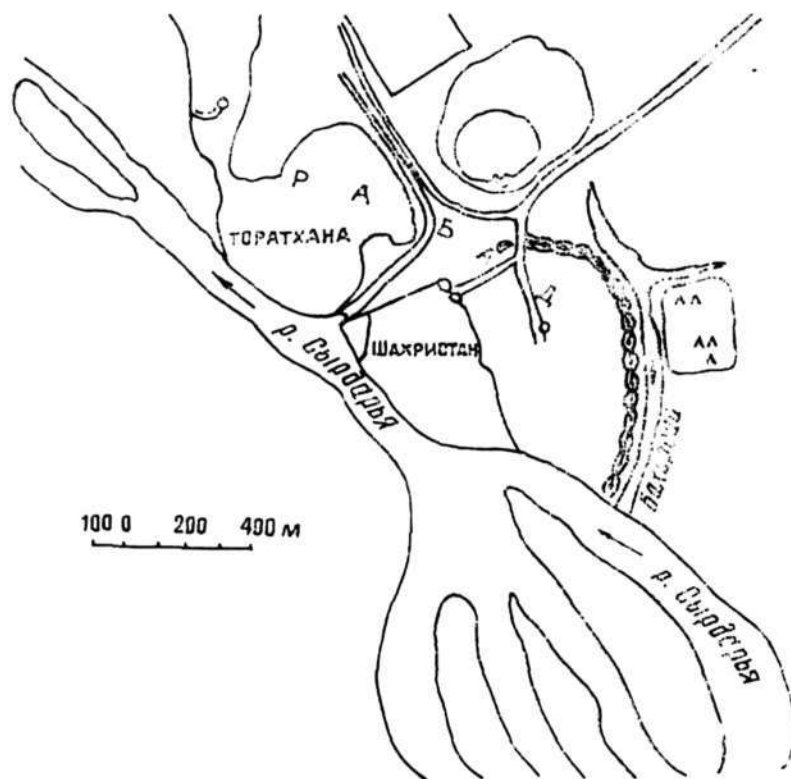

Рис. 3. Шахрухия. Схематический план.

Почти в центре западного фаса, подходящего к стене, вскрыт магистральный водопровод от реки к центру городища. Это крупное коммунальное сооружение сложено целиком из жженого кирпича размером 32×15×5 см в виде арки высотой до 90 см и шириной у основания 52 см. Кладка очень плотная, почти без следов промазки. Первые пять рядов кладки уложены плашмя, затем на ребро, и к замковому своду сужение приобретает стреловидную форму. Через определенные промежутки вверх поднимаются цилиндрические колодцы из кирпича, уложенного плашмя. Сверху колодцы перекры-

ты кирпичом. Возможно, колодцы служили для очистки водопровода. Нами обследовано 26 м водопровода. Затем ход сужается. По сообщению краеведа Ю. Е. Дериглазова, было пройдено 42,5 м, затем ход уперся в сильно разрушенную башенку типа сардобы.

В восточном обресе шахристана прослежена керамическая труба — кубур диаметром 40 см, идущий по направлению к магистральному водопроводу. Поблизости от кубура выявляются следы предполагаемого въезда в шахристан из рабада (рис. 4). К югу от въезда расчищены мощные зольные отложения и крупные скопления керамического шлака.

В западном углу шахристана поднимается небольшая, также частично смытая цитадель высотой до 2 м и диаметром до 60 м, отделяющаяся от города специальным рвом.

Как отмечалось выше, шахристан с двух сторон защищен Сырдарьей, с третьей, северо-западной, его ограничивает русло Шаркияся, с северо-восточной — сухой ров. Однако крепостных валов ни с одной стороны проследить не удалось.

Рис. 4. Бенакет. Шахристан, вид с востока.

С северо-востока и северо-запада к шахристану примыкают обширные рабады.

Северо-восточный рабад окружен самостоятельной стеной и четко выделяющимися башнями. Снаружи проходит глубокий ров Бахорсай, впадающий в Сырдарью (рис. 5). Северный основной въезд в город с разветвлением дорог усилен двумя большими отдельно стоящими бастionsами. Внутри выделяются массивы густой застройки, разделенные четко читающимися дорогами, подходившими с севера. Вторые ворота могли находиться в восточном фесе, однако прослеживаются они не столь четко.

На северо-западе, за шахристаном на возвышенной лессовой платформе также выделяется застройка рабада с всхолмлениями строений, плотно укатанной дорогой, подходившей к городу от реки, и разновре-

менной керамикой. Но оборонительный вал здесь выявить не удалось. Возможно, он отсутствовал, но мог быть снесен при современной распашке площади под посевами.

На левом берегу Бахорсая, по сведениям И. В. Печуркина, встречались костяки погребений. Возможно, здесь находился один из некро-

Рис. 5. Бенакет. Ров, окружающий рабад.

полей города. Второй наружный некрополь выявлен в 0,5 км к северу от города. Здесь найдены погребения, судя по датам некоторых надгробий, XVI—XVIII вв., а керамика в обрезах от X до XVII в.

Подъемный материал городища представлен находками из камня, керамики, стекла и металла. К ранней группе относится керамическая подставка каунчинского типа в виде стилизованной рогатой головы животного типа быка, фрагмент оссуария с фигурным оформлением верха стенки зубцами и «елочкой».

Многочисленны образцы глазурованной керамики с белым и желтым фоном, есть тарелка с зеленой глазурью, неполившая крышка, фрагмент дастархана. Очень интересна целая чаша саманидского времени с зооморфным орнаментом. В центре дна ее по белому фону под бесцветной поливой бледной желто-зеленой краской нанесен в движении козерог с лентами на ногах (рис. 6).

Из стеклянных изделий интересны носики ал-анбиков, а в южном рабаде — ком неочищенного стекла, темная пастовая бусина, венчики кувшинов из голубого и зеленоватого стекла. Возможно, здесь располагались мастерские стеклодувов.

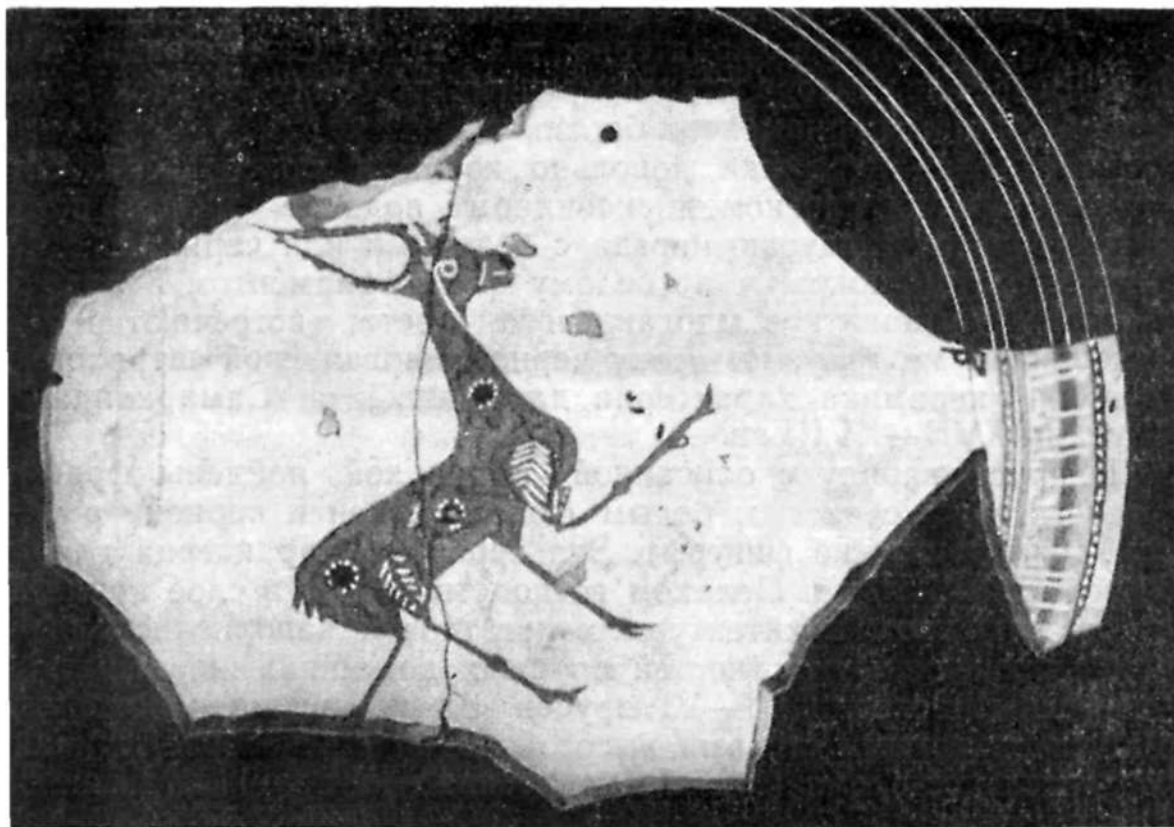

Рис. 6. Сосуд с изображением козерога.

Из бадраба X в. на обресе реки извлечена фигурная ножка бронзового светильника или шкатулки. Аналогичные ножки встречались в слоях X в. западных раскопов Афрасиаба.

И. В. Печуркин нашел на городище уникальную медную монету. На ее аверсе изображена голова правителя, повернутая влево, на реверсе тамга и следы неясных знаков надписи ободком по краю кружка.

Изучение города начато закладкой двух разведочных раскопов. Первый раскоп был заложен на краю западного фаса, обращенного к реке, где в обрезах прослежены слои мощностью до 15 м. Разрез начат на площади 10×3 м, но до материка доведен лишь на площади 1 м², так как к низу он постепенно сужался. Глубина раскопа 13,75 м.

Верхний слой до 50 см очень рыхлый, сильно разрушен смывами и выветриванием, встречены кости домашних животных. Во II—начале

III яруса обнаружены остатки разрушенных строений, в том числе и строения из жженого кирпича разного стандарта. Основной размер кирпича $25 \times 25 \times 5$ см, но есть и обломки кирпича $? \times 16 \times 4$ см. Плотный уровень пола расположен на глубине 1,2 м.

Керамика верхних ярусов едина — крупные хумы представлены плоскими доньями и стенками со сплошным рифлением под светлым ангобом. Такое рифление характерно для хумов Самарканда XVII—XVIII вв. Встречены тагора в виде крупных глубоких тарелок с волнистым процарапанным орнаментом бортиков.

Глазурованная керамика довольно груба и тяжеловесна. Сосуды открытой формы на плоском дисковидном поддоне внутри покрыты тускло-голубоватой глазурью иногда с белесыми или черными оттенками. Многие сосуды покрыты по белому фону орнаментом в виде звездочек басмы или завитков марганцевого цвета, встречаются сосуды заштрихованные по голубому фону черной марганцевой штриховкой.

Подобная керамика характерна для Ташкента, Самарканда и части Бухары XVII—XVIII вв.

В III ярусе, наряду с описанной керамикой, найдены фрагменты тонкостенных чаш с чистым белым фоном, синей и черной росписью (полосы, геометрические фигуры). Эта керамика характерна для XV—первой половины XVI вв. Целиком господствует она в слое конца III—IV ярусов, лишенном архитектурных остатков и заполненном рыхлым лессом с включением угля, костей крупных домашних животных.

Интересны наслоения V—VI ярусов. Здесь расчищено сооружение с мощными пахсовыми стенами высотой до 50 см, которое функционировало длительное время (судя по наслоениям на полу) и так же долго лежало в руинах.

Керамика наслоений представлена редко встречающимися грубоватыми сосудами с бледно-желтой глазурью, белесыми полосами и крупными, резкими на этом фоне, красными и желтыми пятнами, реже полосами. Судя по стратиграфии, эту керамику можно отнести к периоду после монгольского завоевания (вторая—третья четверть XIII в).

С VII яруса на глубину 115 см идет слой с совершенно иным материалом. Сверху до 40 см расчищены слои завала, разрушения, зольники, подстилаемые прослойкой мощного пожарища, в котором даже обгорели кирпичи и штукатурка стен. Под ними остатки помещения со стенами из жженого кирпича толщиной до 75 см, сохранившиеся на высоту в 4 кирпича. В основном стандарт кирпича $32 \times 16 \times 4,5$ см, $30 \times 15 \times 4,5$ см, $28 \times 14 \times 4$ см, но иногда встречаются фрагменты маломерки. На полу найдены фрагменты глазурованных чаш с бледно-зеленой, темно-зеленой и лимонно-желтой поливой, а также часть крупного дастархана на ножках, поверхность которого украшена штампованными медальонами, заполненными поясами из перлов, соляных знаков и

зубчатых фигур (рис. 7,8). Керамика позволяет датировать слой XI—XII вв.

С глубины 4,15 м расчищены остатки помещения с пахсовой стеной, бадраб и зольник. В бадрабе собраны фрагменты керамической и стеклянной посуды. Это и белофонные чаши с бесцветной поливой и покры-

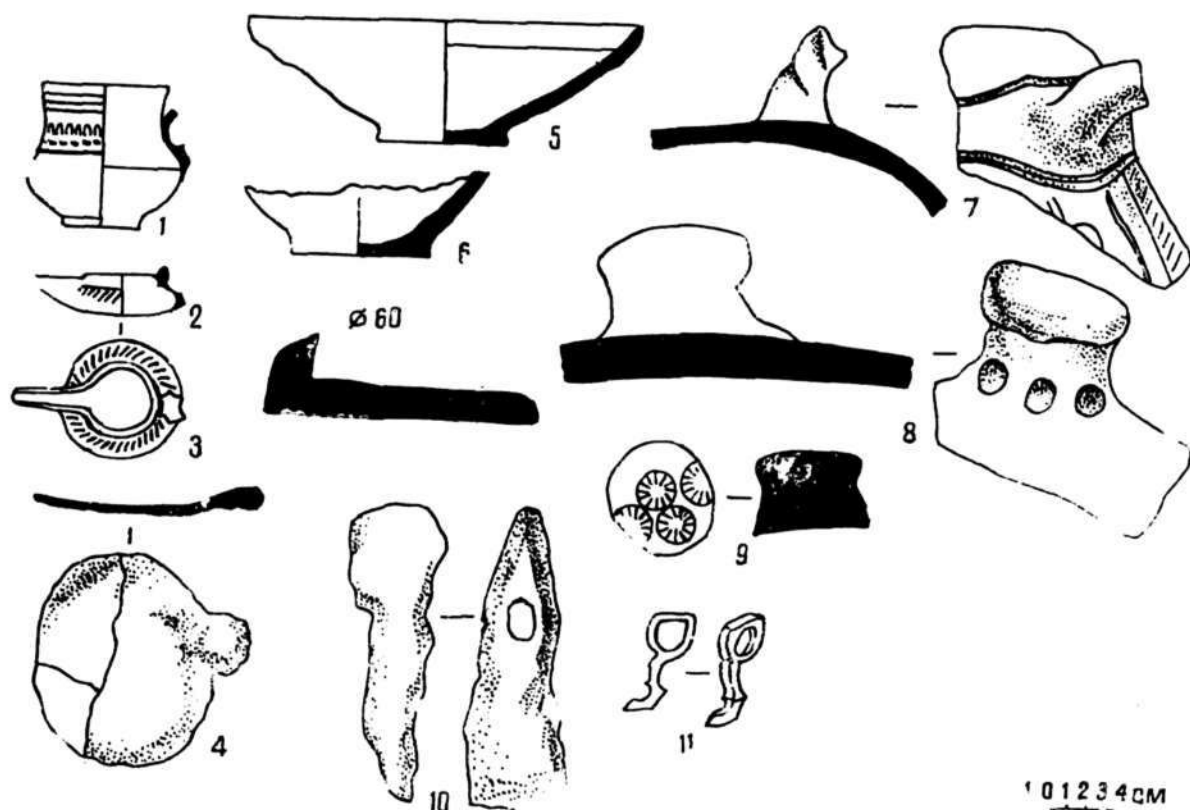

Рис. 7. Находки из разреза I и подлема.

тием голубоватыми пятнами под мутно-белой поливой, характерные для IX—X вв. Интересна большая группа сосудов типа тарелок — касы на плоском поддоне с подрезкой донца нитью (рис. 7, 5) и конически расширяющимися стенками, завершающимися утолщенным венчиком со сдвоением краев внутрь. Касы типичны для IX—X вв., но все без глазури. В этом же слое встречены горшочек и кружечка округло-приземистой формы с ручкой-петелькой. Снаружи сосуд украшен зубчатым орнаментом и легким лощением. Аналогии встречены на многих памятниках Чач-Илака IX в.

Большой интерес представляет комплекс стеклянных сосудов, полученный из бадраба второй половины X в. Он представлен тонкостенными изделиями из желтоватого и зеленоватого прозрачного мелкопузырчатого стекла. Лишь один фрагмент принадлежит литому сосуду. Количество форм ограничено. Это сосудик типа горшочка, 2 чашеоб-

разных сосуда с высокими стенками, 3 фрагмента узкогорлых и широкогорлых графинов. Основная же масса принадлежит сосуду ретортовидной формы с вытянутым узким горлышком высотой до 15 см при средней ширине 2 см и небольшим грушевидным туловом на легком кольцевом поддоне.

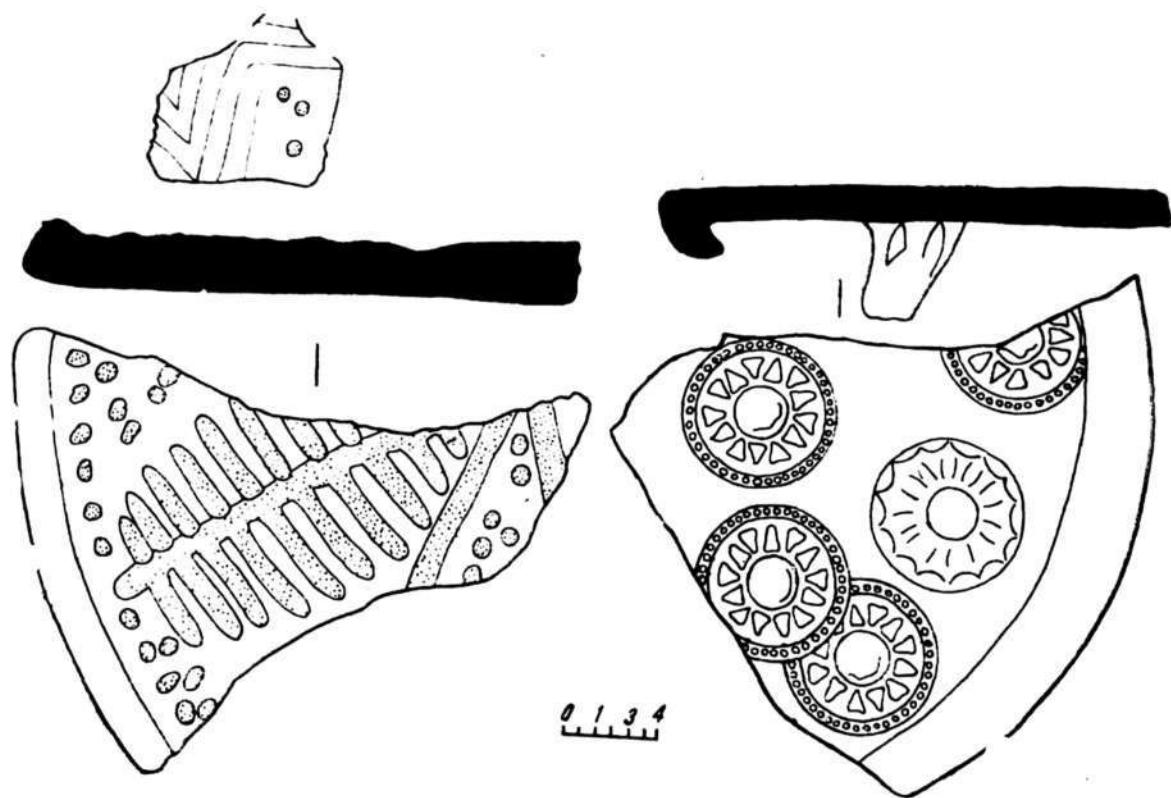

Рис. 8. Бенакет. Разрез 1. Дастарханы.

Удалось выделить 18 экземпляров данной формы, что составляет 75% всех находок в бадрабе. Это наводит на мысль о специальном назначении вскрытого помещения X столетия.

Интересны железные изделия слоя в форме лопаты и капгыра (рис. 9).

Под полом на глубине 5 м вскрыты остатки зольника толщиной 1 м, лежащего на очень плотном сером слое с включениями угля и керамики. Особенно уплотняется он в XIV ярусе, где производит впечатление специальной платформы с прослойками по 5 см, уплотнявшейся с помощью воды. В западной части раскопа вкопаны два лепных хума со сломанными венчиками. Они были вмазаны в пол и затем попали в слой перепланировки. Диаметр тулова до 80 см, обжиг хороший, снаружи по плечикам и тулову украшены коричневыми потеками «внаплеск». Такие хумы встречаются в слоях VI—VII вв.

С XV по XXII ярус (до глубины 11 м) идут перемежающиеся слои плотного лессового оплыва и зольников без конструктивных остатков. Находки очень невыразительны. Керамика в основном лепная. Это одноручные крупные кувшины с ручкой, опускающейся на плечико от середины горловины (рис. 7, 7) с волнистым и зубчатым орнаментом. Крышки для каких-то крупных жаровен, лепные сосуды с ручками цилиндрической формы, украшенными вдавленным штампом с солярными

Рис. 9. Бенакет. Разрез 1. Железные изделия X в.

знаками, лепные дастарханы на ножках со следами вмятины в местах подлепки и грубым «елочным» и «точечным» орнаментом, наносившимся пальцем (рис. 7, 8, 9). Много стенок лепных горшков и кувшинов с коричневыми полосами и несколько фрагментов груболепных котлов каунчинского типа. С глубины 11,5 м начинаются линзы материкового лесса, но на большей части раскопа зольники продолжают. Раскоп доведен до материка на глубине 13,75 м. В плотном зольнике найдены отдельные фрагменты лепной керамики. Материалы нижних слоев, начиная с XV по XXIV ярус, очень невыразительны, но общий облик керамики позволяет отнести их целиком к культуре каунчинского типа в промежутке от начала до середины I тысячелетия н. э.

Раскоп 2 был заложен на четвертой башне оборонительной стены северо-восточного рабада.

Крепостная стена пахсовая, толщина в верхней части до 2,15 м, наружный край утолщается вниз, уходя с откосом в 80°.

Башня выступает из стены полукругом диаметром 5,6 м (рис. 10). В отличие от стены, она сложена целиком из сырцового кирпича размером от 33×38×6 см до 33×43×6 см. По вертикали башня состоит как бы из двух частей. Нижняя — цилиндрическая, толщиной до 1,7 м,

верхняя — цилиндроконическая с вертикальным внутренним краем и расширяющимся под уклоном в 65—70° наружным. Толщина стены у перехода к цилиндру 1,5 м. Наружный край расширяется в обе стороны на 10 см.

В 28 см над цилиндром в теле башни расчищены следы 8 балок, расходящихся из центра и выступающих концами через внешний фас

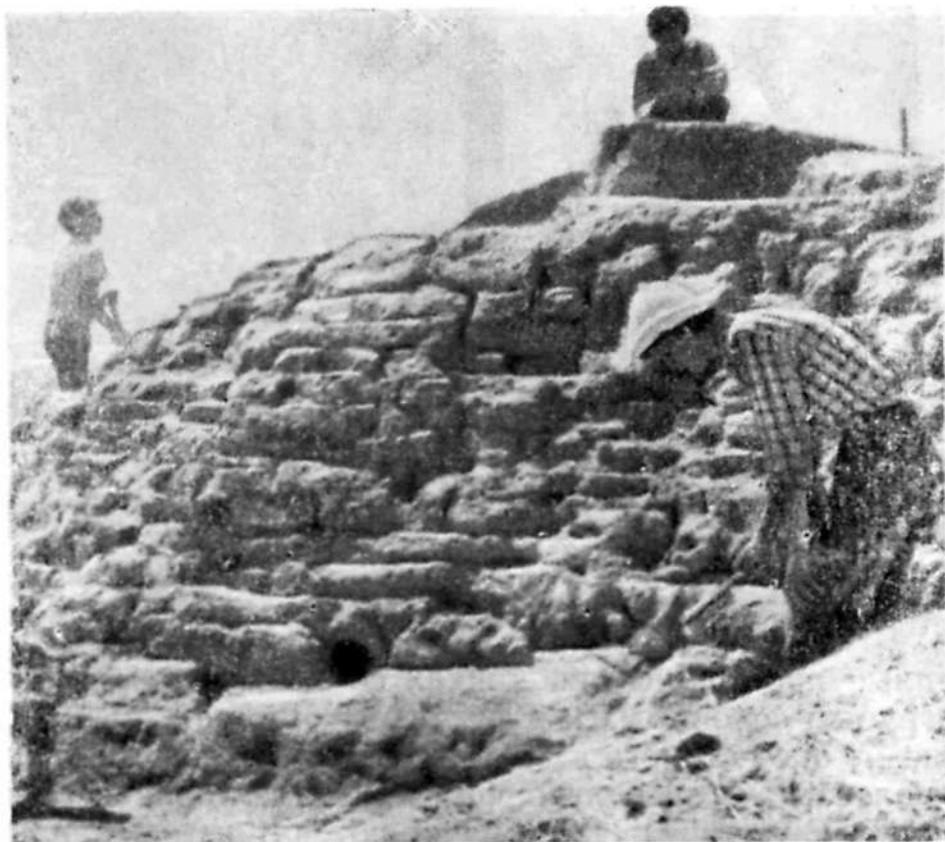

Рис. 10. Шахрухия. Расчистка башни со следами балок.

башни. Балки использовались в оборонительных целях и, вероятно, явились настилом верхнего этажа башни, который сохранился на 1,7 м. Завершение башни разрушено.

Нижний уровень под балками составляет 1,3 м. Под ним начинается сплошной цоколь, который стоит на краю лессового останца, опускающегося наружу к руслу Бахорсая, служившего рвом. Для предохранения башни от влаги материка, в ее основание был засыпан слой керамики в 40 см, включающий несколько тысяч обломков различных керамических изделий.

Внутри башни проходит кирпичная перегородка толщиной 90 см из кирпича-сырца, делящая ее на два отсека (рис. 11). Наружный отсек

полукруглый со входом шириной 1,1 м. Внутри перегородка вместе с основной стеной образует помещение размером 2,2×5,6 м. Основная оборонительная стена здесь сужена и за этот счет с обеих сторон от входа построены суфы размером 2,2×0,52 м. Вероятно, это было помещение для отдыха воинов.

В помещении найдены фрагменты сосудов (рис. 12, 1, 2, 3, 4, 7, 10; рис. 13). В основном это сосуды типа каса из глины и белой кашинной массы на высоком кольцевом поддоне, тулово полусферической формы со слегка отогнутым наружу или просто срезанным краем. Внутри по белому фону они покрыты разнообразным орнаментом синего и черного цвета в виде поясов и концентрических линий по бортику, пересекающихся лент и геометрических фигур, стилизованных повторений слова «ал-йуми», нечитаемой арабески и мотивов растительного орнамента. Снаружи, по краю стены покрыты орнаментом в виде несомкнутых волн на фоне поясков различного цвета. Покрывающая рисунок глазурь бесцветна, исполнена в стиле кракле. Эта керамика находит широкие аналогии в памятниках Ферганы⁴⁵, Ташкента⁴⁶ и Самарканда⁴⁷.

Найдены фрагменты керамики, покрытой голубой поливой с белесыми разводами и марганцевой росписью, описанной в верхних слоях раскопа № 1.

Интересна разбитая тагора с плотной вымешанной глиной внутри. Вероятно, сосуд использовался для подноски раствора и сломался в период кладки башни. Вместе с каса были найдены фрагменты одноручных кувшинов для воды (куза) и корчажек для пищи.

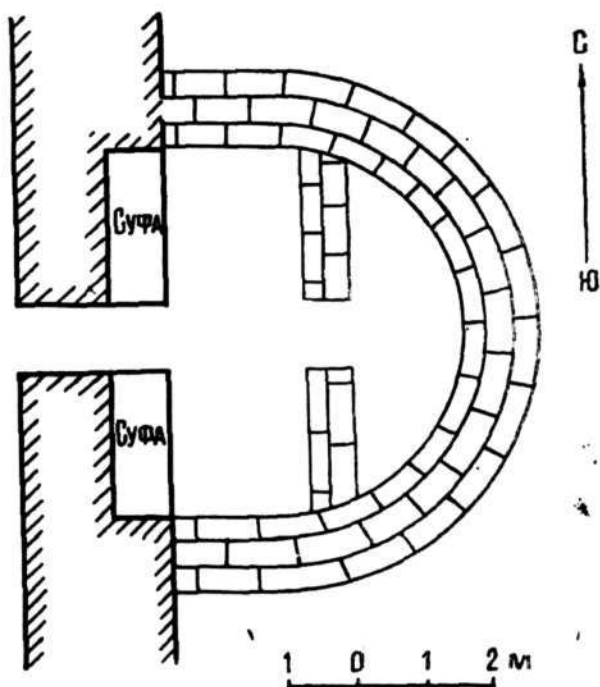

Рис. 11. Шахрухия. План башни.

⁴⁵ И. Ахраров. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв., ОНУ, 1969, № 8—9, стр. 79—81.

⁴⁶ Д. Вархотова. Художественная керамика XV—начала XVI веков из Ташкента, ОНУ, 1969, № 8—9, стр. 86—89.

⁴⁷ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века, Труды САГУ, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950.

Найденные сосуды для пищи и питья, вероятно, использовались воинами, отдыхавшими в помещении.

Не менее интересный материал дал слой гидроизоляционной прокладки под башней. Нами было извлечено с площади менее 1 м² 1786

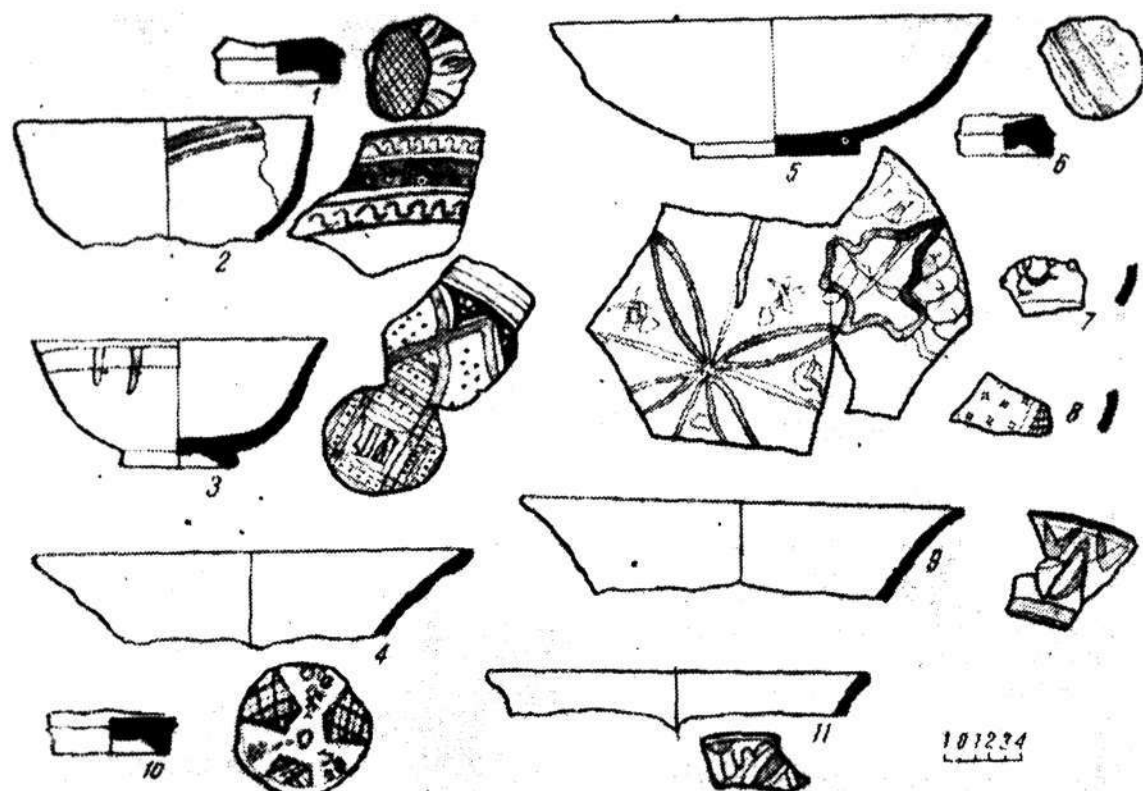

Рис. 12. Шахрухия. Раскоп 2. Керамика.

фрагментов разновременной керамики и каменный подпятник (рис. 14, 1—22). Здесь были венчики хумов, кувшинов, обломки котлов, мисок, тагора, часть тандыра, фрагменты дастархана, крышка, обломок кружечки VI—VII вв. Интересна крышка оссуария с ручкой, завершающейся стилизованной головкой животного.

Глазурованная посуда представлена чашами типа лаганов (рис. 12, 5, 9, 11) с донцами на дисковидном и кольцевом поддоне, стенки чаш и конически расходящиеся наружу, и с легким изломом стенки. Орнамент располагается и радиально, и концентрическими поясами; встречается сочетание композиций. Наиболее обычны четырехлистник и другие фигуры коричневого цвета по белому фону. Поле заполнено «гравировкой» (рис. 15). Интересен сосуд с небольшими пятнами белого орнамента (надпись, растительный завиток) по темно-коричневому фону, покрывающему весь сосуд. Точные аналогии этой керамике мы на-

ходим в слоях X в. Тункета⁴⁸ и особенно Абрлыга⁴⁹, где найдена целая чаша с белым орнаментом по темно-коричневому фону. Вместе с тем в этом комплексе встречены сосуды, покрытые лимонно-желтой и бледно-зеленой глазурью, что характерно для XI — начала XII вв.

Подпятник (рис. 14, 17) изготовлен из плотного темно-серого камня с сильно сработанным от долгого употребления округлым углублением.

Бытовые и культовые предметы датируются по меньшей мере VI — началом XII вв., а керамика в башне — тимуридским временем. Значит, стена была возведена в тимуридское время, а в основание уложен материал из руин слабо обжитого или опустевшего рабада.

Раскопы 3 и 4 в виде стратиграфических разрезов были заложены на юго-восточном фасае шахристана, обращенном к рабаду. Мощность культурных наслоений здесь достигает 11,5 м, стратиграфия в целом повторяет раскоп 1.

Раскоп 5 в восточном рабаде вскрыл помещение XVII — начала XVIII вв., погибшее во время пожара на последнем этапе жизни города.

Раскоп 6 был заложен за пределами тимуридской стены в северо-восточном пригороде. Здесь открыты остатки гончарного производства XVI — XVII вв. Печи не выявлены, но расчищен отвал с керамическим браком и обломками заготовок.

Полученные материалы позволяют сделать некоторые предварительные выводы по истории городища. Раскоп в шахристане не доведен до материка, но, вероятно, самые древние слои (если учесть, что город стоял на берегу реки) смыты вообще. Тем не менее, даже существующий материал (лепная посуда каунчинского типа — подставка в виде рогатой головы и, особенно, монета с портретом правителя, позволяют

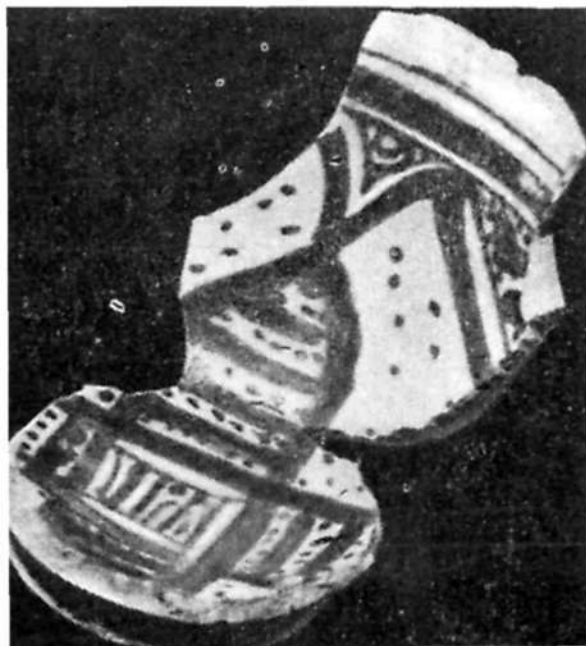

Рис. 13. Шахрухия. Фрагмент чаши XIV—XV вв.

⁴⁸ Ю. Буряков. Художественная керамика городища Тункет, Научные работы и сообщения, кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 273—274.

⁴⁹ Ю. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 136.

относительно начало жизни города к периоду не позднее II—III вв. н. э. О его античной основе говорят и прямоугольная (а может быть и подквадратная) форма городища, а также мощные слои с материалом каучинского типа, достигающие 5—6 м.

Город стоял на древнем караванном пути, проходившем из Согда не

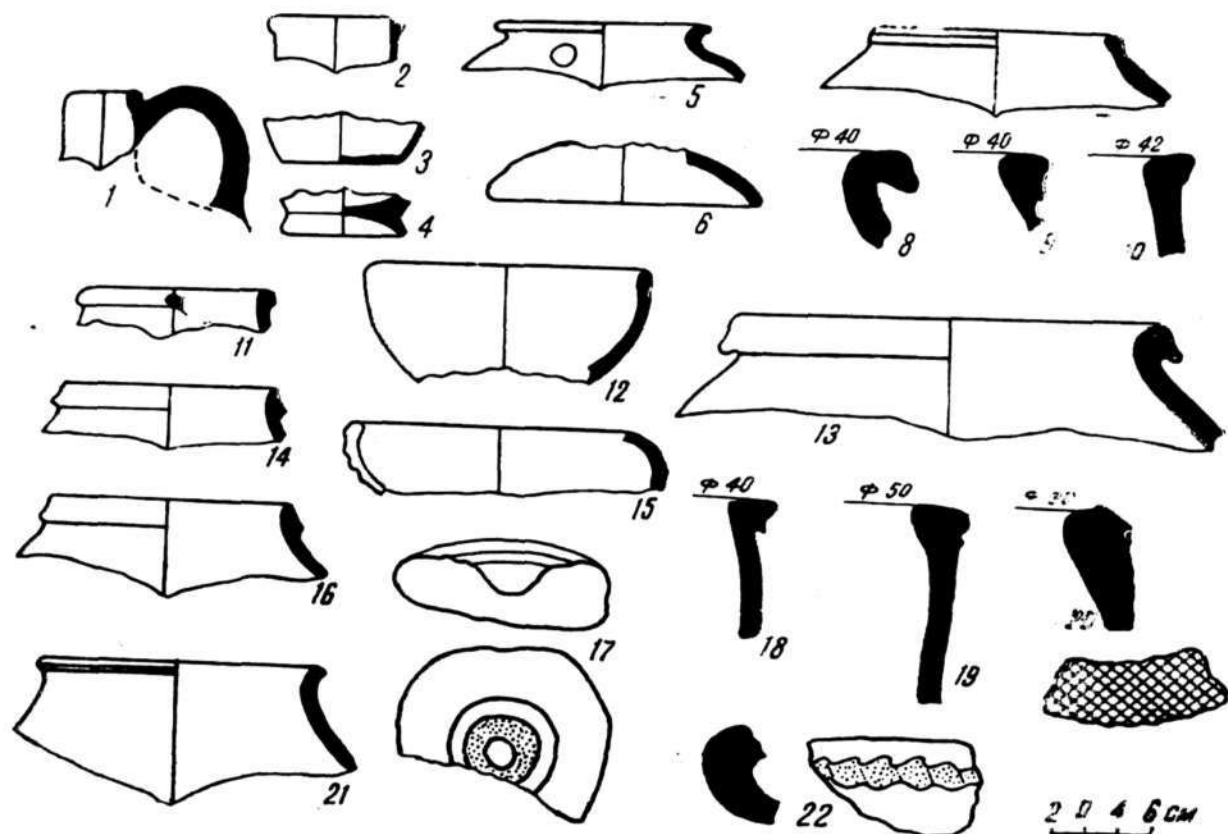

Рис. 14. Бенакет. Керамика и каменный подпятник VII—XII вв.

через степь, а через обжитые районы Усрушаны. Место выбрано удачно и в фортификационном отношении — излучина Сырдарьи и с двух сторон подходящие к ней сая — естественные водные преграды. Все эти факторы способствовали формированию торгово-ремесленного пути на берегу Сырдарьи.

Размеры раннего города установить трудно. Возможно, он имел подквадратную форму с цитаделью в центре северо-западного фаса. Площадь города составляла 30—35 га. Судя по подъемному материалу, в раннефеодальное время он занимал не только всю территорию шахристана, даже ныне превышающую 20 га, но и переходил в рабад.

Более определенно можно говорить о Бенакете X—XII вв. Территория города была обширна, составляла более 140 га. В шахристане это-

го времени мы видим мощные культурные наслоения, строения из жженого кирпича, сложную систему коммунальных сооружений, включающих крупный арочный водопровод из жженого кирпича и отводы из керамических труб крупного и мелкого диаметра. Среди находок — обилие глазурованной и стеклянной посуды, медная монета и черные дирхемы. Бенакет входил в состав крупных городов области, чеканивших собственную монету.

Рис. 15. Бенакет. Раскоп 2. Чираг IX в. и чаша X в.

В восточном рабаде зафиксированы следы стеклодувного производства, а в северном пригороде — керамическая мастерская. Источники отмечают среди товаров Мавераннахра вывозившиеся из Бенакета прекрасные туркестанские ткани. Основные базары, вероятно, располагались в рабаде; близ базара, по Макдиси, находилась городская пятничная мечеть⁵⁰. При обследовании шахристана мы не смогли выявить оборонительных сооружений. Как показали раскопки, к более позднему времени, т. е. к XIV—XV вв. относятся крепостные стены и башни северо-восточного рабада. Это подтверждают и сообщения хроник. По Макдиси, Бенакет не имел оборонительных стен, хотя население отличалось воинственным духом (а возможно именно по этой причине, если учесть централизаторскую политику Саманидов).

Вплоть до начала XIII в. Бенакет оставался крупным городским пунктом Чача, причем к XII— началу XIII вв. относится довольно обиль-

⁵⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 295.

ный медный чекан Бенакета местной караханидской династии. К чекану этого города относится и основная группа монет караханидского клада конца XII в., найденного нами в 1972 г. на городище Кендыктепе в среднем течении Ахангарана⁵¹. Следует отметить, что к XI—XII вв. относится интенсивное обживание не только города, но и площадей к северо-востоку от него.

В период монгольского нашествия город сопротивлялся в течение трех дней и был разрушен после сдачи гарнизона. Часть его, вероятно, запустела, хотя к этому периоду следует отнести некоторые постройки в шахристане, одна из которых была частично раскрыта в раскопе 1. Тем не менее, город сохранял свое значение как важный центр долины Сырдарьи. Не случайно в 1392 г. он был восстановлен Тимуром в качестве военной крепости и назван по имени его сына Шахруха. В Шахрухисе в 1404 г. зимовала часть главных сил правого крыла, готовившаяся к походу на Китай. В 1416 г. в окрестностях города с войском стоял Улугбек⁵². Зимой 1425 г. он зимовал здесь с войском, готовя поход на Моголистан⁵³. Крупная крепость являлась центром двухлетней междоусобной войны 1461—1463 г.⁵⁴

Шахрухия неоднократно упоминается Бабуром как важный военный пункт Ташкентского оазиса в конце XV—начала XVI вв. Эта крепость была получена его отцом от старшего брата Султана Ахмеда Мирзы, затем перешла в руки его дяди Султан Махмуда⁵⁵. В 1501 г. она упоминается как место стычек последних Тимуридов с узбекскими племенами. В 1502 г. город был взят Шейбаниханом и вошел в состав владений Ташкентской ветви узбекских правителей. В их составе Шахрухия являлась вторым по значению городским центром, местом пребывания наследников ташкентских ханов⁵⁶. Даже в конце XVII в. Сырдарья называлась по имени города «рекой Шахрухии»⁵⁷. Однако в период феодального кризиса город быстро пришел в упадок и полное запустение.

---

⁵¹ Клад включает 49 медных монетных кружков, извлеченных из обвалов цитадели, размытой водами Туябугузского водохранилища. Все они биты в 594 г. х. (1197—1198 гг.) от имени Джалал-ад-Дунье ва-д-Дина Тафгач хакана. Определение монет Б. Д. Кочнева. Как удалось выявить Б. Д. Кочневу, по монетным данным к концу XII в. караханидское государство разделилось не менее, чем на 6 уделов, из которых Ташкентский имел чекан только в Бенакете.

⁵² В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 101.

⁵³ Там же, стр. 105.

⁵⁴ Там же, стр. 170.

⁵⁵ Бабур-наме, Ташкент, 1958, стр. 23.

⁵⁶ Сюда к наместнику ташкентского хана Кельды Мухаммаду был, в частности, вызван в 1518 г. придворный панегирист Зайнатдин Васифи. См.: А. Н. Болдырев. Зайнатдин Васифи, Сталинабад, 1957, стр. 186—212.

⁵⁷ Ходжа Самандар Термези. Дастур-ал-мулук (назидание государям), перевод М. А. Салахетдиновой, М., 1971, стр. 123.

Харашкет. В одном фарсах от Бенакета, по данным источников IX—X вв., располагался второй городской пункт на караванном пути — Харашкет. Он локализован на месте городища Канка в колхозе им. Калинина Аккурганского р-на Ташкентской обл., в 8 км к востоку от Сырдарьи. Путь к Харашкету шел мимо крупных укрепленных и неукрепленных поселений, свидетельствующих о густоте заселения в низовьях «реки Илака».

Первое упоминание о Харашкете мы встречаем у В. В. Верещагина, осмотревшего его в 1861 г.⁵⁸ В 1898 г. городище осматривал Е. Т. Смирнов, который провел зачистки, небольшие раскопки и сбор подъемного материала⁵⁹. В 900-х годах городище эпизодически осматривалось членами Туркестанского кружка любителей археологии. Затем интерес к городищу ослаб и лишь в 1934 г. оно явилось объектом специального обследования М. Е. Массона. Проанализировав материал и источники, он отождествил его с руинами средневекового Харашкета⁶⁰. В 1957 г. городище обследовал отряд Музея истории народов Узбекистана под руководством автора⁶¹. В 1969—1972 гг. раскопочные работы на городище были проведены отрядом Главного управления охраны памятников Министерства культуры УзССР под руководством К. Абдуллаева. С 1974 г. работы ведутся отрядом Института археологии АН УзССР под руководством автора⁶².

Канка — уникальный для Ташкентского оазиса памятник городской культуры. Городище площадью более 150 га включает в себя несколько самостоятельных территорий, окруженных рвами и валами (рис. 16). Памятник ориентирован углами по сторонам света и вытянут с северо-запада на юго-восток, форма неправильная подпрямоугольная. Северо-восточной границей его является древнее русло, возможно, один из протоков р. Ахангаран (ныне небольшое русло р. Карасу). Ядром города была мощная цитадель в центре северо-восточного фаса. В северном углу цитадели располагалось сооружение замкового типа, возвышавшееся над прилегающей площадью более чем на 30 м, от которого сохранились пахсовые сооружения со сводами и соединительными коридорами на разных уровнях.

---

⁵⁸ В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, 1883, стр. 80—81. Подробно историю изучения и этимологию термина Канка см. в кн.: М. Е. Массон. Ахангаран, стр. 105—110.

⁵⁹ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях г. Ташкента, ПТКЛА, год I, 1896.

⁶⁰ М. Е. Массон. Ахангаран, стр. 105—114.

⁶¹ Материалы хранятся в Музее истории народов Узбекистана.

⁶² В составе отряда, кроме автора, работы проводили и. с. К. А. Абдуллаев, М. С. Мершиев, М. И. Филанович.

Шахристан I площадью 6,5 га отделен от остальной территории рвом с узким 20-метровым соединительным перешейком вдоль северо-западной стены (рис. 17).

В центре юго-западного фаса цитадели заметны следы ворот с въездом-пандусом и мощными предвратными сооружениями.

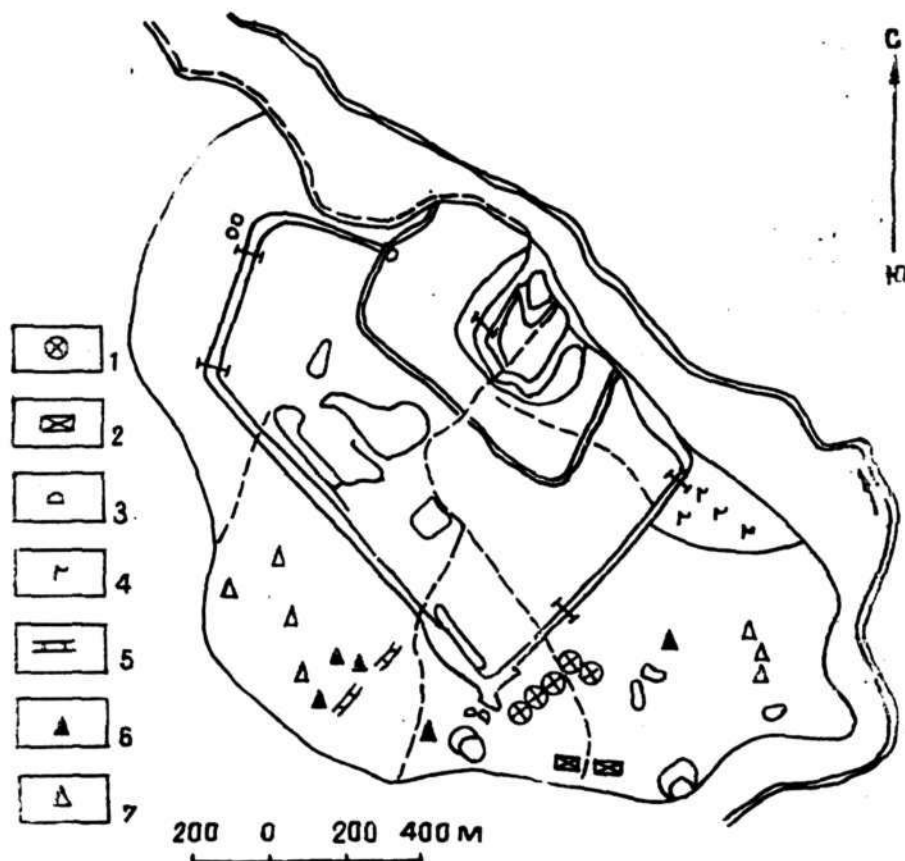

Рис. 16. Канка. План.

Условные обозначения: 1—гончарные печи; 2—печи для обжига кирпича; 3—оссуарии; 4—современное кладбище; 5—система кубуров; 6—скопление неполивной керамики.

С трех сторон (кроме северо-восточной) он окружен шахристаном II, который также окружен стеной и рвами. Площадь его (примерно 50 га) густо застроена. В юго-восточном и западном секторах видны следы улиц, площадей и водоемов. В каждом фаса прослеживаются следы ворот. Особенно четко они читаются в юго-западном фаса на продолжении основного въезда в цитадель.

Следующая стена шахристана III охватывает общую площадь более 150 га, окружая второй шахристан также с трех сторон, кроме северо-восточной. Площадь его была застроена неравномерно. Особенно

густо освоены южные и восточные районы, где среди плотной застройки большими массивами выделяется сооружение размером до 100×100 м типа караван-сарая. Западная же часть города была более свободна от застроек. Здесь среди ровных площадей поднимаются отдельные всхолм-

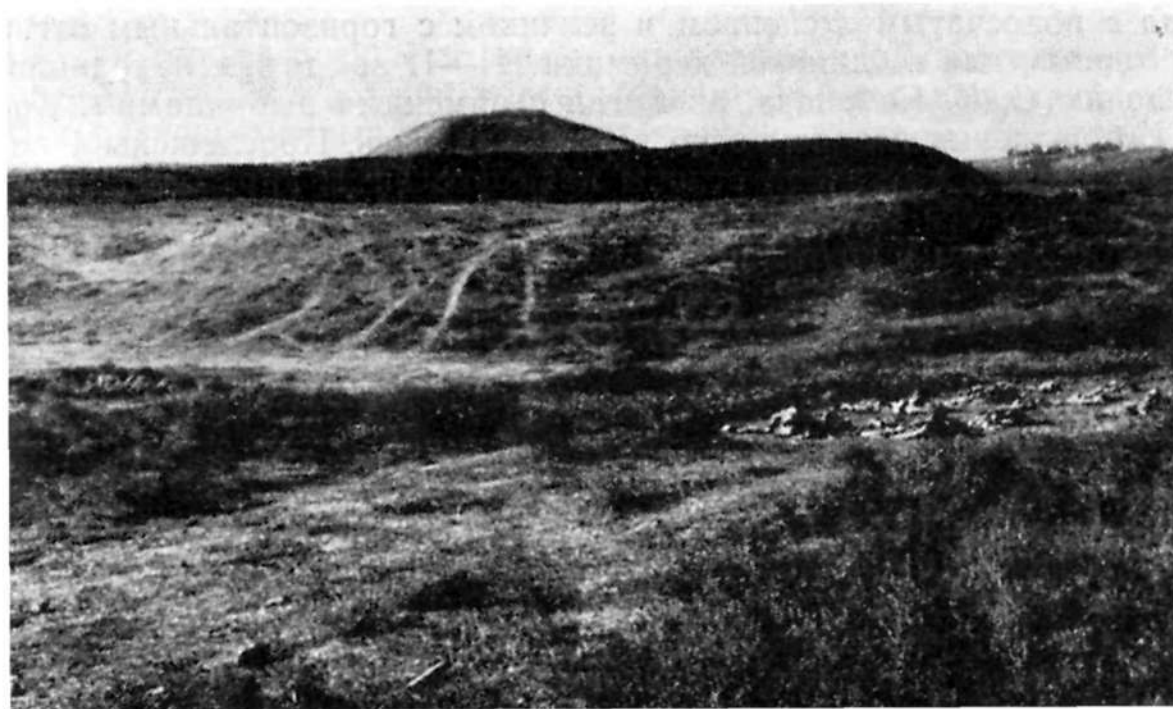

Рис. 17. Канка. Вид цитадели и шахристана I.

ления строений. Стена поднимается до 10 м. Снаружи сохранились остатки рва.

В стене прослеживаются по меньшей мере пять ворот. Особенно близко друг к другу они располагаются на южных участках юго-западного и юго-восточного фасов. И это не случайно. Вдоль этих двух фасов сосредотачивалась основная территория пригорода, составляющего по нашему обследованию не менее 60 га. Северо-восточной границей пригорода, как и шахристана, являлось русло Карасу, делающее здесь излучину, а юго-западной — впадающий в него приток. На северо-западе рабад был развит незначительно.

Исследования показали, что общие размеры города и пригорода превышают 200 га и позволяют считать городище руинами одного из крупнейших городов оазиса, а мощность культурных наслоений указывает на глубокую древность. Изучение городища только начинается,

материалы опубликованы лишь частично⁶³, но уже сейчас можно сделать предварительные выводы.

Разрез стены шахристана I показал, что основа ее сложена из сырцового кирпича античного стандарта размером 40×40×10 см. Внутри расчищенной башни найдены керамические фрагменты первых веков до н. э. Среди них фрагменты тонкостенного краслощенного сосуда с полосчатым лощением и венчиком с горизонтальным отгибом, характерным для согдийской керамики III—II вв. до н. э. находящей, по сообщению С. К. Кабанова, аналогии с римскими рыбницами⁶⁴. Крепостные сооружения неоднократно перестраивались. Прослежены 4 периода с застройкой первичной основы прямоугольным кирпичом и пахсой.

Стена второго шахристана, окружавшая площадь города в 50 га, была сооружена из крупноформатного прямоугольного кирпича и пахсы на высокой платформе. К ней примыкали жилые сооружения с материалом VI—VII вв. Следовательно, стена возведена не позднее VI в. (возможно, в IV—V вв.).

Неожиданными оказались результаты раскопок стены третьего шахристана. Выяснилось, что стена шахристана III, окружавшая город общей площадью более 150 га, возведена раньше, чем стены шахристана II и относятся к периоду не позднее IV в. н. э., а помещения в них содержат материалы каунчинской культуры типа Каунчи II⁶⁵. Таким образом, возникновение города в этих границах следует отнести к первой половине I тысячелетия н. э.

Интересные материалы найдены в рабаде. За северо-восточной стеной открыты керамические мастерские VI—VIII вв. Конструкция печей находит аналогии в синхронных мастерских восточных районов Афрасиаба⁶⁶. Гончары выпускали разнообразную продукцию, включая характерные для этого времени кружечки и кувшины, покрытые красным ангобом с лощением.

---

⁶³ К. Абдуллаев, М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов с городища Канка, ОНУ, 1971, № 10, стр. 71—73; К. Абдуллаев. Археологическое изучение городища Канка (средневековый Харашкет), Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973, стр. 147—149; Он же. Уникальная находка терракотового фриза, ОНУ, 1974, № 2, стр. 45—46; Он же. Квартал керамистов городища Канка, ИМКУ, вып. 11, Ташкент, 1974, стр. 83—92.

⁶⁴ Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюе-кушанских слоях к востоку от Афрасиаба (по материалам раскопок 1968 г.), ОНУ, 1968, № 8; Л. Г. Брусенко. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 107; С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, там же, стр. 31.

⁶⁵ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, М., 1970.

⁶⁶ В. А. Шишкин. Кал'а и Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 143.

При распашке территории рабада под поля сделана уникальная находка — крупный фрагмент терракотовой плиты с рельефным изображением женской фигуры — музыкантши, играющей на струнном инструменте. Фрагмент являлся частью терракотового карниза IV—VI вв. н. э., судя по арочному оформлению, включавшего несколько фигур. Это первое изображение подобного рода, найденное в Ташкентском оазисе.

Внутри города раскрыты жилые комплексы и ремесленные мастерские X—XII вв., а в южной части шахристана — караван-сарай с комплексом разновременных монет и интересным кладом караханидских дирхемов начала XI в.

Во всех раскопах вскрыты остатки архитектуры XI—XII вв. Керамический материал этого времени встречен в юго-восточном секторе рабада, где располагались кирпичеобжигательные печи, выпускавшие кирпич караханидского стандарта $32 \times 16 \times 4-5$ см.

Возникновение на месте Канки укрепленного городского пункта с арком в северной части следует отнести к периоду не позднее III—II вв. до н. э., а это значит, что Канка — самый древний из известных нам городских пунктов Ташкентского оазиса. Для него характерна кладка из квадратного кирпича античного стандарта, не встречающаяся пока ни на одном из памятников Чач-Илака, и наличие в башне керамики согдийского облика (сформованной на гончарном круге и с полосчатым лощением), в то время как на остальной территории оазиса господствует груболопная круглодонная керамика бургулюкского типа, а жилье представлено легкими строениями типа землянок⁶⁷.

В китайских хрониках старшего дома Хань (206 г. до н. э.—252 г. н. э.) среди пяти малых владений кангюйцев упоминается Юниский владетель, пребывающий в городе Юни⁶⁸. Владение это располагалось в Ташкентском оазисе, о чем мы можем судить по экскурсу позднейшей истории дома Тан. Хроника эта, описывая Чач (Ши или Чжешу), сообщает, что место принадлежало городу Юни малого Кангюйского владения⁶⁹.

В связи с тем, что все крупнейшие городские центры Чача имеют более позднее происхождение, мы можем локализовать Юни на месте античной Канки. На сегодняшний день нет достаточных материалов для того, чтобы судить о размерах территории, обжитой вокруг укрепления, однако в середине первой половины I тысячелетия н. э. городские укрепления охватывали уже громадную территорию более 150 га. Ко-

⁶⁷ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН СССР», 1940, № 9, стр. 31—34.

⁶⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1953, стр. 186.

⁶⁹ Там же, стр. 313.

ренную перестройку претерпевают укрепления первого шахристана. Быстрый рост города в начале I тысячелетия н. э. совпадает с развитием земледельческой культуры долины р. Чирчик и междуречья Чирчика и Ахангарана, представленной многочисленными укрепленными поселениями и городами с материалами так называемой каунчинской культуры⁷⁰.

Исключительно интересна находка медных монет небольшого (до 20 мм) диаметра с изображением на аверсе головы правителя, повернутой влево, с густыми волосами, крупным, иногда с горбинкой, носом, небольшими усами и слегка выдающимся подбородком без бороды. На реверсе монеты тамга, края со следами согдийской легенды. Портрет легенды и письма имеют несколько вариантов, восходящих к общему прототипу. Отдельные монеты этого типа находили на городище и раньше⁷¹. Обнаружены они и в более южных пунктах, в частности Дальверзине, и датируются III—IV вв. н. э.⁷² Находки монет в Бенакете, Харашке и Кендыктепе говорят о развитии товарно-денежных отношений в оазисе в первые века н. э., концентрировавшихся, в первую очередь, в крупных городских пунктах центральной части оазиса как Бенакет и Харашет. Таким образом, уже в это время Харашет был тесно связан с Бенакетом и другими пунктами на описываемом пути. Не исключено, что к этому же времени следует отнести основу монументального и многократного перестраивавшегося сооружения у юго-восточных ворот Харашкета, выполнявшего роль, вероятно, каравансарая.

В раннефеодальную пору территория города значительно сократилась. Упадок, однако, продолжался недолго. Уже в конце VI—VII вв. наблюдается новый быстрый рост Харашкета. Вероятно, в это время в замке цитадели построены многоярусные сооружения с пахсовыми стенами. Судя по отдельным находкам, некоторые из зал, как и в Согде, украшались монументальной стеной живописью.

Подвергалась реконструкции и внешняя стена первого шахристана, перестроенная с забутовкой старых башен и возведением на них новых двойных стен с внутренним обводным коридором. Вновь раздвинулись рамки самого шахристана. Материал этого времени встречается в пределах площади большого городища, хотя стены его еще лежат в руинах, а в южных районах за его пределами в пригороде разрослись довольно крупные для той поры мастерские керамистов, выпускавших прекрасную по качеству краснолощенную парадную столовую посуду.

⁷⁰ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, стр. 91—178.

⁷¹ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 27 и 113.

⁷² М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах, Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 9.

Интересно значительное сходство как в конструкции печей, так и в спецификации типов и характера орнаментации выпускаемой керамики с формой гончарных горнов и ассортиментом продукции синхронных мастерских столицы раннефеодального Согда — Самарканда, оказывавшего влияние на некоторые виды ремесла крупных городских центров Чача.

На малозастроенной территории западного сектора шахристана II найден оссуарий овальной формы с костями человека внутри.

Наиболее бурно город разросся в IX — первой половине XII вв. В этот период забрасываются стены шахристана и на них выросли новые жилые дома. Вновь возвели стену на вершине оплывшего вала, окружавшего город на площади более 150 га, но по размерам она значительно уступала древней, хотя общая ее высота с учетом рва оставалась значительной.

В цитадели и шахристане появились плотные застройки массивов, вдоль которых по микрорельефу прослеживаются линии магистральных дорог, ведущих к воротам. Особенно четко прослеживается через весь город магистраль, ведущая к юго-восточным воротам. Вдоль нее фиксируются не только жилые массивы, но и мастерские металлургов (шлаки и крицы близ караван-сарая к северо-западу от дороги) и гончарные мастерские, выпускавшие глазурованную посуду (рис. 18), крышки и, возможно, дастарханы.

Но и эта территория в X—XII вв. не характеризовала границы Харашкета. К юго-востоку и юго-западу от городских стен на площади не менее 60 га разрослись довольно густые застройки пригорода — рабада со следами ремесленного производства, в частности кирпичеобжигательного. В северо-западном рабаде неподалеку от городской стены зафиксированы гончарные печи. Наличие развитого ремесла подтверждается и обилием разнообразных форм поливной и неглазурованной посуды, стеклянными, бронзовыми, железными изделиями, поделками из камня и кости.

Обильно представлены монетные находки, особенно медные фельсы и серебряные дирхемы. Много монет найдено на территории караван-сарая. Среди них интересный клад из 23 караханидских дирхемов целиком чачского чекана, представляющий возможность уточнить некоторые вопросы положения Чач-Илака в составе государства Караханидов первой половины XI в.⁷³

Разрастание крупного рабада и густое обживание шахристана свидетельствуют о расцвете жизни Харашкета. Стоявший на караванном

---

⁷³ К. Абдуллаев, М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов с городища Канка, стр. 73.

пути, игравшем еще значительную роль, он стал одним из крупнейших торгово-ремесленных центров оазиса. По данным географов X в., Харашкет наряду с Шутуркетом лишь немного уступал столице владения — Бинкету.

Концентрация ремесленно-торговой жизни в крупных городах иногда отрицательно отражалась на развитии соседних пунктов. По-

Рис. 18. Канка. Сосуды X в.

добные факты прослежены нами на примере ряда городов Илака. То же можно отметить и для округа Харашкета. На пути Бенакет — Харашкет прослежен ряд довольно крупных укрепленных поселений и замков, жизнь в которых в IX—X вв. либо ослабла, либо прекратилась совершенно, уступив место неукрепленным поселениям.

Ярким примером этому может служить городище Кыркджанги в 3 км к северо-западу от Харашкета (рис. 19). Это руины древнего города площадью более 15 га. Ядром его являлась мощная цитадель неправильного очертания в юго-западном углу городища, состоявшая из замка округло-овальной формы и окружавшей его со всех сторон, особенно с востока, возвышенной территории с четко читаемым въездом-пандусом по спирали, подходившим из северной части городища. Площадь самого городка, обнесенного крепостным валом несколько неправильной формы, вытянута с востока на запад до 540 м. Внешний вид городища сильно изменен холмиками современного кладбища. Лишь в северо-восточном углу сохранилось углубление типа хауза. Мощность культурного слоя достигает местами 3 м.

Основной материал с поверхности и обрезов относится к VI—VIII вв. и представлен характерными формами неполивной керамики, включающей одноручные кружечки и близкие к ним по форме горшочки, стройные кувшины с широким устьем, иногда оформленным сливом

и высокой ручкой от венчика до плечика. Здесь же ранее В. Д. Жуковым найден богато орнаментированный фрагмент оссуария овальной формы.

Материалы IX—XI вв. встречаются на всей территории шахристана, но культурный слой незначителен.

Расцвет жизни этого городского пункта относится к ранним этапам феодальной эпохи. В IX—X вв., для которых характерно расширение

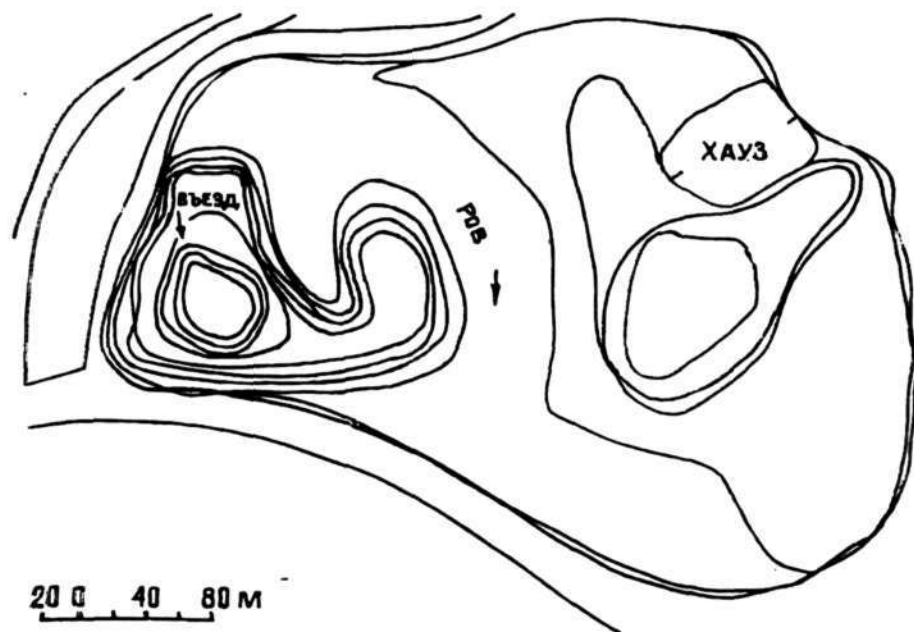

Рис. 19. Кыркджанги. План.

территории городов, в Кыркджанги наблюдается начало упадка, которое, может быть, связано с концентрацией городской жизни, ремесел и торговли в соседнем Харашке.те.

Последний этап жизни Харашке.те относится к XII—началу XIII вв. Слои этого времени сильно разрушены и находки незначительны.

Материалы последующего времени представлены отдельными случайными находками: медной монетой тимуридского времени, фрагментами глазурованного сосуда из силикатной массы с синей росписью по белому фону. Но в целом жизнь на городище прекращается, что является следствием монгольского завоевания, приведшего к гибели и Бенакете и, вероятно, соседних крупных городов. Этим и объясняется отсутствие сведений о городе и в позднесредневековых источниках, описывающих долину, и в легендах и преданиях.

Худайнкет. В одном фарсах от Харашке.те арабские дорожники помещают городок Худайнкет, сведения о котором весьма скудны. Упоминается лишь название и сообщение о том, что путь через Худайнкет вел либо к Чинаккету, либо к Шутуркету. От последнего описываемый

городок отделяло расстояние в 3 фарсах. Единственным памятником городского типа, археологически прослеживаемым на указанном пути, является городище Аккурган на северной окраине современного одноименного селения в 8 км к востоку от Харашкета близ левого берега р. Ахангаран⁷⁴ (рис. 20).

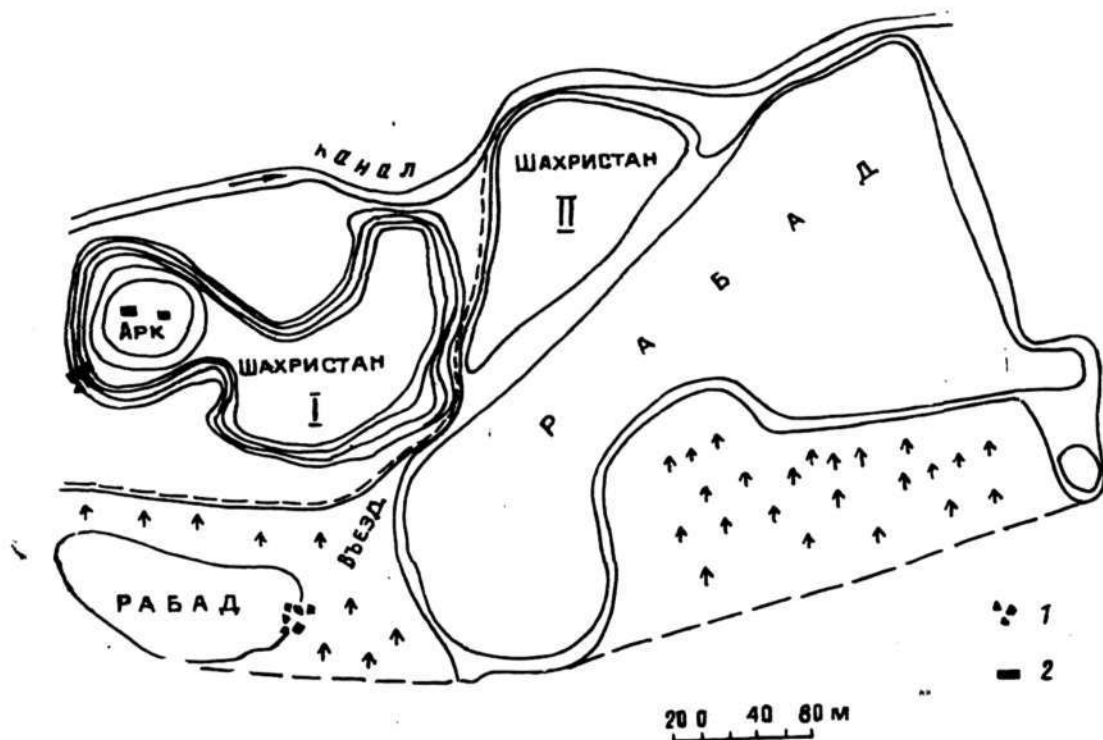

Рис. 20. Худайнкет. План.

Условные обозначения: 1—гончарные печи; 2—раскоп.

Городище сильно изменено перепланировкой рабада на поля, в шахристане функционирует кладбище, а площадь цитадели занята монументальной скульптурной композицией воинам-аккурганцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Однако по остаткам микрорельефа и ареалу распространения материала установлено, что общая площадь городища с пригородом составляла примерно 30 га. Форма городища подпрямоугольная, вытянутая с запада на восток на 700 м, с севера на юг — от 400 до 450 м.

В западной части шахристана поднимается округлая и очень высокая (более 20 м) цитадель с крутыми обрывами на север, запад и юго-запад. С востока от шахристана ее отделяет глубокий ров со сле-

⁷⁴ Обследование памятника проведено Ю. Ф. Буряковым в 1957 и 1971 гг. Краткое описание с отождествлением проведено в работе: Ю. Ф. Буряков. О втором караванном пути из Согда в Шаш, стр. 44.

дами узкого перешейка входа. Вход вводил в шахристан площадью около 3 га. Возможно, первоначально это был прямоугольник размером 150×200 м, слегка вытянутый с востока на запад. К востоку от шахристана располагалась еще одна территория таких же размеров, отделенная ровом и отдельной стеной, но несколько неправильной формы. С юга, востока и в незначительной степени с запада к ним примыкала обширная территория площадью более 20 га, возвышающаяся над остальной площадью на 2 м. Она, вероятно, также была обнесена валом, остатки которого с башней сохранились лишь в юго-восточном углу. В южной части прослеживается магистраль с въездом на границе двух шахристанов и рабада. Раскопки на городище не проводились, но были обследованы обрезы, сделанные при перепланировке цитадели, и котлованы.

Толщина культурного слоя цитадели 15 м. В нижних слоях встречена лепная керамика каунчинского типа, покрытая полосами и потеками красно-коричневой и черной краски, фрагменты жаровен, груболепные горшки-котлы. Эта керамика аналогична находкам нижних слоев Бенакета, слою внешней оборонительной стены Харашкета и может быть датирована концом первой половины I тысячелетия н. э. Значителен по мощности слой VI—VII вв. Он представлен монументальной стеной из сырца крупного стандарта, прослоенного блоками пахсы.

Материалы этого слоя многочисленны. Это фрагменты хумов с крупными валикообразными венчиками и небольшой горловиной, тулово их иногда покрывалось полосами и потеками краски (как лепные горшки предшествующего периода), кувшины и лепные, и изготовленные на гончарном круге, шаровидные котлы, кружечки. Интересно, что так же, как и в Бенакете, с нижнего слоя начинают встречаться керамические столики на трех ножках, сначала довольно тонкие, небольших размеров, диаметром до 50 см, а в верхнем слое они утолщены, диаметр их вырастает до 70—80 см.

Материалы верхнего слоя получены в шахристане и рабаде из подъема, а в цитадели — из котлованов, опущенных на глубину до 3 м. В одном из них расчищены остатки жилого сооружения из жженого кирпича размером $33 \times 17 \times 3,5$ см. Под ними — разрушенные помещения более раннего времени. С нижним слоем связана и глазурованная керамика с желтовато-болотной и красно-коричневой росписью по белому фону под бесцветной поливой. Форма сосудов, мотивы орнамента и характер глазури типичны для X — начала XI вв.

Верхнее сооружение по стандарту кирпича и заполняющему материалу может быть отнесено к XI—XII вв. К этому же времени относится и перекрывающий их слой, лишенный архитектурных остатков.

В другом котловане расчищено захоронение по мусульманскому образцу и завал жженого кирпича, стандарты которого характерны для

X и XI—XII вв. Это кирпич-маломерка $20 \times 20 \times 4$ см прямоугольный стандарт $32 \times 16 \times 4$ см и $35 \times 20 \times 5$ см.

В восточном рабаде расчищена круглая в плане двухъярусная гончарная печь. Гончарные шлаки найдены также в юго-западном рабаде. На всей его территории встречаются фрагменты стеклянных сосудов, неполированная и глазурированная керамика — чаши, касы, чираги X—XII вв.

Обследование памятников показывает, что жизнь на территории городища зародилась в III—IV вв. В VI—VII вв. здесь выросли монументальные оборонительные сооружения в цитадели. Не позднее этого периода к востоку от цитадели было возведено прямоугольное в плане укрепление шахристана.

Город разрастался с запада на восток вдоль какого-то протока древнего Чирчика, в который впоследствии прорвалось русло Ахангарана. Вероятно, городок играл роль укрепления на магистральном пути. В IX—X вв. он значительно расширился (с пригородами до 30 га). Однако и в пору расцвета Худайнкет, вероятно, принадлежал к числу небольших городков со слабо развитым ремеслом, предместья которого постепенно перерастали в сельскохозяйственную округу.

Самый верхний материал, широко встречающийся на всей площади, относится к XI—XII вв. От этого времени сохранились не только керамические и стеклянные изделия, но и остатки монументальных строений на территории цитадели из жженого кирпича. Кирпичи аналогичного стандарта найдены и в рабаде. Последующие столетия представлены случайными находками. Городище лежало в руинах, а позднее превратилось в кладбище, а название его исчезло со страниц исторической литературы.

Из Худайнкета путь вел в долину Чирчика. Упоминаются два пункта, в которые шел путь — Шутуркет и Чиначкет. Первый располагался в трех фарсах от Худайнкета. Действительно, расстояние между данными пунктами по прямой составляет примерно 17 км, а вдоль древнего пути около 24 км. Вдоль пути сохранились руины укрепленных замков — тепе Безымянное, Байтепе, Тешиктепе 1 и 2.

Вторая ветвь этого пути, ответвляясь от первой близ замка Тешиктепе, вела на северо-запад к Чиначкету.

Города на северном караванном пути

Выходя к левому берегу Чирчика, южный путь сливался с северным. Если, по сведениям ранних хроник, он выходил к Чиначкету или Шутуркету, то в X в. Истахри точно указывал, что «левого берега реки Тюрк достигали у Чиначкета»⁷⁵.

⁷⁵ Истахри. BGA, II, p. 345.

Унджакет. Чиначекет был первым крупным городом, подчеркивали историки. Фактически же на берегу Сырдарьи у впадения в нее Чирчика был еще один город — Неджакет или Унджакет. Истахри сообщал, что город этот «в долине реки Чача и в нем собираются (воды) реки Тюрк и между ним и Бенакетом 3 фарсаха»⁷⁶. Если учесть также указание Ибн Хаукаля, что р. Тюрк «впадает в Чачскую реку в окрестностях города Неджакета»⁷⁷, то ясно, что город следует искать близ устья Чирчика.

В. Л. Вяткин предполагал возможность его расположения близ с. Ульджакет⁷⁸, что было принято и В. В. Бартольдом в противовес мнению Н. С. Лыкошина, размещавшего здесь христианское селение Винкерд⁷⁹.

Однако обследовавший впоследствии долину Г. В. Григорьев считал, что переправа через Сырдарью осуществлялась ниже впадения Чирчика, так как «бессмысленно было бы переправляться через Сырдарью выше впадения в нее Чирчика, вязнуть в болотах поймы, а затем через несколько километров опять переправляться через многоводную и капризную реку»⁸⁰.

Проведенное нами в 1971 г. исследование маршрута показало, что наиболее удобное место переправы располагается выше впадения Чирчика, где сохранились твердые останцы, а затем напротив Чиназа — древняя переправа через Чирчик. До недавнего времени и через Сырдарью, и через Чирчик функционировали паромные переправы. В районе с. Гуль (старинный Ульджакет) были зафиксированы руины древнего городища (рис. 21). Памятник располагается прямо в древней дельте Чирчика в 1,2 км восточнее Сырдарьи и в 3,5 км к югу от Колганчирчика. До Чиначекета расстояние составляет 9 км.

Городище подквадратное в плане, размером 430×550 м, ориентировано по сторонам света с небольшим (до 10°) склонением к западу и слегка вытянуто с севера на юг. В северо-восточном углу расположена цитадель 55×55 м, отделенная рвом от остальной площади с входом-пандусом на северо-западе. К югу и западу от нее — площадь шахристана, образующая вместе с цитаделью прямоугольник 230×270 м. Ров отделяет от них третью укрепленную территорию — шахристан II. Южная часть последнего разрушена при перепланировке полей, но определяется по ареалу находок и сообщениям жителей. В целом площадь

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 23.

⁷⁸ В. Л. Вяткин. К исторической географии Ташкентского района, Туркестанские ведомости, 1900, № 101.

⁷⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 227.

⁸⁰ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 10.

густо обжитого крепостного ядра составляет 24 га. Территория вокруг крепости была обжита слабо.

Предварительное изучение памятника проведено закладкой небольшого раскопа на западном фесе цитадели, стратиграфического шурфа в шахристане I и зачисткой разрезов в шахристане II⁸¹.

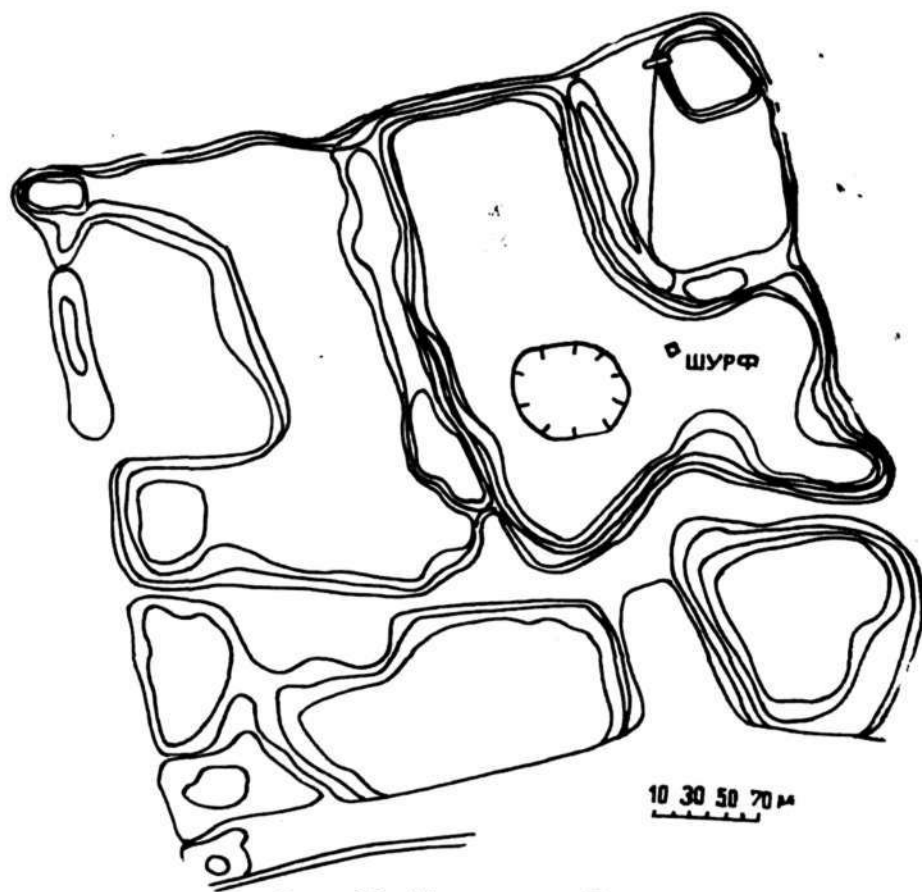

Рис. 21. Нуджакет. План.

Раскоп в цитадели представляет собой траншею 16×4 м, проведенную от вершины северо-западного феса стены до ее подножья во рву (рис. 22). Раскопки показали, что оборонительные сооружения возводились на искусственной двухметровой пахсовой платформе, состоящей из блоков $40 \times 40 \times 30$ см с применением гальки, лежащей на слое болотной глины и галечниковых отложений материка. Интересно, что и в платформе, и в подстилающем слое не найдено ни одного фрагмента керамики, ни уголька. Стена пахсовая, двойная с внутренним обводным коридором шириной 1,65 м. Стены сохранились на высоту до 1,2 м. Внутренняя стена вертикальная, толщиной 1,6 м; внешняя — с

⁸¹ Раскопки проведены Ю. Ф. Буряковым в 1972 г.

уклоном наружу, переходящим в берму платформы, толщина ее в основании 4 м, вверху 1,2 м. В коридоре расчищены три уровня полов. Прослежено несколько ремонтов внешней стены, чередующихся с оплывами.

За двойной стеной внутри цитадели, в нижнем слое расчищено помещение с двумя уровнями полов и очагом на нижнем полу. На верхнем

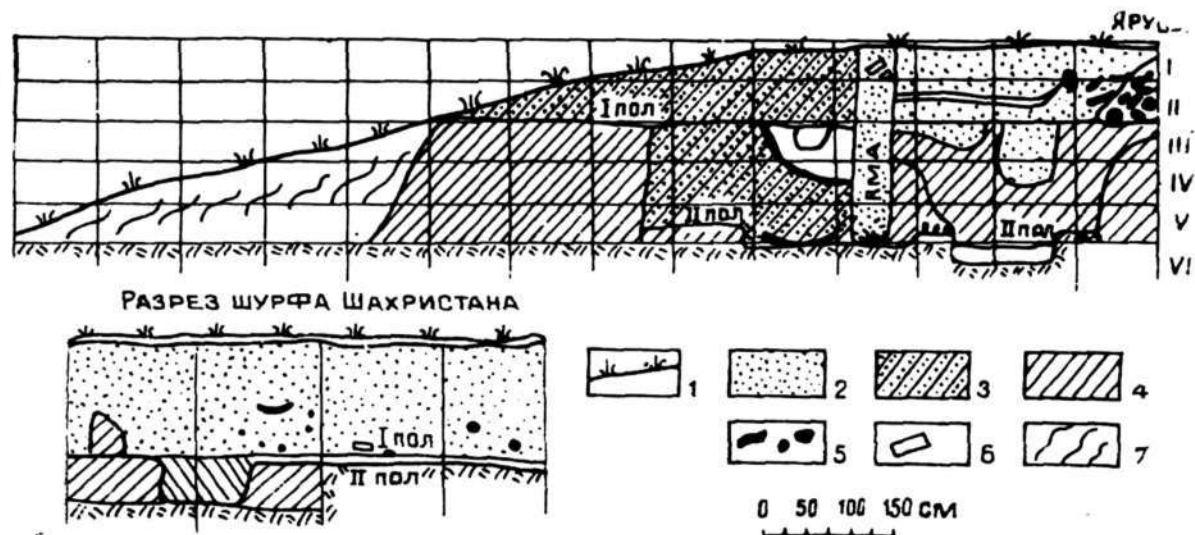

Рис. 22. Нуджакет. Разрез северной стены траншеи цитадели.

Условные обозначения: 1—дерновый слой; 2—рыхлый завал; 3—рыхлый завал с пахсой; 4—пахсовая стена; 5—угли и зольники; 6—жженный кирпич; 7—оплыв.

полу обнаружены сгоревшие балки перекрытия. Стены также обожжены, очевидно помещение погибло от пожара.

Материал нижнего пола немногочислен и представлен невыразительными фрагментами красноглиняных кувшинов. Интересны лишь фрагменты чирага и чаши. Чираг имел округлое невысокое тулово с небольшим носиком и петлевидной ручкой и покрытие коричневой поливой с обеих сторон. От чаши сохранилась часть стенки, украшенной коричневыми и зеленоватыми разводами по бело-салатному полю под бесцветной поливой. Как чираг, так и чаша по расцветке характерны для X в.

Более многочисленны находки на верхнем полу. Глазурованная керамика этого слоя представлена чашами, украшенными зеленой, лимонно-желтой с коричневой росписью и цвета слоновой кости с зелеными ободками по краю глазурью. Эта керамика характерна для XI—XII вв., а лимонно-желтая полива характерна для Чач-Илака этой поры⁸².

⁸² М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 49.

Вместе с глазурованной керамикой найдены фрагменты неполивной посуды XI—XII вв. — верхняя часть хума с бортиком под венчиком, хумча с широким туловом, одноручный сероглиняный кувшин с гребенчатым процарапанным орнаментом по плечу. Мотив — концентрические линии и между ними волнистая полоса.

Как отмечалось выше, на руинах помещения, погибшего от пожара, расчищено более позднее сооружение жилого назначения. Находки в нем представлены обломками тонкостенной чаши с голубой росписью по белому фону. Подобная расцветка чаш типична для тимуридского времени. К XV—XVII вв. может быть отнесен и фрагмент венчика хума с рифлением по горловине.

В перекрывающем это помещение слое, лишенном архитектурных остатков, встречен смешанный материал. Это и обломки кирпича, целые экземпляры которого имеют стандартные размеры $32 \times 16 \times 4$ см, т. е. размеры, характерные для XI—XII вв. Но есть и керамика XVIII в. Она представлена горшками довольно грубой формовки и толстостенными тагора с желтоватой и красноватой, отливающей сиреневым оттенком, глазурью. На поверхности раскопа и близ него также встречались фрагменты поливной керамики XVIII в.

Шурфом в шахристане I расчищено два уровня строений, стены которых возведены из пахсы. Керамический материал из нижних слоев шурфа и зачисток датируется концом IX — началом X вв., а основная постройка — X — XI вв. В верхнем слое встречена керамика XII — начала XIII вв. без архитектурных остатков. В одной из зачисток этот слой, как и в цитадели, перекрыт остатками пожара. При перепланировке южной части городища вместе с фрагментами глазурованной керамики X в. был извлечен неполивной одноручный кувшин крупных размеров на плоском выступающем поддоне и с туловом стройных тянутых пропорций с легким расширением от придонной части к плечу и более крутым к цилиндрической горловине. Верх сосуда отбит, сохранившаяся высота составляет 80 см. Снаружи кувшин покрыт красным лощением и орнаментирован. В нижней трети проходит рельефная полоса. В центре тулова — рельефный медальон с врезным орнаментом из концентрических кругов полукапель. Переход от плеча к горловине орнаментирован канеллюрами. Кроме этих находок на поверхности городища встречены фрагменты керамики XV—XVII вв.

Материалы показывают, что появление укрепленного пункта, да и жизни на городище в целом, следует отнести не ранее, чем к концу IX в. Положение его в устье реки, разливающейся здесь на несколько русел (из которых наиболее крупные Колганчирчик и Чирчик), близ переправы и созвучие названия непрерывно существующего здесь селения позволяют отождествить городище со средневековым Неджакетом или Унджакетом. Городок вырос в саманидскую пору как специ-

альное укрепление и пункт переправы в связи с расцветом жизни вдоль северного пути из Согда в Чач. Видимо, поэтому он не упоминается Кудамой, использовавшим ранние источники, когда город еще не сформировался. Истахри же и Ибн Хаукалю он был уже известен. Город стоял у переправы через Сырдарью и поблизости от переправы через Чирчик. В связи с этим, нам кажется, что следует вновь вернуться к определению принадлежности сообщения автора Худуд ал-Алема об одном из городов Чача, в котором жили «лодочники, работавшие на Фараку и Хашарту»⁸³. В. Ф. Минорский название его читает как Нуджакет⁸⁴, В. В. Бартольд, М. Е. Массон и В. М. Массон⁸⁵ связывают его с Нуджкетом, стоявшим в 1 фарсах от Бинкета на пути в Илак.

Выявление Неджакета у переправы через Сырдарью и «близ устья Чирчика, где собираются воды Фарака и изливаются в реку Чача», позволяет считать предпочтительнее отнесение сообщения Худуд-ал-Алема именно к этому городу, где могла проживать специальная категория лодочников, основным занятием которых была работа по перевозке товаров через Сырдарью и Чирчик и по этим рекам. Это свидетельствует и о жизненности пункта в последующие столетия. Правда, укрепления, функционировавшие в XI—XII вв., были разрушены, вероятно, в период монгольского нашествия. Однако жизнь здесь продолжалась и в последующие столетия. Местность эта под названием «мульки Уджокат Лабноб» входила в XV в. в состав владений ходжи Ахрара в Ташкентской области⁸⁶. Жизнь, однако, развивается не внутри брошенного укрепления, а на его периферии, где и до наших дней сохранилось селение Ульджакет (ныне с. Гуль).

Чиначекет. От Неджакета через Чирчик путь подводил к средневековому Чиначекету (Джинаджикету), стоявшему, по Истахри, на берегу р. Тюрк в 2 фарсах от р. Чача⁸⁷. Еще В. В. Бартольдом он был отождествлен с руинами городища в с. Чиназ⁸⁸.

---

⁸³ Худуд ал-Алем, литографированное издание В. В. Бартольда, Л., 1930, л. 24 б.

⁸⁴ Hudud al-'Alam, The Regions of the World. A Persian Geographi 372 A. H —982 A. D. Transl. and explained by V. V. Barthold (+1930) transl. from the Russian. London, 1937 (GMS NS. XI).

⁸⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 230—231; М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 41—42; В. М. Массон. Городище Ханабад, стр. 78.

⁸⁶ О. Д. Чехович. Новая коллекция документов по истории Узбекистана, Исторические записки, т. 36, М., 1951, стр. 263; З. А. Кутбаев. Интересный документ по аграрной истории Средней Азии, ОНУ, 1968, № 12, стр. 36. Эта местность доходила до Сырдарьи, носившей на данном участке название «река Шахрухни». Такое же название носила еще одна местность в восточном районе Чача. Для уточнения места последняя названа «Уджакоти Фаркати».

⁸⁷ Истахри. ВГА, II, р. 345.

⁸⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 227.

При обследовании памятника в 1934 г. Г. В. Григорьевым был снят схематичный план, выявлена старица древнего русла реки, омывавшей город с юга, и остатки восточной и северной стен шахристана, собран материал X—XII вв.⁸⁹

В середине 50-х годов, в связи с частичной перепланировкой шахристана, кафедрой археологии Средней Азии ТашГУ осуществлялся археологический надзор со сбором материала X—XII вв.⁹⁰, а в Институт истории и археологии АН УзССР поступили витые серебряные браслеты X—XI вв. из Чиназа⁹¹.

В 1960—1961 гг. Музеем истории народов Узбекистана в Чиназе был собран уникальный клад серебряных, преимущественно саманидских, монет поразительный как по общим запасам серебра, так и по обилию вариантов чекана. В музей поступила основная часть клада общим весом 11 кг 887 г, включавшая более 1800 монет, хранившихся в медном кувшине⁹².

В 1970—1971 гг., в связи с систематическим обследованием памятников бассейна Чирчика, разведочное изучение памятника было проведено отрядом Института археологии АН УзССР⁹³. Оно включало в себя выявление границ древнего города со съемкой плана, изучение стратиграфии его наслоений и сбор материала с различных уровней (рис. 23). К настоящему времени от города сохранилась лишь часть шахристана, лежащая на территории районного парка, южнее автодороги на Ташкент, в виде прямоугольного холма высотой 10—12 м, вытянутого с юго-запада на северо-восток, размером 350×250 м. Более трети шахристана было недавно утрачено при возведении в его северо-западной части площади. Таким образом, окруженный стеной, город занимал площадь более 12 га. В центре его восточного фаса поднимается цитадель прямоугольной формы с заovalенными углами размером 50×80 м, слегка вытянутая на северо-запад и поднимающаяся над шахристаном на 6—8 м. За пределами шахристана густо обжитая в древности территория прослежена на участках современной застройки

⁸⁹ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 8—12, 47.

⁹⁰ С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназа и Зангиата, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 193—194.

⁹¹ Д. П. Вархотова. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 116—119.

⁹² Монеты найдены летом 1960 г. на территории шахристана Чиначекета, занятой ныне жилыми домами, на участке Тагаева на глубине 1 м. Часть клада осталась на руках. Поступление в Музей произошло через сотрудника Музея С. Х. Ишанханова. Детальная обработка клада не проводилась. Упоминание о нем см.: Ю. Ф. Буряков. Тангалар тилга кирганда, «Фан ва турмуш», 1964, № 1, стр. 12.

⁹³ В работах кроме автора участвовал Г. Дадабаев. Глазомерная съемка городища проведена О. М. Ростовцевым. Первичное сообщение см.: Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. К истории Чиназа (Древний Чиначекет), ОНУ, 1972, № 9, стр. 44—47.

на юг и юго-запад до 800 м. С севера город ограничивался древним некрополем с архаичной керамикой. Таким образом, общая площадь города составляет около 50 га. В состав города нами включена большая тер-

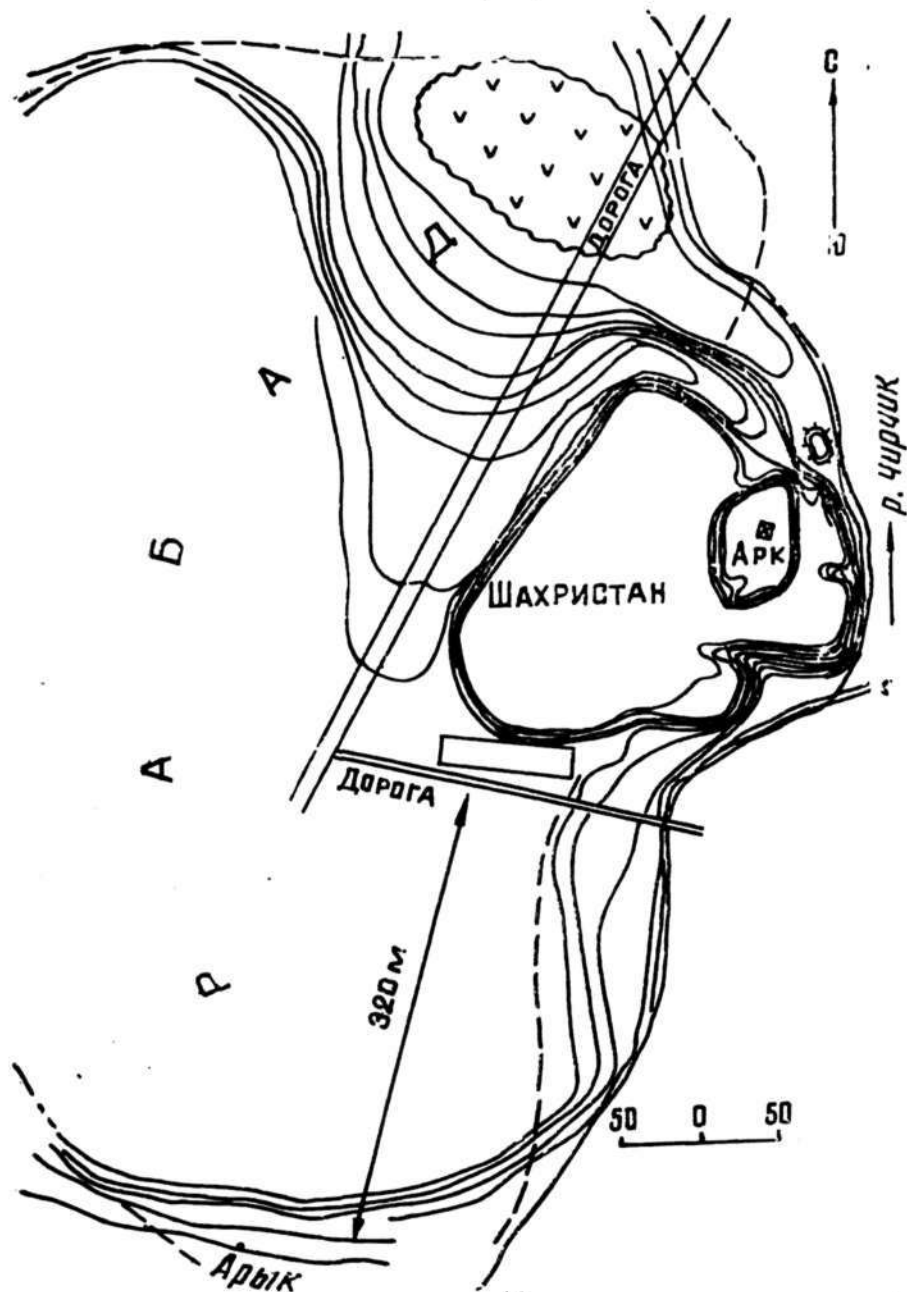

Рис. 23. Чинаккет. План.

ритория на западе и северо-западе, не сохранившая значительных культурных наслоений и архитектурных остатков, но содержащая обломки керамики IX—XII вв. Она включается с учетом сообщений древних географов о том, что в Чинаккете часть жителей живет в «войлоч-

ных домах», т. е. в юртах. Такой образ жизни, естественно, приводил к тому, что архитектурно-строительных остатков не оставалось, да и бытовых находок в таком случае оставалось немного.

Хронология наслоений прослежена стратиграфическим шурфом, размером 4×8 м, заложенными в северо-восточном фесе городища.

Собранные материалы проливают некоторый свет на начальные этапы истории Чиначекета. Подъемные находки и материал могильника на северной границе городища позволяет предполагать о наличии в начале I половины I тысячелетия н. э. поселения, на базе которого с середины I тысячелетия н. э. вырастает раннефеодальный город, окруженный двойной крепостной стеной.

Город формировался на базе постоянного водного источника, вероятно, одного из протоков Чирчика. Не менее важную роль сыграло и положение его на границе со скотоводческими степными районами, с которыми развиваются крупные экономические связи.

Город в этот период занимал площадь не менее 12 га в пределах стены шахристана. На востоке он ограничивался руслом реки, на севере границей являлся некрополь, на западе и юге — крепостные стены.

Быстрое разрастание Чиначекета как торгово-ремесленного и транзитного пункта караванной торговли относится к саманидо-караханидскому времени. Судя по ареалу распространения находок, город развивался преимущественно в южном и западном направлении.

В связи с перемещением на широкие площади периферии экономического пульса жизни города, теряют свои функции крепостные стены шахристана. Постепенно они приходят в упадок и застраиваются жилыми домами.

Не случайно Макдиси в X в. отмечал, что Чиначекет не имеет оборонительных стен⁹⁴. На всей обширной территории городища найдены материалы X—XII вв. Однако остатки застройки читаются в основном в южном направлении. В западном же, несмотря на наличие материала, мы не встречаем следов монументальной архитектуры. Возможно, эти площади были заняты населявшими часть города скотоводами, жившими в юртах. Этот факт отмечен географами X в., сообщавшими, что часть жителей Чиначекета «живет в войлочных домах».

Для XI—XII вв. характерен дальнейший рост Чиначекета как одного из крупных торгово-экономических пунктов Чача. Примером торгового капитала может служить упомянутый выше громадный клад серебряных монет и находка крупных серебряных браслетов из витой проволоки.

Важным фактором формирования и развития здесь городского пункта было удачное расположение его на удобном месте близ впадения Чирчика в Сырдарью на слиянии торговых путей, подходивших в Чач с юга и запада.

⁹⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 226—227.

Размеры клада и разнообразие вариантов чекана говорят о значительном размахе торгово-ростовщических операций в городе этого времени и о большом его торгово-экономическом потенциале.

В разряд капитала следует отнести и браслеты, которые неоднократно встречались в составе кладов на территории Чач-Илака⁹⁵.

Определенную роль в развитии города играла и торговля с кочевыми племенами и лежащими на их территории городами Кендже⁹⁶.

Более поздние материалы на городище представлены отдельными случайными находками. Не исключено, что в XIII в. после монгольского нашествия город начинает постепенно передвигаться к юго-западу на место нынешнего г. Чиназ⁹⁷.

Шутуркет. Следующий город на пути из Чиначекета в столицу области — Шутуркет или Уштуркет. Это один из крупнейших и, вероятно, древних городов области, так как упомянут при описании южного пути, связанного с группой наиболее древних городов оазиса. Он стоял на берегу Чирчика в трех фарсах от Худайнкета. А в саманидскую пору это был третий по величине город Чач-Илака после Бинкета и Харашкета⁹⁸. По сообщению Макдиси, это был крупный, хорошо укрепленный город с красивыми крытыми базарами-тимами⁹⁹.

Первое предположение о его локализации было высказано В. В. Бартольд¹⁰⁰, локализовавшим его восточнее с. Иски Ташкент на месте городища, которое, по сообщению Д. И. Эварницкого, тянулось «верст на восемь вдоль берега реки и версты на две или на три на запад в степь»¹⁰¹. Это отождествление принято всеми последующими исследователями. Конечно, средневековый Шутуркет был крупным городом, но, как правильно отметил Г. В. Григорьев¹⁰², Д. И. Эварницкий сильно преувеличил размеры города, включив в его состав ряд самостоятельных феодальных замков. Древность его может быть под-

---

⁹⁵ Аналогичные серебряные браслеты были найдены вместе с монетами XI—XII вв. в Дукенте, близ Ангрена, и вместе с другими украшениями — в Сиджаке, на правом берегу Пскема (И. Ахраров, Г. Тиммергалиев. Клад серебряных украшений из Сиджака, СЭ, М., 1966, № 3, стр. 119—121). Интересно отметить, что при разных размерах браслеты имеют определенную кратность (при определенных колебаниях) в весе как 1:2:3.

⁹⁶ Близкую к Чиначекету материальную культуру демонстрируют синхронные слои городища Утурлитепе, расположенного примерно в 30 км к северу от Чиначекета на левом берегу Сырдарьи и изученного в 1971 г. Шаш-Илакским археологическим отрядом.

⁹⁷ Факт передвижения жителей на соседние территории после XIII в. отмечен в Чач-Илаке, например в Бискете, Нукете, Самсиреке.

⁹⁸ Абу-ль Касым ибн Хаукаль Пути и страны, стр. 24.

⁹⁹ Макдиси, ВГА, I, р. 276—277.

¹⁰⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 227—228.

¹⁰¹ Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении, Ташкент, 1893, стр. 149.

¹⁰² Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 46.

черкнута народными преданиями, смешивавшими его со столицей, помещавшими в нем старинного богатыря Таша, имя которого заложено еще в древнейшем названии оазиса. К сожалению, к настоящему времени территория памятника почти полностью смыта водами Чирчика, прорвавшегося на данном участке далеко на север и слившегося частично с Куркульдуком. Лишь на отдельных участках встречаются скопления керамики и бадрабы. Один из таких бадрабов обнажился в обресе Чирчика в 1967 г. Из него были извлечены многочисленные фрагменты стеклянных изделий из мелкопузырчатого дутого стекла зеленоватого цвета и обломки чаш с красной и коричневой росписью по белому фону под бесцветной поливой. Керамика характерна для X—начала XI вв. Аналогичная керамика с городища приведена Г. В. Григорьевым, отметившим находку дастархана и жженого кирпича размером $25 \times 17 \times 4$ см и $25 \times 8 \times 3,5$ см, характерного для XI—XII вв.¹⁰³

Данфеганкет. Следующий город на пути к Бинкету — Данфеганкет — располагался в 2 фарсах к востоку от Шутуркета.

Относительно этимологии названия города интересно отметить мнение О. И. Смирновой, транскрибирующей его как доарабское название Динбагинкет — «город храма религии», связав его с наличием здесь крупного домусульманского храма¹⁰⁴.

Локализация его сделана Г. В. Григорьевым, отождествившим руины Данфеганкета с городищем Югонтета близ с. Ниязбаш¹⁰⁵ в 4 км к востоку от железнодорожной станции Янгиюль (рис. 24).

Городище Югонтета (крупный, «толстый» холм) расположено в пойме Чирчика. Оно включает в себя отдельно стоящий округлый холм замка (или цитадели) общим диаметром более 150 м, окруженный подковообразно с трех сторон поселением, и примыкающий к ним с юго-запада прямоугольник крепости 420×400 м, окруженный самостоятельными стенами с четко читаемыми башнями. Крепость вытянута с юго-запада на северо-восток. Высота стен от подножья около 6 м, башни округлой формы. На длинной стороне насчитывается по 7 башен, на короткой по 6. Внутри городища поперечная стена с северо-запада на юго-восток делит его на две неравные части. С трех сторон — северной, западной и восточной — прослеживаются следы ворот.

Микрорельеф городища сильно изменен распашкой под богарные посевы, а ныне — под сад машинного орошения. Удаются лишь зафиксировать следы трех котлованов типа хаузов в северо-западном углу городища, ближе к центру, и в юго-восточном секторе.

¹⁰³ Там же, стр. 9—10, 40.

¹⁰⁴ О. И. Смирнова. К вопросу о среднеазиатских культах (Из среднеазиатской топонимики), сб. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», Краткие сообщения и автоаннотации, VI годичная научная сессия ЛОИВАН, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, Л., 1970, стр. 7.

¹⁰⁵ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 12.

В обрезах холма в нижних слоях прослеживаются зольные отложения, местами довольно мощные, в верхних — остатки монументальной кладки из сырцового кирпича или пахсы. По сообщению Г. В. Григорьева, при закладке триангуляционного пункта отсюда был извлечен фрагмент оссуария со скульптурным изображением птицы на крышке¹⁰⁶.

В 1953—1954 гг., в связи с интенсивной перепланировкой территории шахристана под поле машинного орошения, наблюдение и раскопки были проведены сотрудником Ташкентского областного краеведческого музея М. С. Мерщевым¹⁰⁷. Раскопки включали зачистку обрывов и закладку четырех стратиграфических шурфов: два на территории городища, третий — на холме поселения, четвертый — на центральной вершине.

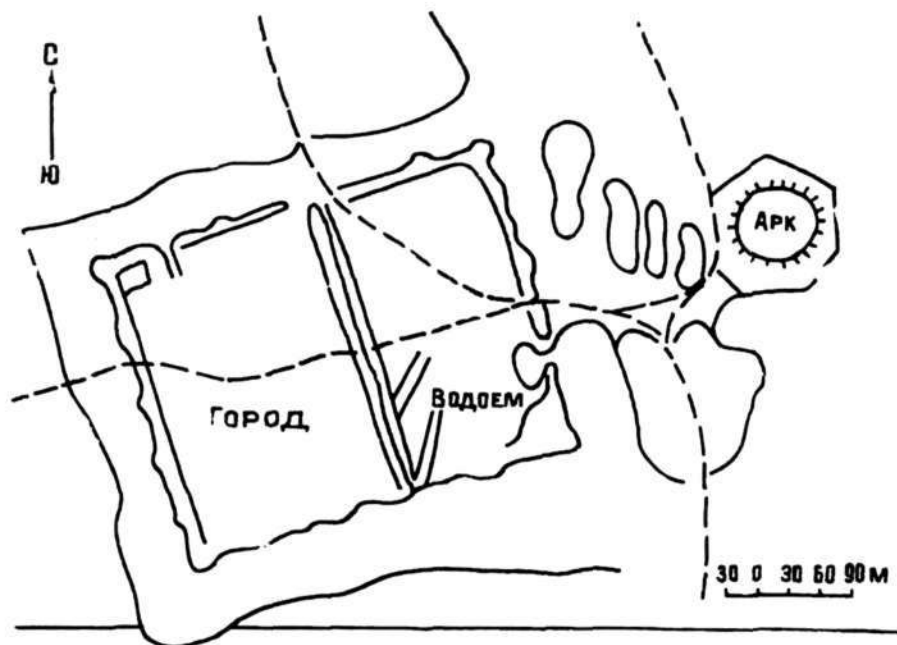

Рис. 24. Данфеганкет. План.

В 1967 и 1970 гг. городище обследовалось автором.

Наиболее значительные материалы на городище были получены при наблюдении за его перепланировкой М. С. Мерщевым. Наши материалы, дополняют, в основном, характеристику верхнего слоя.

Шурфом на вершине замка вскрыты культурные слои до глубины 7,5 м, но до материка раскоп не доведен. В раскопе последовательно расчищены слои XII, XI, X—IX вв., а ниже — 4-метровые наслоения, насыщенные зольными отложениями с керамикой, сформованной на

¹⁰⁶ Там же, стр. 44.

¹⁰⁷ Отчет научного сотрудника Ташкентского областного краеведческого музея М. С. Мерщева о работах на городище Югонтела в 1954 г., Архив Института археологии АН УзССР, инв. № 78.

гончарном круге медленного вращения, и обломками сосудов ручной лепки каунчинского типа. Этот слой датируется IV—VII вв. н. э.

Шурф на поселении вскрыл слой до 4,5 м. Материал их характерен для нижнего слоя замка и также может быть датирован IV—VII вв. н. э. Наиболее значительные раскопки (шурфы, зачистки) были проведены внутри укрепления территории городища. Культурные наслоения шахристана включают в восточной части материалы IV—XII вв., достигая 4-метровой мощности, в западной — менее значительны.

Крепостная стена была возведена не ранее IX в. и проходила в западной части по матерiku, а в восточной стояла на довольно значительном (2—3 м) культурном слое древнего поселения.

В южной части шахристана раскрыт комплекс гончарных или кирпичеобжигательных мастерских с пятью печами. Печи крупные, прямоугольной и подквадратной формы, размером 3×2,7 м и 6×6,25 м. Аналогичные печи XI—XII вв. были раскрыты в южной и северной частях шахристана средневекового Самарканда на Афрасиабе.

В центральной части шахристана вдоль улиц правильной планировки расчищена группа жилых помещений, позволяющая утверждать об определенной стандартизации участков в пунктах плотной застройки центра города вдоль магистральных улиц. Стены домов сложены из жженого кирпича прямоугольного стандарта. Комплекс включал жилую комнату, ряд хозяйственных построек и, вероятно, небольшой дворик. Материалы на полах помещений состоят в основном из керамики X—XII вв.

В западной части городища расчищены мастерские металлостов, обрабатывавших кричное железо с очисткой в печах типа кузнечных горнов. Подъемный материал, довольно многочисленный вследствие перепланировки, включает большое количество разнообразной керамики, гончарных и кирпичных шлаков, остатков металлургического производства — шлаков, криц, орудневших железных предметов, а также изделий из стекла и камня.

Наиболее многочисленны керамические изделия: хумы с выделенным наружу венчиком, высокой горловиной и яйцевидным туловом, стройные одноручные кувшины, дастарханы, тазообразные сосуды — тагора и масса столовой глазурованной посуды — пиалы, чаши, лаганы.

Следует отметить, что в раскопках очень мало найдено материалов XII в., что следует связывать не с упадком города в описываемый период, а с сильной разрушенностью верхнего слоя распашкой под поля, так как в подъемном материале керамика этого времени встречается.

Кроме того, при расчистке печей XI—XII вв. выяснилось, что они сохранились лишь в своей подземной части, а наземная часть уничтожена полностью. Это показатель степени разрушения верхнего слоя. Более поздние материалы на памятнике не встречаются.

Все эти факты позволяют предположить, что зарождение оседлой жизни на территории Югонтёпа следует отнести к периоду Каунчи II, когда на выдающемся в пойму Чирчика удобном мысе выросло укрепление округлой формы, вокруг которого постепенно в V—VII вв. рослось значительное неукрепленное поселение. Не исключено и расположение здесь какого-либо храма домусульманского культа Чача, послужившего основой названия позднего города, тем более, что на холме были найдены фрагменты оссуария со скульптурным изображением птицы. По сообщению краеведа С. Минвапова, в 1971 г. несколько оссуариев было найдено на соседнем Нишбаштепе.

Культурные слои этого времени на городище достигают от 1 до 3 м, а в замке превышают 4 м. Временное запустение связывается с последствиями борьбы против арабского нашествия.

Но через непродолжительный период территория обживается вновь, причем, наряду с продолжающимся обживанием центрального холма и неукрепленного поселения, часть последнего обносится довольно мощной крепостной стеной, которая на юге охватывает и неосвоенную ранее территорию. Застройка внутри, особенно вдоль центральных улиц, имела правильную планировку и включала жилые дома, ремесленные, гончарные, кирпичеобжигательные и металлургические мастерские. Общая площадь города с замком, шахристаном и лежащими между ними неукрепленными предместьями превышает 20 га.

Несомненно, этот укрепленный городок, лежащий в 15—16 км к востоку от Иски Ташкента является упомянутым средневековыми авторами Данфеганкетом, стоявшим на караванном пути к Бинкету в 2 фарсах от Шутуркета. Гибель его следует связывать с общим упадком городской жизни оазиса.

Залтикет. Далее на этом пути в одном фарсах от Данфеганкета лежал городок Залтикет. По данным географов, он помещался в 3 фарсах от Шутуркета¹⁰⁸ и 2 фарсах от Бинкета.

В связи с тем, что на таком же расстоянии от Бинкета упомянут еще один город — Банункет, В. В. Бартольд предполагал, что либо оба названия принадлежат одному городу, либо оба городка должны находиться поблизости друг от друга¹⁰⁹. Несомненно, второе предположение более правильно, так как в данном пункте недалеко друг от друга располагаются руины двух городов. Один из них — Залтикет — локализован Г. В. Григорьевым на месте городища Зангиата (Майтепа), причем название это он считает испорченным от Зангикета. Городище, по его описанию, образует неправильный четырехугольник, в восточном секторе которого прослеживается кладка стен из сырцового кирпича, лежащая на слое зольника. Основной материал автор относит к X и после-

¹⁰⁸ Истахри. ВГА, I, р. 344.

¹⁰⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 228.

дующим столетиям, а в северо-восточной части отмечает наличие культурных слоев с домусульманской керамикой¹¹⁰.

В 1948 г. на городище Майтепа были найдены три монеты, которые затем поступили в Институт истории и археологии АН УзССР. Две из них — медные, чеканенные в Бенакете местным правителем караханидской династии в конце XII — начале XIII вв. Третья монета золотая, по палеографическим данным относится к концу XIII — началу XIV вв.¹¹¹

Более детальная характеристика памятника дана С. Б. Луниной и З. И. Усмановой по материалам обследования кафедрой археологии Средней Азии ТашГУ в 1953 и 1955 гг.

Центральная часть его, называемая городищем Майтепа, выделяется всхолмлением прямоугольной формы площадью около 9 га, размером 220×400 м с небольшой цитаделью в 200 м² в северо-восточном углу и двумя меньшими по размеру холмами к юго-востоку от основного городища. В обрезах цитадели прослежена кладка из сырцового кирпича античного стандарта (40×40×10—14 см) до 5 м высоты. Значит, начало жизни на городище относится к рабовладельческой поре. К югу от цитадели найдены остатки жилых домов с полами, вымощенными жженым кирпичом квадратного и прямоугольного стандарта (18×18×3 см, 32×16×4 см), характерного для X—XI вв. На полу встречена керамика этого же времени и фрагменты сфероконических сосудов.

В перекрывающем слое были найдены чаши, покрытые зеленой глазурью, и пастовые бусы. Этот слой характерен для XI—XII вв.¹¹² Верхний культурный слой относится к XIII в. Находки XIV—XV вв. незначительны. В это время город уже находился в упадке, хотя поблизости возводился мемориальный архитектурный комплекс Зангиата над могилой суфия, скончавшегося в 1258 г.¹¹³

Несмотря на определенный упадок жизни, поселение в данном пункте существовало почти непрерывно, и название его с небольшим искажением дошло до наших дней. Исследование данного города, стоявшего на магистральном пути и близ столицы Чача, несомненно, представляет большой интерес как своей предполагаемой древностью (судя по стандарту кирпича), так и положением города близ столицы.

Банункет. Иной была судьба другого города, упоминавшегося вместе с Залтикетом и находившегося близ него. Сведения о нем не со-

¹¹⁰ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 12.

¹¹¹ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, Труды ИИА АН УзССР, вып. VII, Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 157—160.

¹¹² С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназа и Зангиата, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 194—195.

¹¹³ В. А. Шишкин. Мазары в Занги-ата, в сб. «В. В. Бартольд — друзья и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 165—170.

хранились ни в источниках после монгольского завоевания, ни в народной памяти.

Среди изучавшихся в округе памятников единственным объектом достойным отождествления с руинами Банункета является городище Кугайттепе в с. Ногайкурбан в юго-западной окраине Ташкента.

Городище расположено почти на одинаковом с Зангиатой расстоянии от старого Ташкента (на 2 км ближе Зангиаты), причем путь мог проходить как через него, так и несколько севернее, непосредственно к Самаркандским воротам Бинкета.

Интересный памятник неоднократно привлекал к себе внимание любителей старины и специалистов. Первое упоминание о нем мы встречаем у известного русского художника В. В. Верещагина¹¹⁴, сообщавшего даже о желании произвести здесь в 1867—1868 гг. раскопки.

Наряду с другими древними объектами края, описание холмов Ногайкурбана в 1896 г. было сделано Е. Т. Смирновым¹¹⁵. Впоследствии памятник неоднократно осматривался членами ТКЛА¹¹⁶, а один из его членов — И. А. Кастанье в 1913 г. даже пытался провести археологические раскопки, ограничившиеся, однако, незначительными зачистками, предпринятыми на личные средства¹¹⁷.

Таким же методом проводились в 1916 и 1917 гг. раскопки В. Э. Эгертом, пытавшимся вскрыть остатки оссуарного кладбища Ногайкурбана¹¹⁸.

Обследование поселения, сопровождавшееся съемкой плана и стратиграфической зачисткой слоев, было предпринято в 1923 г. М. Е. Масоном.

Памятник упомянут А. А. Потаповым в своде тепе Чирчикской долины¹¹⁹ и Г. В. Григорьевым, обследовавшим долину в 1934 г.¹²⁰ Памятник специально обследовался в 1939 г. В. Д. Жуковым¹²¹, выделившим в жизни городища два этапа: первые века н. э. и период средневековья.

¹¹⁴ В. В. Верещагин. От Оренбурга до Ташкента, б. г. стр. 51—53.

¹¹⁵ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях г. Ташкента, Ташкент, 1896, отд. оттиск, стр. 8—9.

¹¹⁶ Первое обследование было проведено в 1899 г. Н. П. Остроумовым, см.: Н. П. Остроумов. Археологическая поездка в с. Мамаевку, ПТКЛА, IV, Ташкент, 1899, стр. 124.

¹¹⁷ И. А. Кастанье. Археологические находки в Ногайкурбане. «Туркестанский курьер», Ташкент, 1917, № 7; ПТКЛА, XXI, Ташкент, 1917, протокол № 3, стр. 109.

¹¹⁸ Материалы раскопок хранятся в Музее истории народов Узбекистана, колл. № 131.

¹¹⁹ А. А. Потапов. Тепе среднего Чирчика, рукопись, Ташкент, 1928, архив ГУОПМК Министерства культуры УзССР, инв. № 96.

¹²⁰ Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке... стр. 43.

¹²¹ В. Д. Жуков. Отчет о произведенном осмотре Кугайттепе, Полевые отчеты экспедиции Узкомстариса, рукопись, Ташкент, 1939, архив ГУОПМК Министерства культуры УзССР, инв. № 121.

С 1954 г. в течение нескольких лет наблюдения проводились по линии кафедры археологии ТашГУ С. Б. Луниной и З. И. Усмановой, которые обобщили материалы предшествующих исследований¹²². Все эти материалы показали, что Кугаиттепе в Ногайкургане представляет собой интересный археологический многослойный объект, требующий хотя бы первичных стратиграфических раскопок.

В 1967 и 1970 гг. Г. Дадабаевым (сначала по линии Бозсуйского, а затем в составе Чач-Илакского отряда под руководством автора) были проведены стратиграфические раскопки городища. В 1969 г. зачистки среза холма у тароремонтного завода сделаны М. И. Филанович. В 1973 г., в связи с изучением памятников в зоне «Большого Ташкента», новые стратиграфические раскопки на памятнике были предприняты Д. Г. Зильпер¹²³.

В связи с интенсивной перепланировкой в конце XIX—XX вв. памятник был настолько изменен, что составить план его было невозможно, а расчлененные железной и шоссейной дорогами и застроенные поселком и промышленным предприятием части памятника получили у жителей различные названия. В целом площадь городища составляет более 30 га. Наиболее полно сохранилось его юго-восточное ядро, выросшее на излучине древнего канала Салар. Культурные слои здесь поднимаются на высоту до 15 м.

Изучение памятника начато закладкой стратиграфического разреза в северо-восточной части холма (рис. 25), где на обрыве к излучине Салара обнажились культурные слои мощностью 12 м. По техническим причинам (рыхлость слоев) раскопки велись ступенями, поэтому длина разреза составила 14 м при ширине 3 м. Вследствие легкого склона холма к обрыву, верхний архитектурно-строительный комплекс в раскоп попал лишь частично, и слои его сильно смыты.

Наслоения эти мощностью до 1,5 м включают обломки сырцовых и жженных кирпичей, слои завала стен, остатки истлевшего камыша и древесный уголь. Находки из завала и уровня конца III яруса представлены керамикой. Это чаши с дисковидным поддоном и полусферическими стенками, сосуды белофонные с коричневым орнаментом под бесцветной поливой, фрагменты венчиков хумов с высокой горловиной. Вместе с ними найдены крупные сосуды открытых форм на кольцевом поддоне с изломом средней части стенки и подглазурным процарапанным орнаментом под темно-зеленой и бледно-зеленой глазурью, чираг с гране-

---

¹²² С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Из археологических наблюдений на Кугаиттепе, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. 81, Ташкент, 1956, стр. 144—147; Они же. Керамика с поселения Ногайкурган близ Ташкента, Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 164—176.

¹²³ Д. Г. Зильпер. Отчет об археологических работах 1973 г. на городищах Мингурюк и Кугаиттепе, Архив Института археологии АН УзССР, инв. № 618.

ным туловом и ручкой, украшенной налепом-бантиком, и также покрытый темно-зеленой поливой. Все эти материалы относятся к X—XII вв. Этим же временем позволяет датировать памятники стандарт кирпи-

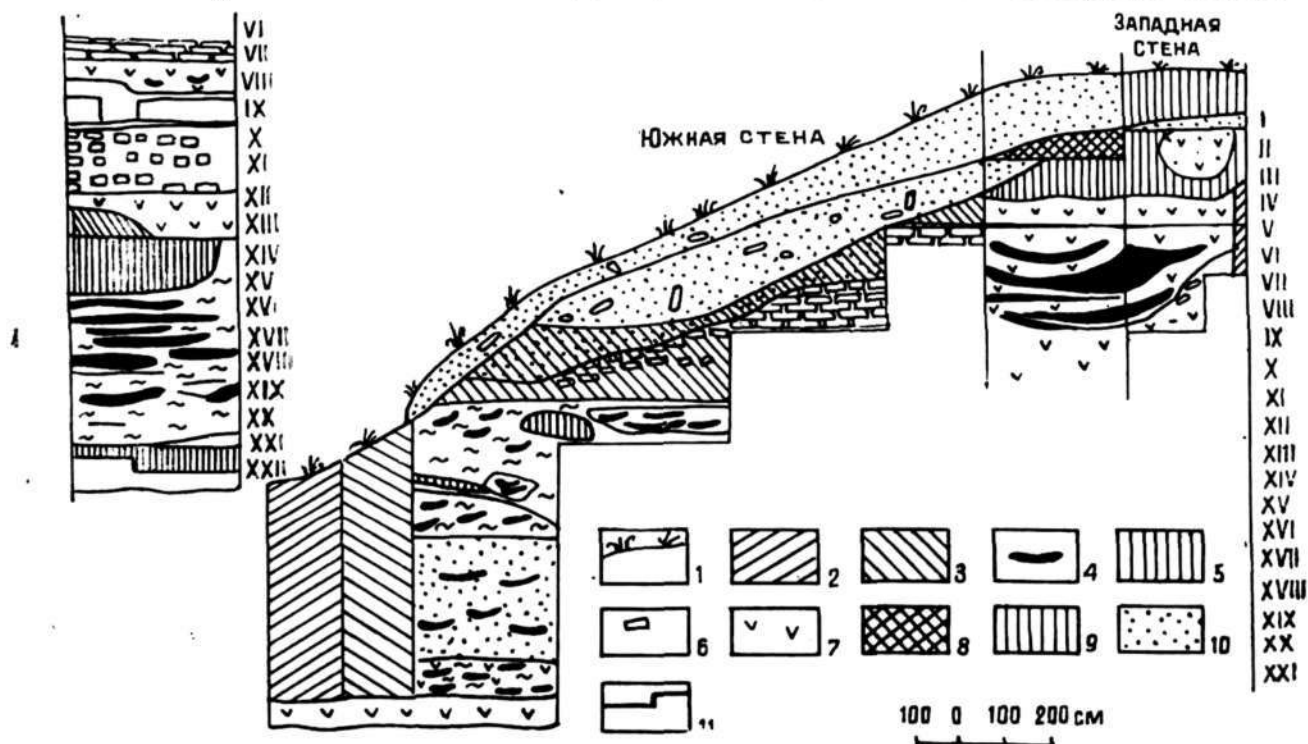

Рис. 25. Ногайкурган. Разрез. Развертка стен.

Условные обозначения: 1—дерновый слой; 2—паховая стена; 3—рыхлая паховая стена; 4—золиник; 5—желтая плотная земля; 6—разрушенный слой сероватого цвета с обломками кирпича; 7—яма с поздним материалом; 8—уплотненный сероватый слой земли; 9—насыпной желтоватый слой; 10—золиный слой; 11—пол.

ча — это маломерка ($18 \times 9 \times 3$ см) и более крупный кирпич ($32 \times 16 \times 4$ см).

Материал этого времени с городища представлен в Музее истории народов Узбекистана большой и разнообразной коллекцией, детально описанной С. Б. Луниной и З. И. Усмановой¹²⁴, а И. А. Кастанье упоминает огромное количество обломков стеклянных сосудов высокого качества и монет с арабской надписью и бухархудатского типа¹²⁵.

Ареал распространения материала на территории городища интенсивен и является свидетельством расцвета жизни в X—XII вв. С конца III яруса в разрезе были обнаружены остатки помещения с паховыми стенами толщиной до 70 см, сохранившимися на метровую высоту, с по-

¹²⁴ С. Б. Лунина, З. И. Усманова. *Керамика с поселения Ногайкурган близ Ташкента*, стр. 168—174.

¹²⁵ И. А. Кастанье. *Археологические находки в Ногайкургане*, стр. 60.

лом, выделенным промазкой из глины с саманом и устланным соломенной циновкой. Основанием его служила выкладка из сырцового кирпича крупного стандарта ($5 \times 26 \times 9 - 10$ см), проходившая и под стенами. Выкладка являлась верхним слоем платформы-забутовки, уплотнившей слой строительного мусора и завала более раннего помещения. Стены последнего не сохранились, но на глубине 4 м в конце VIII яруса расчищен уровень пола. Как и верхний, он имеет толстый (до 1,5 см) слой промазки и покрыт истлевшим слоем соломы. Находки на полах обоих помещений и в забутовках между ними могут быть отнесены к единому хронологическому этапу.

Комплекс находок на полу помещения с пахсовыми стенами и подстилающем пол слое, включая уровень VIII яруса, принадлежит к единому хронологическому этапу. Он включает бытовые и производственные предметы из керамики и камня. Керамика представлена хозяйственной и столовой посудой. Ведущие формы — хумы крупных размеров с манжетовидными венчиками, образованными сдвоением закраины, иногда с утолщением венчика наверху с образованием плоской площадки, горловина невысокая. Хумы подобной формы известны в раннефеодальном Согде и датируются VI—VII вв.¹²⁶

Вторая характерная форма — одноручные кувшины с яйцевидным стройным туловом, цилиндрической горловиной и широким устьем с небольшим, иногда профилированным венчиком, иногда с завершением в виде небольшого слива. Ручка опускается от верха горловины на самую широкую часть плечика¹²⁷. Кувшины этого типа — характерная форма керамики Чач-Илака и соседних с ним территорий VII—VIII вв.¹²⁸

Еще одна основная форма комплекса — невысокие кружечки с кольцевой ручкой. Они формовались из двух половин. Нижняя — полусферическая и верхняя — цилиндрическая. Небольшая ручка-петелька подлеплялась к месту соединения этих половин. Иногда сверху по ручке проходит плоский налест для упора пальцем.

Ведущие типы этой формы, характерные для VII—VIII вв., рассматривались в свое время Б. И. Маршаком¹²⁹ и В. И. Распоповой¹³⁰.

¹²⁶ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента, МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 135, рис. 2.

¹²⁷ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингурюк в Ташкенте, Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 138, табл. 5, в правой части; Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета, стр. 105, рис. 7, 15—18.

¹²⁸ В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, М., 1960, стр. 149—150.

¹²⁹ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., Труды Гос. Эрмитажа, вып. 5, Л., 1961, стр. 183—185.

¹³⁰ В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, стр. 150.

Таким образом, описываемые комплексы III—VIII ярусов могут быть датированы VII—VIII вв. Каменные изделия представлены лощами квадратной формы с заглаженными гранями и частью диска ручной мельницы диаметром 35 см с отверстием в центре. С этим слоем следует связать находимые в предшествующие периоды многочисленные оссуарии.

Подстилающая их в IX ярусе платформа из 4-х рядов сырцового кирпича размером 50×26×10 см, также характерного для раннефеодальной архитектуры Чач-Илака, отделяет этот комплекс от нижележащего слоя, представленного мощным (1,7—1,9 м) зольным слоем, прослоенным тонкими уровнями полос светло-желтого лессового цвета с включениями керамики и лежащего на слое оплыва пахсы и обломков сырцового кирпича толщиной до 75 см (до конца XV яруса). В обоих этих слоях мы встречаем сосуществование керамики, изготовленной на гончарном круге и посуды ручной лепки. Формы сосудов разнообразны: хумы с валикообразной, слегка отогнутой наружу закраиной и широким, устойчивым плоским дном, котлы лепные и изготовленные на гончарном круге — подшаровидной формы с подлепленным, вертикально стоящим, слегка утолщенным венчиком. В большом количестве представлены широкогорлые горшочки округлой формы с вертикальными петлевидными ручками в верхней трети тулова. Они покрыты светло-серым ангобом и украшены пятнами, полосами и потеками красновато-коричневой краски. Подобная керамика широко известна в Согде в слоях V—VI вв.¹³¹, что позволяет нам датировать описываемый комплекс серединой I тысячелетия н. э.

В низлежащем слое расчищена часть помещения со стеной высотой до 1,5 м и завал стен этого времени. Пол на уровне конца XIX яруса. Это помещение стоит на почти метровом слое зольных и органических отложений, подстилаемых плотной платформой, отделяющей новый зольно-мусорный слой, также стоящий на утрамбованной платформе, включающей кусочки угля, обломки керамики, аналогичной перекрывающим ее слоям. Платформа лежит в свою очередь на материке, который достигнут в конце XXIV яруса на глубине 12 м.

Находки описанного слоя общей мощностью 4,5 м представлены костями крупных и мелких домашних животных, фрагментом зернотерки ладьевидной формы, каменным лощиком, сделанным из булыжника, и лепной керамикой.

Керамика представлена в первую очередь хумами крупных размеров с клювовидным венчиком без четко выделенной горловины и лишь с легким выделением желобка под венчиком. Устье широкое, до 45 см, таков же диаметр дна. С обеих сторон они покрывались серо-зеленоватым ангобом. Кувшины широкогорлые с профилированным венчиком и рез-

¹³¹ М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 12.

ким переходом плечика к округлому, даже вздутому тулову. Донце устойчивое со следами подсыпки песка. Найдены также обломки плоских лепных кружек разного диаметра. Интересно отметить находку краснолощеного лепного горшочка и стенки чашечки открытого пиалообразного типа с лепным изломом венчика. Фрагменты горшочка с ручкой, оформленной в виде головки барана, встречались при обследовании городища в 1966 г.

Аналогичный сосуд, покрытый красным лощением, упоминается среди находок С. Б. Луниной и З. И. Усмановой¹³².

Описанные материалы встречены на многих памятниках Чирчик-Ахангаранской долины. Они находят тесную связь с керамикой III—IV вв. Чаштепе¹³³, некоторыми сосудами Каунчитепе¹³⁴ и Мингурюка¹³⁵. Близкие формы встречены в синхронных слоях памятников Согда и Бухарского оазиса.

Шурф Д. Г. Зильпер размером 3×4 м был заложен на краю среза городища к тароремонтному заводу. Мощность культурных наслоений здесь составляет 8 м. Стратиграфия частично повторяет наслоения, вскрытые в шурфе Г. Дадабаева. Нижний культурный горизонт значительной мощности (более 5 м) оказался связан со слоями, насыщенными зольными и зеленоватыми органическими отложениями, разделенными тремя прослойками древних уровней, средний из которых был прослоен отмошкой из сырцового кирпича размером 44×22×8,9 см. Керамика, в основном ручной лепки, представлена хумами, хумча, кувшинами, жаровнями, кухонными котлами и датируется III—V вв. н. э. Второй культурный слой с остатками помещений, стены которых сложены из сырцового кирпича 43×23×9 см, и керамикой, значительно отличной от первого слоя, может быть датирован VI—началом VIII вв.

Исследования всех авторов приводят к одному выводу: древнейшим ядром городища является высокий холм Кугаиттепе. Поселение выросло на удобном месте излучины протока Салар не позднее III—IV вв. н. э. Слои раннего периода довольно мощны (более 4,5 м) и включают и характерные для каунчинской культуры зольные и органические отложения, и помещения с пахсовыми стенами, однако общие размеры поселения этого времени относительно невелики (хотя точные границы очертить трудно).

---

¹³² С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Из археологических наблюдений на Кугаиттепе.

¹³³ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаштепе. Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 153—155.

¹³⁴ Г. В. Григорьев. Каунчитепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.

¹³⁵ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингурюк в Ташкенте, стр. 134—135, табл. 3—4.

Как показывают исследования Г. Дадабаева, Салар осваивался именно с середины первой половины I тысячелетия н. э. На нем вырос ряд замков и поселений со сходным комплексом материальной культуры.

Примерно в этих же границах располагалось поселение и в середине I тысячелетия н. э. Однако со второй половины тысячелетия начался его рост и вдоль канала, и на северо-запад — на свободные пониженные лессовые площади.

Вероятно, на этом этапе через него проходил путь к столице владения, также располагавшейся в это время вверх по течению Салара. Ибн Хордадбех, характеризуя данный отрезок пути, вслед за Шутуркетом упоминает лишь Банункет в 3 фарсах от первого и в 2 фарсах не доходя до «мадины Шаша»¹³⁶. Значит на данном отрезке времени Банункет играл более важную роль, чем Зангикет.

Максимального роста своего, как и все города оазиса, Банункет достиг в X—XII вв. Материал этого времени охватывает площадь до 30 га. Однако сильная разрушенность памятника не позволяет восстановить ни его точные размеры, ни структуру составных частей, ни, даже, установить, был ли он обнесен внешней стеной. Но значительные размеры города и расстояние между упомянутыми локализованными городами позволяют считать, что перед нами руины средневекового Банункета, последнего городского пункта на пути к столице владения. Вероятно, он принадлежал к городам периферии Бинкета с сельскохозяйственным уклоном, хотя в нем были зафиксированы следы ремесла, в частности гончарного. Возможно, близость к Бинкету и относительно небольшие размеры города привели к тому, что он не всегда упоминался географами при описании пути.

Бинкет. От Банункета путь подводил к столице Чача. Большинство восточных географов IX—X вв. называют ее Бинкетом. Кудама сообщает просто о «мадине Шаша». Чач, как столица одноименной области, фигурирует в раннефеодальных источниках. Китайские хроники называют ее Ши ли Чжеша.

Столица Чача IX—X вв.— Бинкет локализуется на месте старого города Ташкента. Значительно сложнее обстоит дело с локализацией города предшествующего времени.

На основе сообщения китайских хронистов эпохи Тан (VII—X вв.) о том, что Чжеша располагается на месте Юни¹³⁷, высказывалось мнение о локализации обоих городов на месте городища Мингурюк в Ташкенте¹³⁸. Однако многолетние археологические исследования показали,

¹³⁶ Ибн Хордадбех. BGA, V. p. 204.

¹³⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, стр. 313.

¹³⁸ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, 1954, № 2; Историческая энциклопедия, М., 1973, т. 14, стр. 156—159.

что древнейшие слои, относящиеся ко времени функционирования Юни на территории Ташкента не выявлены. Анализ же текста позволяет локализовать Ши и Чжеши широко в пределах владения Юни. Поэтому столица раннефеодальной области Чач, носившая одноименное название, согласно дорожника Кудама, может быть размещена на месте Ташкента.

Мы не можем согласиться с О. Г. Большаковым, локализирующим доарабскую столицу Чача на месте Бинкета¹³⁹. Более 200 шурфов, разрезов и раскопов, заложенных на территории Бинкета Ташкентской экспедицией, не дали никаких материалов, позволяющих считать возможным расположение здесь города поры раннего феодализма. Поэтому в выводах сотрудников экспедиции сообщается о сложении города на месте Бинкета с IX—X вв.¹⁴⁰ На отсутствие на его территории раннефеодального города с характерной для него мощной фортификационной системой намекает и мягкий рельеф руин, и отсутствие монументальных наслоений в раскопках и шурфах на территории Бинкета.

Раннефеодальный Чач, по сведениям исторических хроник, управлялся сначала местными правителями, которых в 605 г. после столкновения с Тюркским каганатом заменили тюркские ставленники. Резиденция правителей составляла 10 ли в окружности¹⁴¹. Упоминается культовое здание с престолом, стоявшее к юго-востоку от резиденции и связанное с поклонением духу предков. По сообщениям историков, дважды в год на престол ставилась золотая урна с прахом родителей правителя. Вокруг нее совершались торжественные церемонии, завершавшиеся после ухода правителя с супругой погребальной трапезой¹⁴².

Размеры города относительно невелики, но это характерно для большинства городов Мавераннахра VI—VII вв.¹⁴³

Археологическое изучение памятников на территории Ташкента началось еще с прошлого столетия и с перерывами продолжается до сегодняшнего дня¹⁴⁴. Однако трудности изучения бурно живущего города не дают возможности сделать окончательные выводы.

Древнейшим городским образованием на территории Ташкента является городище Мингурюк, руины которого еще недавно возвыша-

---

¹³⁹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 195.

¹⁴⁰ Сб. «Древний Ташкент», Ташкент, 1973, стр. 84.

¹⁴¹ Ли — китайская мера длины — от 0,3 до 0,5 км.

¹⁴² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, стр. 272—273.

¹⁴³ Самарканд VII в. составлял в окружности 10 ли, Касан — 4 ли, Маймург — 2 ли, Термез — 20 ли, Тараз — 8 ли (см.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 6).

¹⁴⁴ Подробную историю археологического изучения Ташкента см. в монографическом сборнике «Древний Ташкент», стр. 8—17.

лись в южной части города между улицами Пролетарская, Павлова, Жуковского (рис. 26). В южной части городища поднималась подпрямоугольная в плане цитадель, к которой примыкало высокое всхолмление с парадными помещениями, возможно, замок правителей. К настоя-

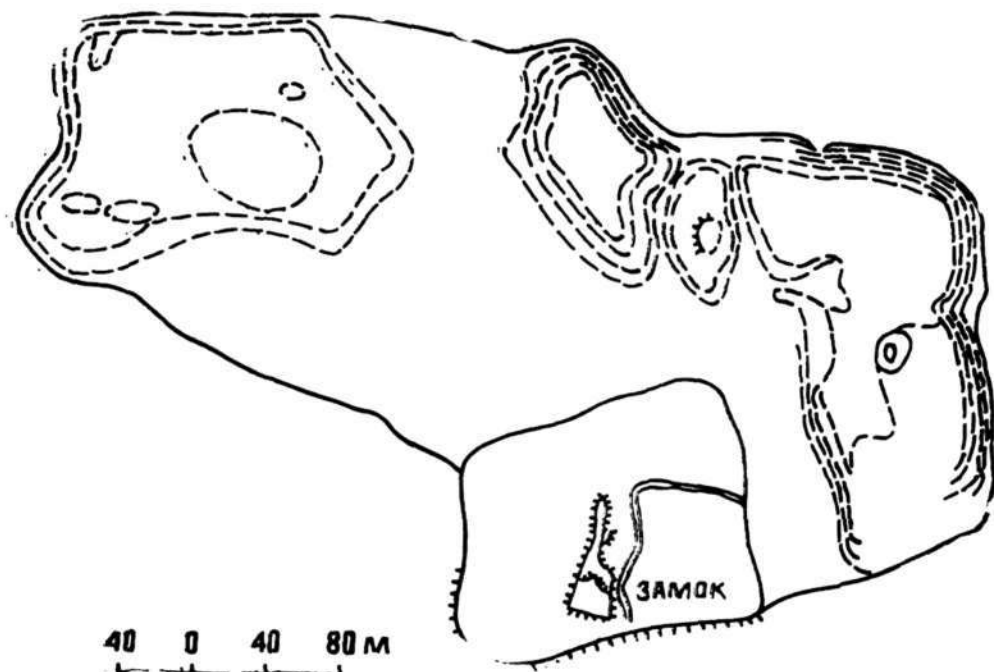

Рис. 26. Городище Мингурюк. План.

щему времени памятник почти полностью уничтожен. Однако реконструкция остатков города по планам Ташкента прошлого столетия, закладка шурфов и сбор подъемного материала показывают, что на востоке границей города являлся канал Салар, на юго-западе она подходила близко к протоку Чаули, северная граница проходила примерно до ул. Куйбышева, на юге охватывала территорию хлебзавода и фирмы Шарк. Общая площадь его превышала 30 га. В 1957—1959 гг. раскопки сохранившейся части цитадели проводились автором и Д. Г. Зильпер¹⁴⁵, а в 1959 г. также О. В. Обельченко, в 1968—1973 гг. Д. Г. Зильпер¹⁴⁶. Вскрыта стратиграфия наслоений городского ядра мощностью до 15 м, расчищены крепостные стены и башни, монументальное сооружение дворцового типа VII—VIII вв. с монументальной живописью, жилые дома X—XII вв.

¹⁴⁵ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Мингурюк в Ташкенте.

¹⁴⁶ Д. Г. Зильпер. Мингурюк — древнейшее городское образование, сб. «Древний Ташкент», стр. 18—53; Она же. Отчет об археологических работах 1973 г. на городище Мингурюк и Кугаиттене, машинопись, архив Института археологии АН УзССР, инв. № 612.

Выяснено, что данный пункт вырос в IV—V вв. сразу же в виде крепости. Быстрое разрастание его происходит в VI—VII вв., когда были построены стены цитадели, занимающей половину древнего укрепления и шахристана, точную площадь которого в настоящее время установить не удастся. Крепостные стены цитадели имеют два четких периода жизни. На определенном этапе они были разрушены, в башнях пробиты бреши, но сразу же после этого они были восстановлены и усилены дополнительными стенами. Это связывается с периодом конфликта с тюркским хаканом Шегуйханом в 605 г., когда в Чаче были поставлены тюркские правители.

Расцвет жизни Мингурюка относится к VII—первой половине VIII в. В это время город максимально разрастается, застраивается монументальными сооружениями. Но в VIII в. он был сильно разрушен, а затем пришел в запустение, что связывается с антиарабской борьбой Чача, проводившейся в коалиции с Согдом, Ферганой и Тюркским каганатом. В результате разорительных походов Кутейбы в 713—719 гг., а затем длительной борьбы с завоевателями город пустеет.

Появление в данном пункте укрепления в середине I тысячелетия н. э. и быстрое разрастание его в VI—VII вв. на значительной площади (более 30 га) позволяет локализовать здесь «мадину Чача» преарабского периода¹⁴⁷.

Новый этап обживания этой территории относится ко второй половине X—началу XII вв., но жизнь здесь была развита относительно слабо. С IX в. город начал складываться рядом с Мингурюком, но на новой территории, в бассейне канала Бозсу, на месте так называемого «старого города». Источники сохранили описание Бинкёта X в.

Город имел значительные размеры — фарсах на фарсах. Истахри сообщает, что кухендиз располагался за пределами шахристана, но имел общую с ним стену. Близ города находился рабад, окруженный стеной, а за его пределами — второй рабад с садами и дворцами. Кухендиз имел двое ворот, одни выходили в шахристан, другие — в рабад. В стене шахристана было трое ворот — дарваза-и Абуль Аббаса, дарваза-и Кеср¹⁴⁸ и дар-и Гунбад¹⁴⁹.

В первом рабаде отмечается десять ворот: дарваза-и Хамдин, дар-и Аханин, дарваза-и Мир, дар-и Ферхан, дар-и Кед¹⁵⁰, дар-и Кермандж, дарваза-и Куи Сахл, дар-и Рашидиджак, дар-и Куи Хакан и дарваза-и Кешки дихкан. В наружном рабаде отмечалось семь ворот: дарваза-и

¹⁴⁷ Д. Г. Зильпер. Мингурюк — древнейшее городское образование, стр. 50.

¹⁴⁸ У Ибн Хаукаля они называются Кешскими (см.: Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 23).

¹⁴⁹ У Ибн Хаукаля — ворота Джунейда. Там же.

¹⁵⁰ У Ибн Хаукаля — Суркед. Там же.

Фаргад¹⁵¹, дарваза-и Хашкат (Хаскат), дар-и Сандиджак (Сакандиджак), дар-и Аханин, дар-и Бакр-диджак, дарваза-и Секрек, дарваза-и Бафа риад¹⁵². Дворец эмира и тюрьма находились в кухендизе, а пятничная мечеть — около крепостной стены. Внутри шахристана располагался небольшой базар, а основные базары помещались в рабаде. Длина города от наружной стены через весь город — один фарсах. И во внутреннем шахристане, и в рабаде есть каналы, сады и вода в изобилии¹⁵³.

Локализация Бинкета (с XI в., по Бируни и Махмуду Кашгарскому, Ташкент) на месте старого города Ташкента была принята еще В. В. Бартольд¹⁵⁴. В результате многолетних работ М. Е. Массон наметил местоположение цитадели, шахристана, рабадов¹⁵⁵.

В 1968—1972 гг. большие работы по исторической топографии Бинкета проведены Ташкентским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР под руководством В. А. Булатовой. Стратиграфические исследования на широкой территории позволили изучить структуру города вплоть до XIX в.

Работы показали, что Ташкент интенсивно разрастался с кардинальной перестройкой своих четырех частей (Кукча, Шейхантаур, Сибзар, Бешагач) в XV—XVI вв., в пределах которых сохранился до XIX в., поэтому попытки определить размеры и структуру домонгольского города по планам XIX в., как это делают В. Н. Куренной¹⁵⁶ и О. Г. Большаков¹⁵⁷, могут привести к ошибкам.

Исследования показывают, что границы города были меньше, чем указано в планах В. Н. Куренного, а располагаемые О. Г. Большаковым на скрещении поздних улиц южные ворота рабада совершенно не сохранили материалы IX—X вв.

Размеры города в целом совпадают с границами, указанными М. Е. Массоном. Однако раскопки на месте предполагаемой цитадели к северу от шахристана дали очень незначительные материалы X—XII вв., в основном же они относятся к XV в.¹⁵⁸ Более вероятным яв-

---

¹⁵¹ У Ибн Хаукаля — Фагкат. Там же.

¹⁵² У Ибн Хаукаля — Саграбад. Там же.

¹⁵³ Истахри. ВГА, II, р. 260—261; Материалы по истории киргиз и Киргизии, т. I, М., 1973, стр. 28—29.

¹⁵⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 228; Он же. Ташкент, Соч., т. 3, М., 1965, стр. 500.

¹⁵⁵ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, Ташкент, 1954, № 2.

¹⁵⁶ В. Н. Куренной. Градостроительная структура средневекового Ташкента. Архитектура, Материалы к VI конференции молодых ученых-строителей, Л., 1971.

¹⁵⁷ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 196—198.

¹⁵⁸ «Древний Ташкент», стр. 58.

ляется расположение цитадели в южной части шахристана, на месте всхолмления близ местности Чорсу, занятой ныне торговым комплексом.

В разрезах и шурфах, заложенных на территории шахристана в пределах между площадью Калинина на севере и ул. Навои с юга, выявлены слои середины IX—начала X вв. Наибольшей мощности они достигают севернее медресе Ходжи Ахрара. На всей площади идут слои XI—XII вв., перекрываемые довольно значительными слоями XV—XVI вв. В 1974 г. в юго-восточной части шахристана выявлены керамические мастерские с гончарными печами и отвалами продукции XI—XII вв. Находки XIII—XIV вв. занимают локальную территорию.

Рабады располагаются на довольно обширной территории, определявшейся средневековыми авторами размером фарсах на фарсах. Правда, археологические материалы позволяют считать эти сведения несколько преувеличенными.

Наиболее обжитыми можно считать территории к северу и западу от шахристана вдоль отводов Бозсу и Калькауза в пределах Сибзарской и Кукчинской частей. Наименее обжитой являлась территория к востоку от шахристана. В рабадах раскрыты следы ремесленного производства. Остатки металлургического и гончарного производства зафиксированы и в селениях, лежавших вокруг рабадов на караванных путях. Таким образом, материалы показывают, что выроставший спорадически с середины IX в. город к началу X в. значительно увеличился. Шахристан занимал площадь естественного всхолмления, пересекавшегося протоком и каналами, выходящими из Бозсу. Далее в рабадах кварталы выростали очень плотно. Судя по раскопкам, скученность жилых и производственных построек не уступала современной, и лишь изредка встречались отдельные дома, видимо, зажиточных горожан с большими дворцами и садами¹⁵⁹

Бинкет саманидского времени являлся самым крупным городом Чача и Илака и, судя по материалам, выступает перед нами не только как административный, но и как торгово-ремесленный центр оазиса.

Холмистый рельеф привел к обособлению отдельных районов шахристана и рабадов. Вокруг города на торговых путях выросли селения-спутники с ремесленным уклоном.

По данным Макдиси, чачские предметы экспорта включали обработанные продукты животноводства, ткани, металлические изделия и особенно керамику определенных сортов.

В XII в. наблюдается упадок городской культуры Бинкета, совпадающий с распадом караханидского государства на уделы, движением кара-китаев и борьбы с ними Мухаммада Хорезмшаха. Как отмечалось

---

¹⁵⁹ Там же, стр. 67.

выше, в этот период более интенсивно развивались другие городские центры, в частности Бенакет.

В восточной части шахристана расчищен бадраб, опускающийся из верхнего слоя конца XII в. В нем найдена керамика Чач-Илака: обломки чаш с черно-коричневой росписью под желтой глазурью и зеленых глазурованных сосудов открытой и закрытой форм. Отсюда же извле-

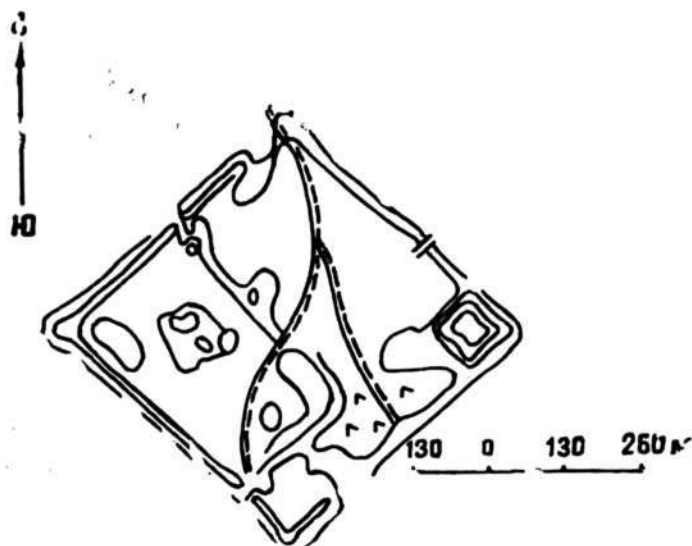

Рис. 27. Нуджкет. План.

чены зернотерка и курант. Для городища характерно использование терок вместе с жерновами на всех этапах его жизни вплоть до XII в.

В южной части шахристана шурф размером 3×2 м был опущен на глубину 2,5 м. Однако культурный слой здесь опускается до уровня полов на 0,8 м. Ниже расчищены уходящие от уровня полов на глубину 1,2 и 1,3 м две ямы диаметром 1,4 м. Ямы заполнены рыхлым серым слоем остатков органических отложений и небольшим количеством неглазурованной керамики. Это двуручные кувшины с краснолощенными стенками, обломки лепной посуды. Но керамика на полу, с которого опущены ямы, датируется X—XI вв.

Нуджкет. В одном фарсах к югу от Бинкета средневековые географы указывают город Нуджкет, стоявший на берегу Чирчика вдоль пути из Бинкета в Фергану и Илак. Руины этого города отождествлены с городищем Ханабад (рис. 27). Городище упоминается в краеведческой литературе¹⁶⁰, осматривалось любителями-археологами¹⁶¹,

¹⁶⁰ Заметка о древних урочищах Туркестанского края, «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1879, № 12.

¹⁶¹ И. Т. Пославский. О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения р. Чирчика, ПТКЛА, год XII, Ташкент, 1907, стр. 39—45.

ограничившимися, однако, лишь описанием объекта. Научное изучение памятника началось только в годы Советской власти. В 30-е годы М. Е. Массон, на основании изучения источников и топографии объекта городища, отождествил городище со средневековым Нуджектом¹⁶². В 1949—1950 гг. обследование памятника проводил по линии кафедры археологии ТашГУ В. М. Массон. Ему принадлежит детальная характеристика, описание подъемного материала и стратиграфии объекта от VI—VII до XVII вв.¹⁶³

В шахристане им зафиксированы шлаки гончарного и кирпиче-обжигательного производства и кирпичи размером $30 \times 14 \times 3,5$ см, характерные для XI—XII вв.

В 1958 г., в связи с частичным разрушением шахристана, памятник обследовался автором. В юго-западной части шахристана расчищены наслоения с большим количеством материала IX—X вв., а в обрезах западного фаса — характерный комплекс неполивной керамики VI — начала VII вв. — кружечки, кувшины, миски¹⁶⁴. Наблюдения показали, что площадь застройки вне города незначительна. Не выявлены (или отсутствовали вообще) стены, ограждающие предместье.

С 1971 г. городище исследуется Ташкентским отрядом Института археологии АН УзССР¹⁶⁵.

Городище Ханабад расположено на южной окраине современного Ташкента близ кольцевой дороги, в 0,5 км от берега Чирчика. Подквадратное в плане, размером сторон 570×530 м, ориентированное углами по сторонам света, оно занимает площадь чуть более 30 га, возвышаясь над остальной территорией на 2—3 м с отдельными всхолмлениями высотой до 5 м. Стены шахристана сохранились очень плохо. В восточном углу поднимается квадратная в плане цитадель, два фаса которой вливаются в общую линию стен, поднимаясь над окружающим пространством более чем на 10 м, две другие стороны отделяют ее от шахристана.

В шахристане прослеживаются остатки довольно крупных сооруже-

---

¹⁶² М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН, сер. I, вып. 2, ТАКЭ, Ташкент, 1940 (1941), стр. 99.

¹⁶³ В. М. Массон. Городище Ханабад, Сборник студенческих работ САГУ, вып. 3, Ташкент, 1951; И. Баишев, В. Массон. Археологические разведки в районе Ташкента, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956.

¹⁶⁴ Материалы хранятся в Музее истории народов Узбекистана АН УзССР.

¹⁶⁵ Руководитель отряда В. А. Булатова, раскопки проводятся Л. Л. Ртвеладзе. См.: В. А. Булатова, Л. Г. Брусенко, Д. Г. Зильпер, Л. Л. Ртвеладзе, М. И. Филанович. Работы Ташкентского отряда, сб. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972, стр. 516; В. А. Булатова, Д. Г. Зильпер, М. И. Филанович, Э. Ртвеладзе, Л. Ртвеладзе. Работы Ташкентского отряда, сб. «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, стр. 453.

ний, в южном секторе, в центральной части — два углубления типа хаузов, а в западной — остатки крупной площади — базара. К юго-западу от шахристана В. М. Массоном было отмечено отдельно стоящее сооружение типа торгового караван-сарая рабата. Сооружение такого типа сохранилось за пределами южных ворот рабада Самарканда и, по описанию А. Ю. Якубовского, в окрестностях Пайкенда¹⁶⁶. В настоящее время территория городища перерезана дорогой, частично занята под виноградники и кладбище, так что микрорельеф его сильно изменен.

Основные раскопки проведены в цитадели. Здесь раскрыт юго-западный фас крепостной стены цитадели. Стена двойная, сложена из сырцового кирпича крупного стандарта размером $50 \times 25 \times 10$ см и $48 \times 22 \times 8-10$ см. Толщина внешнего фаса 3 м. Перпендикулярно внутреннему коридору шириной 1,7 м расчищен второй коридор, к внутренней стороне которого примыкали 8 узких помещений казарменного типа. Выходы их обращены внутрь к проходящему Г-образно и объединяющему их третьему коридору, охватывающему центральное большое помещение. Стена и помещения подстилаются платформой из плотно утрамбованной земли, снивелированной сырцовым кирпичом такого же крупного стандарта.

На полах помещения и коридоров найдена неполированная керамика VII—начала VIII вв., а также большое количество интересных монет. Это клад из 25 медных тюрко-согдийских монет и отдельные находки монет тюркских правителей Чача с различными вариантами чачской тамги. Среди них уникальная монета с изображением всадника на коне, монета с изображением правителя и правительницы и несколько экземпляров китайских монет эпохи Тан.

Под стеной и помещениями вскрыты более ранние слои с неполированной керамикой и медными монетами местного чекана с портретом правителя на аверсе и тамгой на реверсе. Монеты по типу близки к ранней группе монет Харашкета и Бенакета.

В раскопе городской стены обнаружены ниши с замурованными костями человека.

Расчистка обреза показывает, что культурные слои в шахристане достигают мощности до 5 м и включают материалы VI—VIII вв., а также небольшое количество керамики XIV—XVII вв.

Становление жизни на территории цитадели может быть отнесено не позднее второй половины — середины I тысячелетия н. э. В VI—VII вв. эта территория была обнесена крепостной стеной и превратилась в укрепление городского типа. Находки керамики VII — начала

---

¹⁶⁶ А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 60—63.

VIII вв. в северо-западной и юго-западной частях шахристана говорят о значительном обживании этой площади. Хотя время возведения стен шахристана нам неизвестно, можно предполагать, что уже в VII — начале VIII вв. здесь вырос пункт городского типа, стоявший на пути из столицы Чача в Фергану и Илак у переправы через Чирчик. Интенсивное разрастание городка у переправы по археологическим данным относится к IX—X вв., когда максимально осваивалась вся его территория и накапливались значительные культурные слои. Вероятно, в это время функционировала и стена шахристана. Косвенным подтверждением этого может служить наличие за пределами стен загородного рабата — караван-сарая.

Нуджкет играл роль не только транзитного, но и ремесленного пункта, о чем говорят следы гончарного и кирпичеобжигательного производства. В. М. Массон, относящий окончательное сложение Нуджкета к X в., считает, что с данным пунктом следует связывать указание анонимного источника X в. Худуд ал-Алема о городе Нуджкете (В. Ф. Минорский, исследовавший данный источник, считает, что речь идет о Неджакете)¹⁶⁷, в котором живут лодочники, работающие на реке Тюрк и реке Хашарт¹⁶⁸.

Интенсивный период жизни города приходится и на XI—XII вв. Аналогичные по мощности слои этого времени в оазисе обнаружены лишь в Нукете (Улькантойтубе). Оба города были связаны единым торговым путем и имеют близкую материальную культуру. Тем не менее даже в этот период мы не находим вокруг шахристана густо обжитых предместий. Последний этап, связанный с функционированием Нуджкета как городского пункта может быть отнесен к концу XII — началу XIII вв.

Последующие материалы незначительны, расположены на локальных площадях и связаны с освоением части территории заброшенного города под застройку отдельными хозяйствами поселений сельского типа в окрестностях позднефеодального Ташкента.

Пути в горные районы Чача

Джабгукет и Хатункет. От Бинкета магистральный путь, описанный в источниках, вел на север в сторону Исфиджаба. Здесь, севернее Бинкета, на границе со степью проходила стена, отделявшая северные пре-

---

¹⁶⁷ Худуд ал-Алем, л. 246.

¹⁶⁸ В. М. М а с с о н. Городище Ханабад, стр. 85. Мы считаем, что данные относятся к Неджакету. — Ю. Б.

дела земледельческого оазиса от кочевых районов. Стена проходила от гор Сайлыка (или Саблыка)¹⁶⁹ на востоке до Сырдарьи на западе.

Первый город на пути — Джабгукет — располагался в двух фарсах от Бинкета, внутри указанной стены. Значит, искать его следует к востоку или северо-востоку от Бинкета.

Арабские источники — Кудамма и Ибн Хордадбех указывают, что на расстоянии двух фарсахов от Бинкета располагался военный лагерь или «лагерь войск внутри оборонительной стены»¹⁷⁰. Истахри упоминает его среди городов к востоку от пути из Чача в Илак в долине р. Тюрк внутри стены и указывает, что от Бинкета до Джабгукета, расположенного на берегу р. Тюрк, 2 фарсах¹⁷¹.

О том, что речь идет об одном и том же пункте, мы можем судить по данным авторам Худуд ал-Алема, сообщающего, что «Джабгукет, красивый городок, где в древности был военный лагерь Чача»¹⁷². Это один из городов с тюркским названием по месту ханской ставки. По предположению В. В. Бартольда¹⁷³, поддержанному после разведочного обследования долины В. Д. Жуковым, руинами его считалась крепость Ниязбектепе близ с. Бозсу. Однако крепость эта расположена значительно дальше двух фарсахов от Бинкета. Кроме того, детальное обследование пункта показало, что крепость содержит слои XVIII — XIX вв. и была возведена для защиты поздней головы канала, выведенного из Бозсу. И. Баишев и В. Массон, обследовав окрестности Ташкента в 1949 г., отождествили его с городищем Тугайтепе в 4 км к югу от с. Дурмень¹⁷⁴.

В 1972 г. раскопки памятника были проведены Д. Г. Зильпер в составе Ташкентского отряда Института археологии АН УзССР. Городище имеет прямоугольную форму, размеры его 380×250 м, углы ориентированы по сторонам света. Как и в Ханабаде, восточный угол его занимает квадратная в плане цитадель высотой до 6 м со стенами 60×60 м, отделенная от шахристана искусственным рвом.

---

¹⁶⁹ Село Сайлык до настоящего времени сохранилось в предгорьях Чаткала на правом берегу Чирчика. Остатки стены на ее западном отрезке отмечены Е. Т. Смирновым в 1896 г. (см.: Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях Ташкента, стр. 132—133), а в 1934 г. Г. В. Григорьевым (см.: Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке..., стр. 48), отметившим здесь две стены, одна из которых отделяла оазис от степи, вторая дробила орошенные земли на участки, принадлежавшие, вероятно, различным феодалам.

¹⁷⁰ Кудамма, ВГА, V, р. 204; Ибн Хордадбех, ВГА, III, р. 204.

¹⁷¹ Истахри. Китаб масалик ал-мамалик, ВГА, II, р. 345.

¹⁷² Худуд ал-Алем, л. 246.

¹⁷³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 230; В. Д. Жуков. Результаты археологического осмотра участка правобережья р. Чирчика, рукопись, Архив Института археологии АН УзССР, д. 75, стр. 2—3.

¹⁷⁴ И. Баишев, В. Массон. Археологические разведки в районе Ташкента, стр. 134—137.

Поверхность городища сильно разрушена посевами, кладбищем, постройками и дорогой. Строительные работы обнажили обрезы. Ранний слой незначительной мощности содержит неполивную керамику желтого и красного лощения, относимую исследователями к V—VII вв. Наиболее значительны слои последнего этапа жизни — XI—XII вв., находки которых включают разнообразную керамику, преимущественно с бледно- и темно-зеленой глазурью и подглазурным процарапанным орнаментом, пастовые бусинки голубой поливы и стандарт жженого кирпича, характерный для караханидской эпохи.

Таким образом, пункт обживается в начале второй половины I тысячелетия н. э. В X в. это был уже городок небольших размеров (менее 10 га). Расцвет его, как и Нуджкета относится к XI—XII вв., когда накапливаются более мощные слои с разнообразными находками. Кажется, нет никаких сомнений в отождествлении его с Джабгукетом — последним городом Чача внутри стены оазиса на магистральном пути в северные области, в первую очередь на Исфиджаб, куда он, согласно данным Кудама, проходил далее через «Гаркерд (в оригинале Гинкерд или Гайнкерд), а от Гаркерда по пустыне до Исфиджаба 4 фарсаха»¹⁷⁵ через Джабгукет.

Однако археологическими обследованиями выявляются караванные пути внутри владения, игравшие в жизни области важную экономическую роль и в первую очередь путь в горные районы Чача. Первый город на этом пути — Хатункет — лежал к востоку от Бинкета в долине р. Фарака.

Краткое упоминание о городах на этом пути, в первую очередь о Хатункете, мы можем извлечь из текста Истахри, который сообщает: «Что касается того, что расположено между рекой Фарак и стеною Шаша, которая находится позади Келеса, то Хатункет (отстоит) на 2 фарсаха от главного города, Баркуш на 3 фарсаха от Хатункета в том же направлении. И от него до Харганката — 4 фарсаха по прямому пути к востоку»¹⁷⁶. Так намечается линия пути в горные районы Чирчика, важный скотоводческий район оазиса, откуда шли горные пути в Семиречье и Фергану. Путь может быть реконструирован археологически почти целиком. Основную трудность здесь представляет лишь локализация первого города — Хатункета, стоявшего также как и Джабгукет в 2 фарсахах от Бинкета.

В окрестностях города, к востоку от него, кроме Тугайтепе имеются руины еще одного городища. Это городище Аката на северо-восточной окраине Ташкента, к северу от Тугайтепе. В 1940 г. памятник обследовался М. Э. Воронцом, определившим его общие размеры 600×300 м

¹⁷⁵ Кудама. ВГА, IV, р. 204.

¹⁷⁶ Истахри. ВГА, I, р. 345.

с цитаделью высотой до 5—6 м¹⁷⁷. В 1960 г. отсюда в Музей истории народов Узбекистана поступил клад медных тимуридских монет XV в. в количестве 140 экз. (часть клада разошлась по рукам), найденный при подготовке котлована под многоэтажное здание. Монеты неплохой сохранности, но детальное изучение клада не проводилось¹⁷⁸.

Небольшое разведочное изучение городища Аката с закладкой стратиграфического шурфа было проведено в 1968—1969 гг. Ташкентским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР. По этим данным культурные слои прослеживаются на протяжении более 1 км, но вследствие густой современной застройки они ощущаются спорадически. Четко читается древнее ядро высотой до 4 м, слегка возвышающееся над остатками шлейфа. Шурф на холме цитадели выявил в нижнем горизонте массив пахсового строительного завала и незначительные фрагменты неполивной керамики.

Верхний слой занят кладбищем с подбоями, закрытыми сырцовым кирпичом размером $24 \times 16 \times 6,5$ см. В могилах встречены редкие фрагменты керамики X—XII вв.

Вокруг цитадели на обширной территории встречены материалы X—XII вв. Цитадель же, по данным исследователей, в это время используется под кладбище¹⁷⁹.

Площадь памятника, по данным М. Э. Воронца, составляла не менее 18 га, а по данным Ташкентского отряда — значительно крупнее. Ядром его является ранняя средневековая цитадель. И хотя исследователи называют Аката поселением, несомненно, перед нами руины городка. Аката располагается к северо-востоку от Бинкета, а Тугайтепе к юго-востоку от него. Поскольку путь через Джабгукет уходил на север, а через Хатункет по долине Чирчика — на восток, более логично отождествить с Джабгукетом городище Аката, а на месте Тугайтепе локализовать средневековой Хатункет.

Баркуш. От Хатункета, сообщает Истахри, путь вел вдоль сужающейся культурной зоны вверх по правобережной долине Чирчика к городу Баркуш (или Паргуш), стоявшему в 3 фарсах от Хатункета и в 5 фарсах от Бинкета. Единственным крупным пунктом, достойным отождествления с городом Баркуш является городище Паргостепе в одноименном селении на правом берегу реки, примерно в 42 км от Ташкента (рис. 28).

---

¹⁷⁷ М. Э. Воронец. Дневник рекогносцировочного обследования памятников старины, Ташкент, 1940, рукопись, Архив Музея истории народов Узбекистана, приведено в работе: Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области, Ташкент, 1973, стр. 41.

¹⁷⁸ Клад доставлен в Музей рабочим В. В. Сорокиным, КП № 136 и № 138 от 30 декабря 1960 г.

¹⁷⁹ «Древний Ташкент», стр. 80—81.

Городище Паргостепе расположено на правом берегу Чирчика в голове канала Зах. Памятник сильно изменен современной перепланировкой (застройками и полями).

Первое описание памятника было дано в 1935 г. В. Д. Жуковым, обследовавшим район и отметившим несколько вариантов названия:

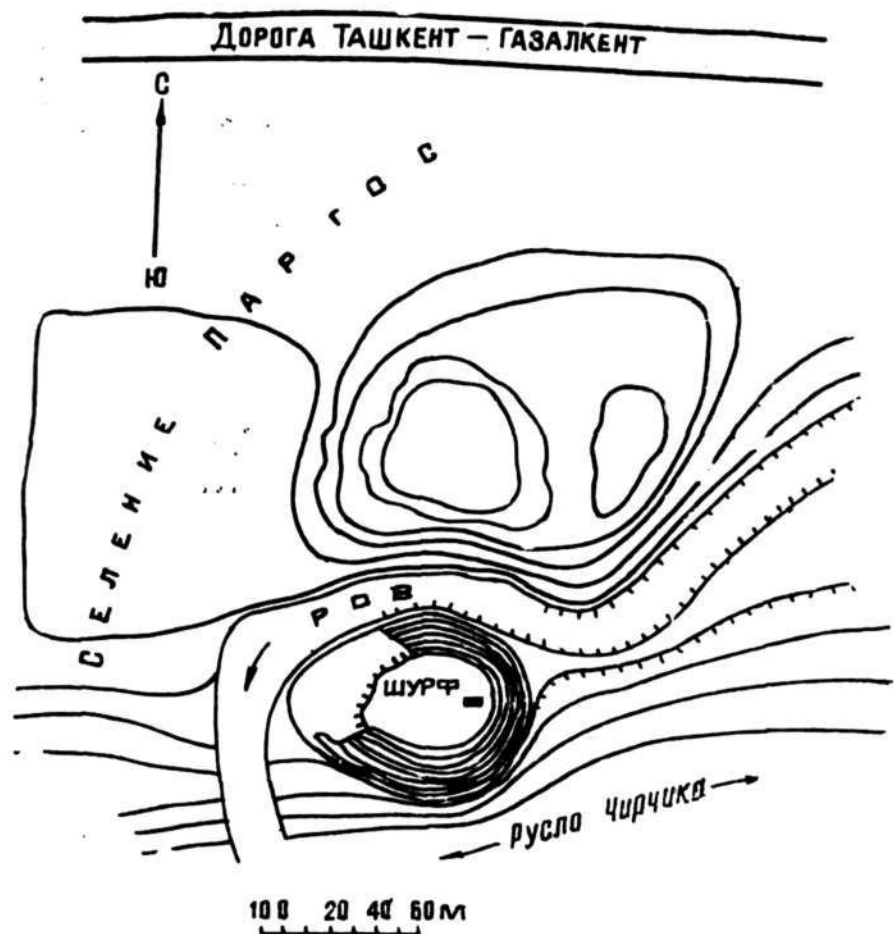

Рис. 28. Паргостепе. План.

городища (Паргизтепе, Паргузтепе). Кроме холма цитадели им выделено наиболее возвышенное ядро городища, вытянутое с востока на запад на 330 м, а на север до 150 м. В срезе нижних слоев отмечены значительные зольники с черепками груболепной посуды. С этим этапом жизни городища исследователь связывает расположенные поблизости курганные погребения.

Капитальные строения и крепостные сооружения с краснолощеной керамикой, выросшие на зольниках, автор относит к середине I тысячелетия н. э. На основании размеров памятника и по созвучию названия

В. Д. Жуков отождествил данное городище со средневековым Паргушем или Баркушем арабских географов X в.

В 1937 г. городище осматривалось Д. Д. Букиничем. Из насыпей современного кладбища на левом берегу Захарыка, близ цитадели им была собрана керамика, включающая сосуды доарабского времени и XI—XII вв.¹⁸⁰ В 1961—1962 гг. памятник обследовали члены кафедры археологии ТашГУ¹⁸¹.

В 1964 г. памятник обследовался Чарвакским отрядом под руководством автора. По ареалу распространения керамических находок территория его оконтурена в пределах 15 га (примерно 480—500×330 м) с тенденцией к росту от реки вдоль канала. В южной части отмечена цитадель, имеющая округлую форму, площадью более 1 га, обведенная рвом. В 1965—1966 гг. изучение городища со стратиграфическими раскопками продолжено Г. Дадабаевым¹⁸².

Стратиграфический шурф в северо-восточной части цитадели прорезал 7-метровую толщу культурных отложений, выявив четыре архитектурно-строительных и культурных уровня, лежащих на материковом слое галечника отложений, перемешанного с лессом.

Первый слой мощностью 2 м лежит на материке и состоит из прослоек органических отложений зеленоватого цвета, характерных для помещений каунчинской культуры, с включениями оплывов глинобитных стен и обломков сырцового кирпича. Находки представлены каменными отбойниками, зернотеркой и ложилами квадратной формы с сильно сглаженными гранями.

Керамика вся ручной лепки. Это изготовленные довольно грубо из глины с обильной примесью дресвы высокие плоскодонные горшки с асимметричным грушевидным туловом, слегка суженной горловиной и легким расширением устья. От плечика сосуда к краю венчика поднимаются две вертикальные ручки петлеобразной формы. Снаружи горшки закопчены.

Сосуды этого типа характерны для каунчинской культуры Ташкентского оазиса¹⁸³.

Вместе с горшками найдены лепные плоскодонные миски с конически расширяющимися стенками и обломки плоских крышек.

Выше расчищен второй слой мощностью около 1 м, состоящий из специально уплотненной серой массы типа оплыва пахсы, но без архи-

¹⁸⁰ Д. Д. Букинич. Новые данные для истории канала Бозсу, СОНАТ, Ташкент, 1937, № 6, стр. 72.

¹⁸¹ С. Б. Лунина. Группа «Караултепа» и некоторые археологические памятники Бостандыкского района, Труды САГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. VII, Ташкент, 1966, стр. 44—47.

¹⁸² Г. Дадабаев. История орошения правобережной части Чирчикской долины, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1974, стр. 12—13.

¹⁸³ Г. В. Григорьев. Каунчитепе; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, стр. 103—105, рис. 30, 1—25.

тектурно-строительных конструкций. Первый и второй слои разделены зольной прослойкой, проходящей до внешней границы цитадели.

Материал заполнения второго слоя аналогичен вышеописанному по технике. Это вылепленные от руки крупные хумы с валикообразным или подкововидным венчиком без четко выделенной горловины, хумча, повторяющие их форму, миски и асимметричные горшки с двумя петлевидными ручками. Сосуды этого типа характерны для Чача I—IV вв. н. э.

Второй слой перестилается специальной платформой мощностью 0,5 м, включающей прослойку засыпки гальки и булыжника. Она послужила основанием для строений из жженого кирпича, но в шурф попали лишь остатки упавших стен. Находки из слоя завала представлены невыразительными фрагментами неполивных горшков и глазурованной посуды открытых форм с расплывающимся голубовато-зеленым орнаментом под мутно-белой поливой и коричневым точечным орнаментом «гравировкой» по белому фону под бесцветной свинцовой поливой. В целом керамический комплекс характерен для IX—X вв.

Третий слой, в свою очередь, также перекрыт специальной плотной подушкой толщиной 80 см, на которой расчищен полтораметровый слой остатков архитектурных сооружений. Он представлен стенкой из жженого кирпича размером $32 \times 16 \times 4$ см и включениями завала сырцового и жженого кирпича, разделенных полами со специальными промазками. Сырцовый кирпич, как и жженный, представлен стандартом $32 \times 16 \times 4$ см. Находки на полах составляют в основном фрагменты глазурованной керамики открытых форм — это крупные чаши на кольцевом поддоне с резким изломом стенок. Сосуды украшены коричневой росписью по белому фону или подглазурным процарапанным орнаментом под зеленой глазурью. Этот тип керамики, как отмечалось по предыдущим памятникам, характерен для XI—XII вв.

Находки из подъемного материала повторяют и дополняют комплекс раскопа.

К северу от цитадели найдены жернова и фрагменты кружечки с петлевидной ручкой, характерной для VII—VIII вв.

Если керамика каунчинского типа встречается в основном на цитадели, то материал VII—VIII вв. имеет более широкий ареал распространения, а керамика X—XII вв. найдена на всей околотуренной площади городища.

По структуре своей памятник занимает промежуточное положение между городами и поселениями с укреплением, так как стен окружающих всю территорию мы не находим. Правда, в северо-западной части сохранились остатки вала, но в силу интенсивной перепланировки происхождение его без специальных раскопок определить трудно. Тем не менее, городище интересно своим положением и размерами.

Жизнь здесь возникает на площади цитадели в первые века н. э., что, как показано Г. Дадабаевым, может связываться с развитием ирригационной системы по каналу Зах, формирующемуся с начала н. э.¹⁸⁴

Не исключено возникновение его как укрепления для защиты головного сооружения канала. Со второй половины I тысячелетия н. э. поселение стало разрастаться. Быстрый расцвет его, прослеживающийся по увеличению в несколько раз обжитой площади (до 15 га), относится к IX—X вв. Расширение шло, в основном за счет освоения земель от головы по обоим берегам канала Зах. Вода канала могла способствовать и формированию обширной земледельческой округи, что, наряду с положением на караванном пути в горы, способствовало развитию жизни. Поселение интенсивно развивалось до начала XIII в. Последующие материалы встречаются на примыкающем к городищу поселении Паргос, лишенном укреплений, но сохранившем материалы XIV—XVII вв.

Созвучие названия, являющееся следствием непрерывности жизни, позволяет считать верным предположение о локализации здесь одного из чачских городов — Баркуша (Паргуша), стоявшего в долине Чирчика к востоку от Ташкента. Упомянутый в хрониках X в., он относился к числу мелких провинциальных городков и был известен, вероятно, лишь своим положением в качестве укрепления в голове крупного канала системы Чирчика.

После монгольского нашествия, в связи с общим упадком оседлой жизни в долине, жизнь на городище захирела, но рядом с ним выросла неукрепленное поселение, дожившее, несмотря на период упадка в XVIII в., до наших дней и сохранившее близкое к древнему название.

Харджанкет. Следующий город, указанный Истахри на этой нити караванного пути — Харджанкет (Харганкет). Если считать расстояние от Баркуша в 4 фарсах, то наиболее правильным будет отождествление его с древним городищем в Ходжикенте¹⁸⁵, расположенном на левом берегу Чирчика. Здесь выявлены пункты оседлой жизни начиная с каменного века — пещерные стоянки палеолитической эпохи Ходжикент I и II, наскальные изображения лошадей, козлов и сцен охоты¹⁸⁶.

---

¹⁸⁴ Г. Дадабаев. История орошения правобережной части Чирчикской долины, стр. 12—13.

¹⁸⁵ Сведения о Харджанкете в источниках противоречивы. В указанном выше отрывке Истахри упоминает Харджанкент в долине Фарака к востоку от Баркуша (см.: Истахри. ВГА, I, р. 345), однако в общем перечне городов он записан в числе городов Илака, что должно бы противоречить расположению его в долине Чирчика (см.: Истахри. ВГА, I, р. 332). На это обратил внимание еще В. В. Бартольд (см.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 230).

¹⁸⁶ Х. А. Алпысбаев. Новые наскальные изображения Бостандыкского р-на, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Алма-Ата, 1956; Он же. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. VII, Алма-Ата, 1959.

Раскопки пещерных стоянок проведены под руководством А. П. Окладникова¹⁸⁷.

На берегу реки поднимается обрезанный ныне холм Актепа древнего укрепления типа замка размеров 30×20 м и высотой до 7 м, содержащий керамику VI—VIII и XI—XII вв. В обрезах его видны следы кладки стен из крупноформатного кирпича-сырца размером 48×26×10 см и обломки каменных зернотерок. В центре селения на древнем кладбище хранились намогильные камни-кайраки XIV в., обнаруженные и прочитанные Н. Г. Маллицким¹⁸⁸. Среди домов и огородов найдены обломки керамических изделий XV—XIX вв.¹⁸⁹

Все это — небольшие объекты сельского типа. Единственный памятник городской культуры—городище Ходжикентбазарбоши располагается напротив селения на правом берегу Чирчика (рис. 29). Памятник выявлен Х. Алпысбаевым. В 1961—1962 гг. его обследовала кафедра археологии ТашГУ¹⁹⁰, в 1964 г. — Чарвакский археологический отряд¹⁹¹. Городище разрушено и распаханно полностью и выявляется по микро-рельефу и ареалу распространения материала лишь частично. По нашим наблюдениям, здесь выделяется подквадратная территория неправильной формы размером 300×300 м, изрытая ямами для хранилища ГСМ совхоза в южной части.

С. Б. Лунина выделила площадь поселения размером 120×130 м. Ею был получен обильный и разнообразный керамический материал, представленный фрагментами хумов, хумча, котлов, чаш и обломками жженого кирпича. Среди керамики выделяются чернолощенные и краснолощенные сосуды, посуда кухонного типа с большой примесью дресвы. Интересны сосуды, украшенные полосами черной и красной краски.

При съемке плана на территории городища нами была собрана неполивная керамика: фрагменты кувшинов и горшков с красным лощением и орнаментом черной и красно-коричневой краской, несколько фрагментов стенок чаш, украшенных мутно-голубой росписью с пятнами и потеками под мутно-белой поливой, а также черепки сосудов, покрытых

---

¹⁸⁷ А. П. Окладников. Работы палеолитического отряда в 1958 г., ИАН УзССР, ООН, Ташкент, 1958, № 4; Он же. Ходжакентская пещера—новый мустьерский памятник Узбекистана, КСИА, 1962, вып. 82; Он же. Краткий отчет о раскопках Ходжакентской пещеры в 1958 г., ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1963; Х. К. Насреддинов. Ходжакентская пещера № 2 — мустьерский памятник близ Ташкента, ОНУ, Ташкент, 1962, № 4.

¹⁸⁸ Н. Г. Маллицкий. Ходжакентские надгробные надписи XIV столетия, ПТКЛА, II, Ташкент, 1897, стр. 21.

¹⁸⁹ С. Б. Лунина. Группа «Караултепа», стр. 50—53.

¹⁹⁰ Там же, стр. 51—52.

¹⁹¹ Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области, стр. 29.

желтой и ярко-зеленой глазурью. Вся эта керамика охватывает период VI—VII вв.

Расположение пункта городской культуры на правом берегу более правомерно, так как в древности путь в верховья Чирчика от Паргоса шел по этому берегу. Здесь располагаются селения, носящие древние названия — Сайлык (вспомним стену оазиса, начинавшуюся на востоке, по ибн Хаукалю, от гор Сайлыка или Саблыка)⁹², Чимбайлык (селение и гора упоминаются в вакуфном документе XV в. под названием Чумайлик или Джумайлик по соседству с Сайлыком)⁹³. Интересны находки среди наскальных изображений вдоль этого пути мусульманских надписей-благословений и изображений всадника на верблюде и проводника впереди, ведущего верблюда на поводу⁹⁴. Несомненно, перед нами изображение каравана, идущего по пути в горы.

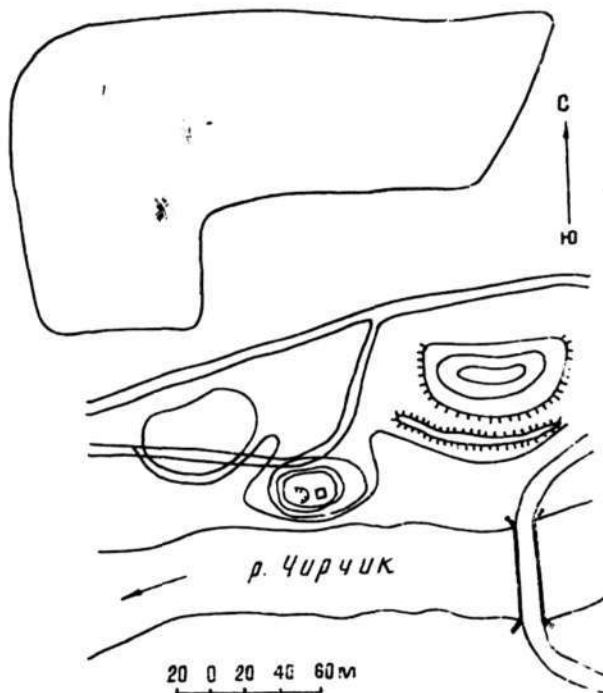

Рис. 29. Харджакент. План.

Самые ранние слои на городище Ходжикент базарбаши относятся к VI—VII вв., выше идут слои IX—X вв., верхние — преимущественно XI—XII вв. и до XV в.

Положение городища на пути вдоль Чирчика, расстояние от Паргоса-Баркуша и созвучие названий позволяют нам считать, что городище является руинами средневекового Харганкета или Харджанкета. Жизнь на нем продолжалась до конца XII — начала XIII вв., в то же время следы жизни в виде замка VI—VII вв. мы отмечаем напротив городища на левом берегу, а далее к востоку в обрезах Ишаккуприксай фиксируются погребения времени до середины I тысячелетия н. э. Возможно, замок располагался здесь для охраны переправы через Чирчик с правого берега на левый.

Впоследствии, особенно с XIV в., здесь разрослось большое поселение. В окрестностях Ходжикента располагались многие владения круп-

⁹² Абуль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 23.

⁹³ З. А. Кутбаев. Интересный документ по аграрной истории Средней Азии, ОНУ, 1968, № 12, стр. 35.

⁹⁴ Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области, стр. 29.

нейшего ташкентского богача и знаменитого шейха Ходжа Ахрара. Вероятно, вследствие этого старое название пункта постепенно уступило место новому, осмысленному населением как «город Ходжи» — «Ходжикент»¹⁹⁵.

От Харджанкета основной путь переходил на левый берег, где были более удобные площади для оседлых поселений и небольших крепостей, встреченных довольно густой цепочкой вдоль пути. У слияния Пскема и Чаткала путь раздваивался. Одна ветвь пересекала реку в широком месте, имевшем, однако, спокойное течение, и уходила в долину Пскема. Вторая шла по левому берегу Чаткала, а выше слияния с Коксу переходила на правобережье и вела в горные районы верховьев реки.

Здесь, на правом берегу Чаткала, у впадения Коксу расположены руины крепости Бурчмула, отождествляемой автором с Ардланкетом.

Ардланкет. Место для крепости выбрано удачно. Отвесные берега Чаткала и Коксу образуют площадь, защищенную с трех сторон, кроме восточной. Отсюда со стороны гор проходит искусственная стена длиной более 0,5 км и высотой до 2,5 м, на ее южном участке прослеживаются ворота. Размеры укрепления около 16 га. В северо-западном углу у слияния рек зафиксировано сооружение в виде квадрата 40×40 м. Территория вокруг него обжита довольно густо, найдены обломки металлургических печей и шлаки.

К юго-западу площадь города понижается несколькими уступами, образующими изолированные площади, некоторые из них могли являться торговыми. Через них проходит дорога от восточных ворот города к Чаткалу, где отмечены следы каменных устоев моста. Ниже моста выявлен скрытый, в виде тоннеля, спуск к воде. На противоположной стороне реки у моста поднимается укрепление диаметром 75 м и высотой до 15 м, охранявшее въезд на переправу.

Вокруг городища прослежены поля со следами древней ирригационной сети, питавшейся от эпизодически функционировавших водостоков. Раскопками на городище изучены жилые и ремесленные комплексы и оборонительные сооружения. (рис. 30).

Полученные материалы позволили установить, что освоение удобной в фортификационном отношении площади относится к VI в. н. э., когда в восточных районах оазиса начиналось оседание тюркских кочевых племен.

Поселение сразу сосредоточило функции и укрепления у переправы ремесленного и торгово-обменного пункта.

---

¹⁹⁵ Н. Г. Маллицкий характеризует Ходжикент как маленький центр мусульманской учености (см.: Н. Г. Маллицкий. Ходжакенские надгробные надписи XIV в., стр. 21).

Рост его как удобной крепости на пути в горные районы происходил при Саманидах в IX—X вв., когда и появилась стена, ограждавшая город с востока. В это время функционировала основная группа металлургических горнов, примитивных по сравнению с синхронными печами ремесленных центров оазиса. Они обеспечивались сырьем из близлежащих рудников района Коксу и Чаткала. Окончательная обработка металлов проводилась на месте, так как открыты и печи кузнечного типа.

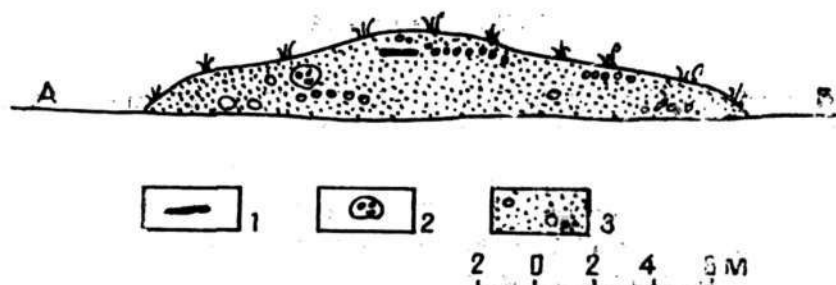

Рис. 30. Вал городища Бурмула. Разрез.

Условные обозначения: 1—лесовый натек; 2—купочки угля; 3—лесс с галечником.

В связи с тем, что городище является крупнейшим пунктом в долине Чаткала, обладавшим функциями укрепления на торговом пути и ремесленного центра горного района, мы считаем возможным отождествить его со средневековым Ардланкетом. Средневековые хроники сообщают, что Ардланкет был единственным городом в долине Чаткала¹⁹⁶. Различные авторы относят его то к Чачу, то к Фергане. Ибн Хаукаль, в частности, упоминает Ардланкет при описании обеих владений¹⁹⁷, в связи с чем В. В. Бартольд считал возможным даже наличие двух Ардланкетов¹⁹⁸.

А. К. Кабиров, обследовавший долину Чаткала в 1950—1951 гг., локализовал Ардланкет на месте руин Кюльбескана, расположенного на обрывистом берегу Чаткала близ впадения в него р. Аксу¹⁹⁹. Городище неправильной формы, общей площадью около 8 га с прямоугольником шахристана в западном углу размером чуть больше 1 га располагается вдоль пути на перевале Чанац, однако, судя по раскопкам, оно выросло в основном в XI—XII вв., тогда как источники упоминают город еще в X в. Кроме того, оно в два раза меньше характеризуемого нами памятника. Описанный А. К. Кабировым район не относится к

¹⁹⁶ Абуль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 26.

¹⁹⁷ Там же, стр. 23, 26.

¹⁹⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 220, 231.

¹⁹⁹ А. К. Кабиров. Археологические памятники Чаткала, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, вып. II, М.—Л., 1959, стр. 52.

Чачу. При наличии двух Ардланкетов здесь можно поместить ферганский город.

Но если Ардланкет был один, то, нам кажется, больше оснований отождествлять с ним руины городища Бурчмула. Город в первую очередь выполнял функции военно-административного пункта — крепости на границе оседлоземледельческого оазиса и крупных скотоводческих районов. Кроме того, здесь могла осуществляться торговля лошадьми и другим скотом, доставлявшимся с прекрасных горных пастбищ. Через него проходил функционировавший до недавнего времени горный торговый путь в Семиречье и путь, связывавший горные районы с Ферганой.

Облик материальной культуры города того времени в целом характерен для Чача, однако, если сравнить Ардланкет с лежащими в одинаковых географических условиях горными городами Илака (Абрлыгом, Намудлыгом), то можно заметить, что он отличается значительной бедностью. Скудны и невыразительны монетные находки, мало глазуromanной и стеклянной посуды, много лепных глиняных сосудов. И это вполне понятно. Если первые расположены вблизи крупных рудников благородных металлов и оживленного караванного пути, то Ардланкет, как ремесленный пункт, больше связан с обработкой железа и был населен, вероятно, преимущественно воинами и оседающими кочевниками.

К городу примыкала сельскохозяйственная округа. Под посевы близ Ардланкета была освоена полоса шириной 400—500 м, уходившая на юг между Чаткалом и горами на 2,5 км. Одним из подсобных занятий могло являться скотоводство. Дома в городе были с обширными дворами, накопившими небольшой культурный слой.

Время гибели города приходится на конец XII — начало XIII вв. Точные причины запустения проследить трудно.

Легенды связывают его с резким ухудшением климатических условий, однако возможны и политические причины: борьба с найманами и захват оазиса татаро-монголами.

Второй период обживания в качестве укрепленного поселения совпадает с оживлением жизни в районе в конце XIV—XVI вв. В XVII—XVIII вв. пункт эпизодически обживался ремесленниками-металлургами. плавившими железную руду, добывавшуюся в окрестности по зонам разломов и из гальки. Затем жизнь здесь замирает окончательно.

Города Чача в междуречье Фарака и „реки Илака“

При анализе текстов восточных хроник X в. вызвало интерес следующее сообщение Истахри: «... А то, что между рекой Турк и рекой Илака, то, что лежит к востоку от дороги Илака, подлинно на Турк из Бинкета на несколько фарсахов — Джигукет, и следует за ним в не-

скольких фарсах Фаранкет, и за ним через 1 фарсах Багункет, за ним через 2 фарсах Анузкет и Кадак, и Гадаранак, и Газак, Вардук и Джебузан, и все они близко друг от друга на расстоянии одного дня или половины дня»²⁰⁰. Из перечисленных городов наиболее полные данные мы можем почерпнуть о Джабгукете, попытка локализации которого проделана выше. Для остальных же городов невозможно установить ни взаиморасположение, ни взаимные расстояния. Поэтому на данном этапе нам важно хотя бы констатировать факт, что к востоку от основного пути Бинкет — Тункет в предгорьях Чаткала располагалось довольно много городков.

Выросшие на самой границе с кочевыми скотоводческими районами, они обладают интересной и своеобразной материальной культурой, складывавшейся под большим влиянием оседавшего тюркского контингента из числа бывших скотоводов.

Для более удобного восприятия характеристику маршрута мы начинаем от Чирчика к Ахангарану. Здесь по левому берегу Фарака (Чирчика) со стороны гор путь сначала проходил вниз по течению реки, а затем сворачивал на юг к долине реки Илака.

В. Д. Жуков, обследовавший район в середине 30-х годов, помещал в верхнем течении Чирчика, у места впадения в него Аксагатасая древний город Газак или Газал (Гузал) на месте нынешнего города Газалкента²⁰¹. Название пункта позволяет искать его древнюю основу. Однако на его территории не удалось выявить древних наслоений городского типа. Отмеченная В. Д. Жуковым цитадель Газала у впадения в Чирчик Гальвасая в 3 км к востоку от селения, как показал раскоп, является отдельно стоящей усадьбой укрепленного типа, выросшей в каунчинскую пору с первых веков н. э., вероятно, в связи с необходимостью организации защиты ирригационной системы оазиса с востока, со стороны гор. При укреплении функционировало небольшое неукрепленное поселение. Следов жизни IX—X вв. на поселении не обнаружено²⁰².

Созвучный по названию пункт «Куджал» упоминается в вакуфном документе XV в. среди земель Ходжи Ахрара. В документе довольно точно описаны границы: западной границей являлись земли Дакар, северной — земли Кузак, южной — земли Равад²⁰³. Уточнение топографии

---

²⁰⁰ Истахри. ВГА, II, р. 344—345.

²⁰¹ В. Д. Жуков. Результаты археологического осмотра участка правобережья Чирчика в 1935 г., стр. 3—4.

²⁰² Ю. Ф. Буряков, О. М. Ростовцев, Г. Левен. Работы Шаш-Илакского отряда, сб. «Археологические открытия 1973 года», М., 1973, стр. 457.

²⁰³ З. М. Кутбаев. Интересный документ по аграрной истории Средней Азии, стр. 35.

возможно по землям Кузак, западной границей которых являлся Аксагатасай²⁰⁴.

При полевых исследованиях Куджал выявлен нами в среднем течении Аксагатадая в 1 км к югу от Газалкента, где и сейчас сохранилось селение Гиджал. В районе этого селения на левом и правом берегах сая выявлены 4 укрепленных поселения. Первое расположено на правом берегу Аксагатадая в 250 м выше Гиджала и представляет собой окруженный рвом горный замок подтреугольной формы, слегка вытянутый с запада на восток, размером 60×80 м. Водой замок снабжался с помощью специального арыка, проходившего по каменному карнизу.

На 60—70 м ниже первого поселения обнаружено второе укрепленное поселение в виде холма прямоугольной формы. На вершине холма видны остатки каменных строений и двориков с входом с южной стороны. В северо-западном углу — башня. Среди подъемного материала — фрагменты керамики VII—XII вв., керамические шлаки. Строение с двориком может быть более поздним.

На левом берегу, чуть выше с. Гиджал, между двумя притоками Аксагаты — Кайгак и Кайраксай — сохранилась крепость подчетырехугольной формы, размером 42×20 м и высотой до 5 м, окруженная с трех сторон рвом и с четвертой — обрывом сая. С севера обнаружен вход, оформленный пологим склоном — пандусом. Датировка памятника затруднительна, но небольшие размеры дают основание считать, что перед нами феодальная усадьба.

Неподалеку от усадьбы на надпойменной террасе Аксагатадая расположено еще одно укрепление квадратной формы размером 65×65 м, высотой до 12 м, также обведенное рвом. К нему примыкает неукрепленное поселение небольших размеров. Подъемная керамика датируется раннефеодальным периодом²⁰⁵. Все четыре памятника свидетельствуют об относительной густоте оседлой жизни в районе с. Гиджал, где долина Аксагатадая несколько расширяется, открывая место для садоводства и земледелия. Однако эти небольшие отдельные усадьбы и поселения ни в коей мере не могут претендовать на роль даже небольшого городка. Так что вопрос о локализации Газака-Газала остается открытым.

Кабарна. Более определенно можно говорить о другом городском пункте, упоминаемом к востоку от пути Бинкет — Тункет и стоящем, как будет показано ниже, на не описанном источниками внутреннем пути. Это городище Кавардан на северной окраине одноименного селения в 25 км к востоку от Ташкента и в 6 км от г. Янгибазар.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области, стр. 33.

Памятник открыт и отождествлен в 1972 г. при работах Чач-Илакского отряда под руководством автора, выехавшего для обследования Кавардана по поступившим в Музей истории народов Узбекистана сигналам о находках глазурованной посуды при реконструкции канала Хамдам. Тогда же были проведены первые расчистки. Раскопки памятника проводились в 1973 г.²⁰⁶ Памятник расположен на левом берегу древнего русла Чирчика, занятого ныне протоком Карасу и каналом Хамдам. Городище занимает стратегически удобное положение: с севера и запада оно прикрыто излучиной Чирчика, сменившего здесь течение с западного на южное, с востока защищено естественной грядой предгорий, с юга — Околоксаем, впадавшим в Чирчик. Ныне это эпизодически функционирующий небольшой сай, но русло его разработано в ширину более чем на 150 м.

Кавардан был вытянут вдоль древнего русла Чирчика с севера на юг на 1150 м при ширине от 600 до 700 м (рис. 31). До сегодняшнего дня с трех сторон, кроме западной, четко сохранились валы крепостных стен с башнями, окружавших город общей площадью более 75 га. Западная сторона, выходящая к реке, вероятно, также имела крепостную стену, ныне срезанную каналом и дорогой. Свидетельством его функционирования является расположение в центре этого фаса мощной цитадели округлой формы диаметром 100 м и высотой более 15 м. Она носит имя Хантепе. К юго-западу от цитадели располагается отдельно стоящее выносное укрепление такой же высоты, но больших размеров — Ханумтепе. В настоящее время оно обрезано со всех сторон, но материал из обрезов позволяет связать его с ранним этапом жизни Хантепе.

Оба укрепления связаны в народной молве единым преданием, согласно которому они совместно управлялись супругами, но во время осады жена, полюбившая вражеского предводителя, открыла последнему план тайного снабжения крепости водой. Место ввода воды из Чирчика было определено с помощью снопа соломы, брошенного в воду и затянутого водоворотом в скрытый ход. После этого оба укрепления были взяты штурмом и разрушены.

В северной части цитадели читается вход, проходивший пандусом вдоль стены и оформленный двумя башнями.

К цитадели примыкает обведенная довольно мощной стеной площадь шахристана размером 600×700—800 м со следами магистральной

---

²⁰⁶ Первые сведения поступили в Музей от жителя с. Кавардан М. Нугманходжеева. Сбор материала был проведен научным сотрудником музея К. Алимовым. В обследовании памятника в 1972 г. кроме автора участвовали археологи К. Алимов и О. М. Ростовцев. Раскопки 1973 г. проводились археологами Ю. Ф. Буряковым, К. Алимовым, Э. Ю. Буряковой и лаборантом В. М. Ереминой.

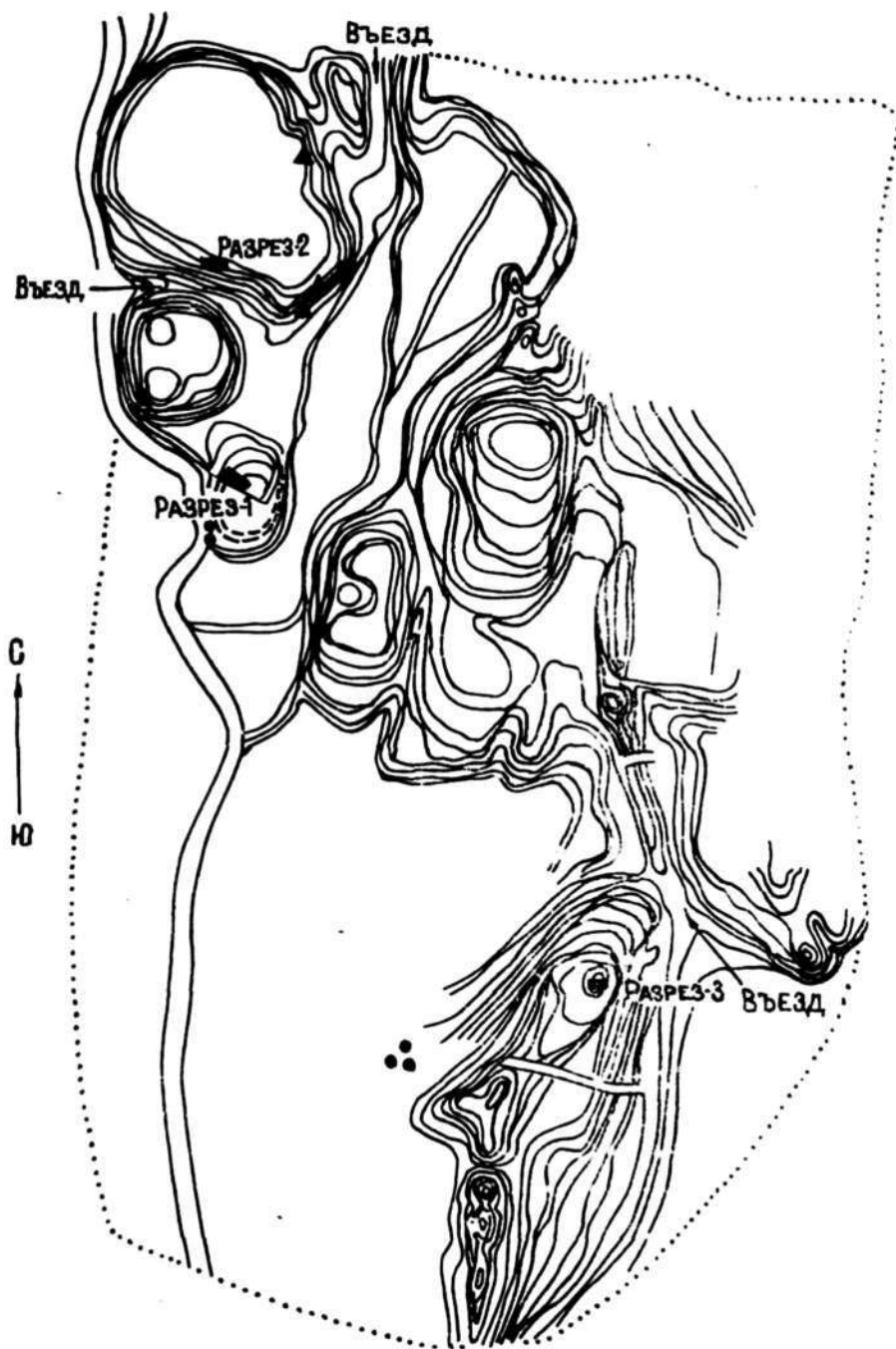

Рис. 31. Городище Кавардан. План.

улицы, проходившей от северных ворот города на юг между массивами густой застройки со следами металлургического и керамического производства. Наиболее мощные массивы застройки обнаружены на северо-западе над рекой и на юго-востоке.

В одном из разрезов в северном фесе, в зольнике с керамикой был найден разбитый, собирающийся целиком, неполивной горшок округлой формы с двумя ручками петлевидной формы по плечикам и штампованным орнаментом, в котором лежали обуглившиеся кусочки яблок (рис. 32).

С юга к цитадели примыкала вторая территория шахристана, отделенная от северной поперечной стеной. Длина шахристана до 350 м, ширина северной части 600 м, южная же несколько сужена за счет среза юго-восточного фаса Околоксаем. В северо-восточном углу прослеживаются ворота с выносной башней с северной стороны. На территории, освоенной современным селением, также встречаются следы гончарного производства в виде шлаков и отдельных фрагментов бракованной продукции. Среди находок интересны крышки с ручками в виде стилизованных фигурок животных.

Рис. 32. Кавардан. Сосуд IX—X вв.

По сообщениям жителей, на этой площади при работах на приусадебных участках встречались древние погребения с сосудами. Из одного погребения нам был передан одноручный лепной горшок с носиком, покрытый снаружи потеками черной краски. Сосуд типичен для каунчинской культуры.

За пределами городища на второй террасе найдено скопление погребальных курганов, насчитывающее несколько сот лессовых курганов высотой от 1 до 2 м и диаметром от 12 до 30 м. Курганы подступают прямо к городской стене, особенно на северо-востоке. В южной части, прямо на Околоксае водой размыто древнее погребение. Погребенный был вытянут на спине, около него стоял лепной горшочек каунчинского типа с ручкой, завершающейся стилизованной головкой животного.

С целью изучения стратиграфии городища на нем заложено 4 раскопа. Три из них сосредоточены на холмах северо-западной части шахристана, свободной от современной застройки и распашки.

Раскоп 1 заложен на возвышенном холме к востоку от цитадели и представлял собой разрез размером 3×10 м, опущенный до материка на глубину 8,5 м (рис. 33). В I—III ярусах расчищены культур-

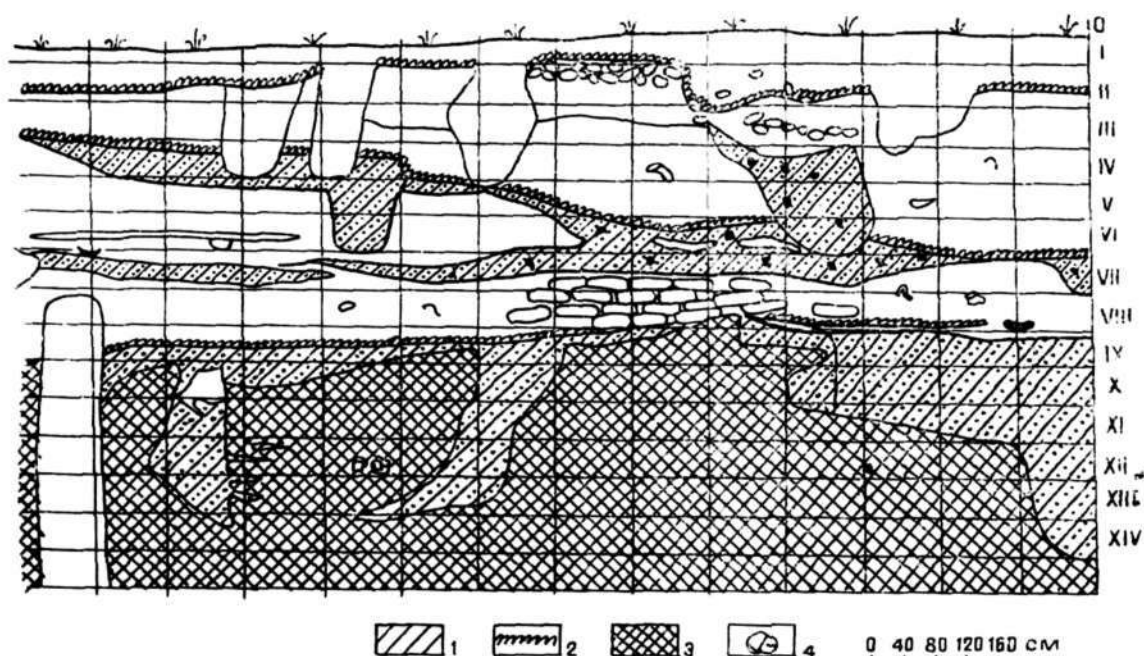

Рис. 33. Кавардан. Раскоп 1. Развертка стен.

Условные обозначения: 1—золяник с угольками; 2—уровень пола; 3—лесс; 4—захоронение.

ные слои с выходящей в раскоп глинобитной стеной, печью-тандыром, обломками жженого кирпича размером $30 \times 15 \times 4$ см, массой керамики желтой и зеленой глазури, котлов и хумов XI—XII вв.²⁰⁷

IV—V яруса—второй архитектурно-строительный слой с уровнем пола и хозяйственной ямой. На полу среди рыхлых зольных слоев найдены медная нечитаемая монета саманидского облика, кухонная и столовая посуда X в., крупные обломки керамических шлаков. Третий архитектурно-строительный слой с зольными отложениями проходит на глубине от 2,5 до 3,3 м и лежит на мощной стене толщиной более 2,6 м, проходящей с северо-запада на юго-восток. Стена сложена из сырцового кирпича размером $50 \times 30 \times 10$ —12 см, прослоенного глинобитными блоками толщиной 20—25 см. Ниже идет кирпич размером $60 \times 40 \times 10$ см. Стена опускается на глубину до середины X яруса.

²⁰⁷ Описание керамики всех раскопов будет дано ниже.

В слое, связанном со стеной и под ней, идет целиком неполированная керамика, много лепной и краснолощеной. Эти слои можно отнести к VI—VIII вв. н. э.

Под ними — мощный зольно-гумусный слой толщиной до XII яруса с лепной краснолощеной и чернолощеной керамикой. Ниже этот слой переходит в заполнение ям среди материка. В том, что ямы вырыты искусственно, мы убедились при раскопках в южной части раскопа. Здесь две ямы повредили погребение предшествующего времени (рис. 34).

Погребение обнаружено на материке. Костяк лежит на левом боку, головой на восток, лицом к югу. Одна нога была подогнута в колене, другая — вытянута. Череп взрослого возмужалого мужчины с искусственной кольцевой брахицефалией башенного типа. Около головы стоит лепной горшочек-кружечка с невысокой округлой горловиной, слегка расширенным устьем, округлым, слегка утяжеленным к донцу туловом. Сбоку вертикальная ручка с наделом сверху. Сосуд типично каунчинского облика II—IV вв. н. э. Костяк обрезан ямами, ноги

ниже колен и кисти рук попали в яму и не сохранились. Ямы уходят до XVI—XVII яруса (до глубины 8—8,5 м) и заполнены зольными и зеленоватыми органическими отложениями с фрагментами лепной керамики. Среди форм — венчики хумов, котлы с петлеобразной ручкой, груболепные горшки каунчинского облика, масса стенок горшочков такого же типа, как сосуд в погребении, стенки краснолощенных и чернолощенных горшков из глины с большим количеством отощителя. Интересна ножка груболепной вазы или кубка в виде цилиндра с перехватами и утолщениями. В слое найдена зернотерка. Материал характерен для III—IV вв. н. э.

Стратиграфия ядра города продублирована раскопом № 2 в северной части шахристана I.

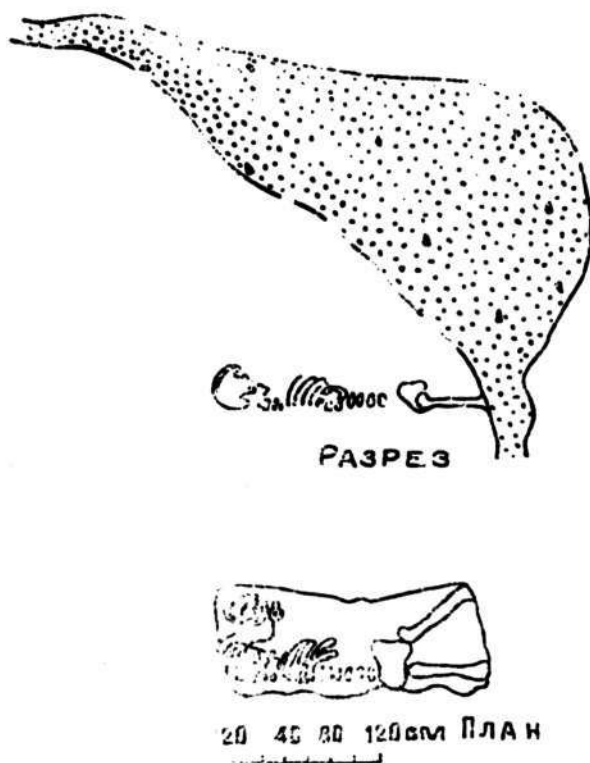

Рис. 34. Кавардан. Раскоп 1. Погребение в материке. Разрез и план.

Раскоп № 2 размером 4×10 м заложен к северу от цитадели (рис. 35). Он также опущен до материка на глубину 8,5 м.

В верхних двух ярусах его расчищены завалы пахсовых стен и остатки двух разрушенных помещений с полами в конце II яруса. Полы уплотнены, покрыты слоями золы, а сверху перекрыты массой оплывов пахсы и обломков сырцового кирпича толщиной 5 см, жженого кирпича размером 32—35×15—17×3,5—4,2 см и маломерки размером 22×11,5×3,5 см.

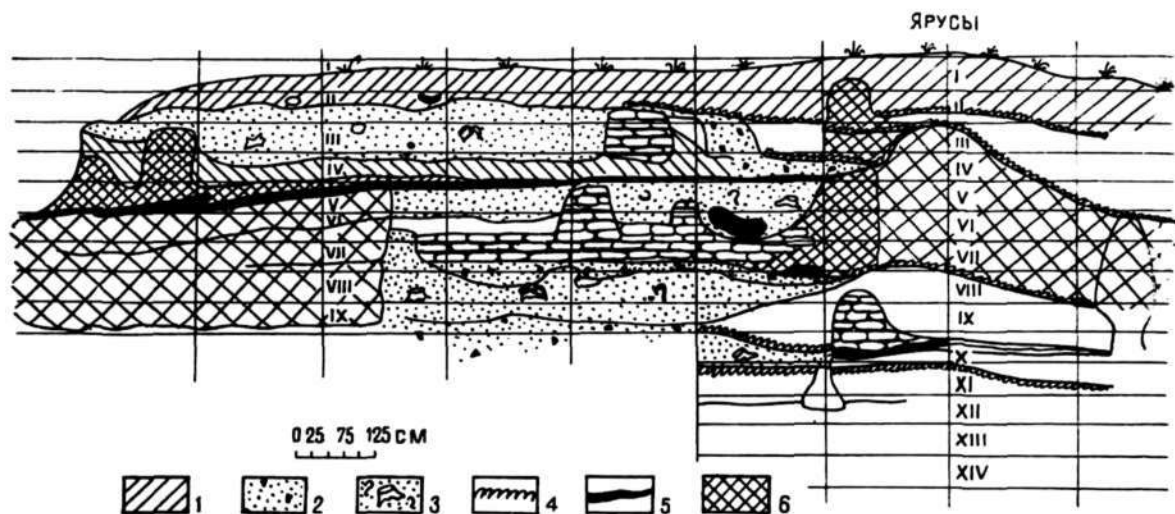

Рис. 35. Кавардан. Раскоп 2. Стратиграфический разрез.

Условные обозначения: 1—оплыв, рыхлый слой; 2—зольник с угольками; 3—желтоватый слой с фрагментами керамики; 4—уровень пола; 5—жженный слой с угольками; 6—пахса.

Находки на полах обильны. Это обломки хумов с отворотом венчика горизонтально наружу и цилиндрической высокой горловиной. Котлы полусферической формы со слегка коническим сужением в придонной части и неровным донцем. В местах перехода стенки ко дну видны четкие следы подрезки ножом. В глазурованной керамике преобладают открытые формы — чаши, лаганы, коса. Стенки с резким изломом в центре донца, с дисковидным поддоном. Стенки косы — конические. Глазурь желтая с черно-коричневым подглазурным орнаментом, цвета слоновой кости, бледно-зеленая и ярко-зеленая. Орнамент процарапанный.

Вообще, для верхнего комплекса раскопа № 2 характерно преобладание описанных выше цветов глазурованной посуды. Среди неполивной керамики есть красноангобированные сосуды. На полах, особенно в северо-восточной части, среди зольника за стеной помещения найдены кости и рога домашних животных, преимущественно крупного скота. Пахсовые стены уходят ниже пола до конца III яруса, а в западной части — до начала IV яруса. Здесь, на глубине 150—175 см проходит еще

один уровень. Материал не отличается от верхнего комплекса. Его могут дополнить одноручные кувшинчики с цилиндрической горловиной и яйцевидным туловом, тазообразный сосуд иногда с небольшими ручками над бортиком. Интересен фрагмент керамического калыба со штампованным орнаментом. Есть и лепные сосуды. Найдены металлические изделия.

Датирующим объектом в данном архитектурно-строительном комплексе является глазурованная керамика обоих уровней, типичная для XI—XII вв. Этим временем и датируются помещения верхних ярусов, стоявшие на зольной прослойке, проходящей по всему раскопу с легким падением с севера на юг, к цитадели. Вероятно, в предшествующий период за северными пределами раскопа находилась большая хозяйственная постройка, за пределы которой выбрасывалась зола. Это подтверждается тем, что в северной части, в IV ярусе вскрыт мощный завал пахсовой стены, падавшей с севера на юг. Завал перекрыл уровень с полом и бадрабом, в котором найдена глазурованная керамика, голубая пастовая бусина и стеклянные сосуды X—XI вв. Интересна находка целого двуручного горшочка-корчажки такого же типа, как и сосуд с яблоками. В этом же сосуде лежала жирная зеленоватая глина сорта «гильмая», использовавшаяся в керамическом производстве и в бытовых целях вместо мыла. Мощные слои зеленых жирных глин такого типа были найдены, в частности, в ямах при банях Афрасиаба.

Ниже расчищен новый уровень с глинобитными стенами высотой до 80 см и толщиной от 70 до 75 см. В кладке использован крупноформатный сырцовый кирпич размером 44—52×25—27×9—12 см. В раскоп попали две комнаты. Восточная, вероятно, являлась хозяйственным помещением. В верхнем уровне помещения расчищена плохо сохранившаяся печь очагового типа. На нижнем полу также найдена печь с отвалами золы и специальной площадкой для выгребаемых углей. Около печи стоял котел, раздавленный упавшей стеной, одноручный лепной кувшинчик, а также обломки неполивной керамики. На верхнем полу западной комнаты среди аналогичной керамики найден фрагмент глазурованного сосуда с мутно-голубой поливой по белому фону. Комплекс можно датировать VIII—IX вв.

Под полом западного помещения расчищен очень плотный слой типа специальной штукатурки, но с большим содержанием костей крупных животных, неполивной керамики, древесного угля. Все это стоит на слое золы с несколькими очагами на глубине 4 м (VIII ярус), сложенными из булыжника, и краснолощенной керамикой. Среди сосудов характерна форма лепной чашечки каунчинского типа, горшочки типа кружечек, но без ручки. Все это подстилается мощным гумусным слоем с зольниками и очагами, стоящими на полу в середине IX яруса. На полу найдены: каменный подпятник, лоцило, зубчатая костяная

поделка, возможно для орнаментации посуды, и масса керамики, аналогичная описанной. Все слои могут быть датированы серединой—началом второй половины I тысячелетия н. э.

Ниже раскопки проводились лишь в восточной части. На глубине 5 м вскрыт дворик, выложенный булыжником вдоль пахсовой стены, и помещение с суфой и пристенной печью с дымоходом, площадками для жара и золы диаметром 8 см. Печь неоднократно ремонтировалась. В помещении и дворике найдена лепная керамика каунчинского типа, есть краснолощенная и чернолощенная керамика.

Под двориком вскрыт слой мощностью 2 м, в котором зольно-бад-рабные серо-зеленые слои перемежаются с желтоватыми лессовыми пахсовыми прослойками. Находки представлены целиком лепной керамикой, аналогичной находкам V яруса. С глубины 7 м начинаются выходы всхолмлений материка, но местами культурный слой продолжается до глубины 8,5 м, т. е. достигает такой же мощности, как и в раскопе № 1.

Эти довольно мощные наслоения с каунчинской керамикой могут быть датированы II—IV или III—IV вв. Нам кажется, что их оставили оседающие скотоводческие племена — носители подбойно-катакомбных погребений, так как в могилах встречается материал совершенно аналогичный нижним слоям первого и второго раскопов. Особенно четко связь и преемственность были прослежены в раскопе № 1. В целом наслоения шахристана I довольно значительны и разнообразны. Следует подчеркнуть и интенсивность наслоений верхних этапов.

Характер построек, относительная бедность материала, находка керамического калыба и керамических шлаков позволяют считать, что в данном районе в средневековую пору располагались гончарные мастерские. По сообщениям жителей, при расширении канала Хамдам близ раскопа № 1 были вскрыты гончарные печи. Разрез одной из них мы выявили в стенке канала. Печь цилиндрической формы диаметром 1,5 м. Однако никаких конструктивных деталей не сохранилось.

Изучение шахристана II начато зачистками разрезов и раскопками оборонительных сооружений в юго-восточной части города.

Восточная стена на отрезке южнее ворот проходит на юг с 10° склонением к западу и насчитывает 6 башен. Раскопом № 3 была начата расчистка 4-й башни к югу от ворот (рис. 36). Башня снаружи овальной формы, слегка вытянута вдоль гребня стены. Размеры всхолмления $9,4 \times 12$ м. Башня возведена на естественной гряде, проходившей к югу вдоль сая. Под основанием башни расчищено предшествовавшее постройке погребение в катакомбе.

Снаружи под башней расчищен культурный слой небольшой мощности в виде зольного отвала с лепной керамикой, среди которой встречаются краснолощенные фрагменты. Сверху слой (как и погребение с

внутренней стороны холма) перекрывается платформой-обкладкой с нивелировкой поверхности, послужившей основанием башни. Основание сложено комбинированной кладкой с использованием сырцового кирпича крупного стандарта ($48 \times 26 \times 10$ см) и пахсовых блоков.

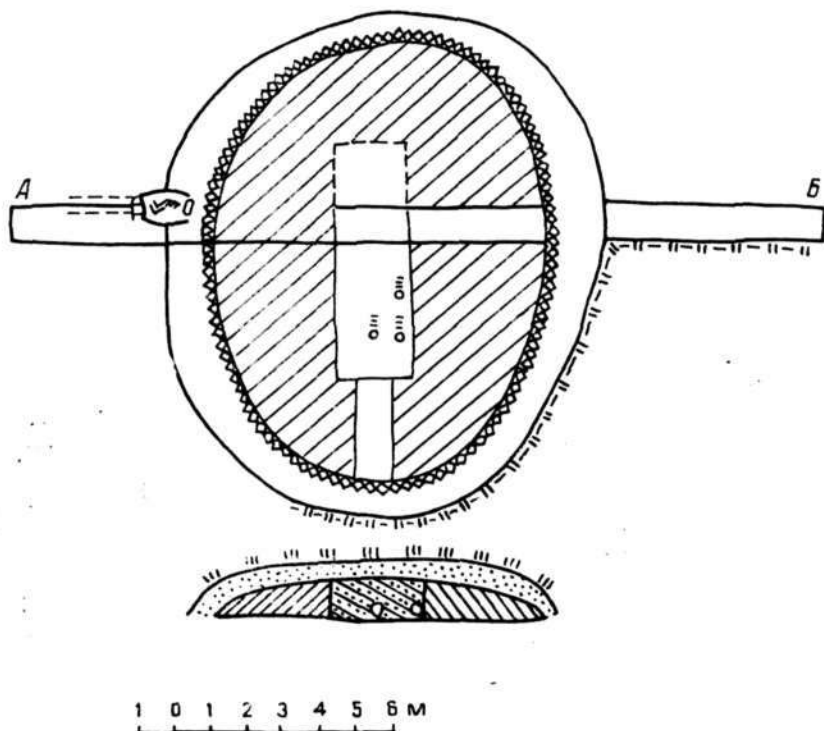

Рис. 36. Кавардан. Раскоп 3. План и разрез башни.

Стены башни в основном пахсовые, но иногда в кладке встречается кирпич. Внешний фас — с откосом ко рву, проходившему снаружи. Толщина его на уровне пола башни 3,8 м, толщина внутренней стены на этом же уровне 3,25 м. Внутри — прямоугольное помещение размером $2,15 \times 3,8$ м с суфой вдоль внутренней стены.

На полу найдены фрагменты невыразительной керамики с признаками каунического типа. Посуда лепная, иногда грубоватая, вместе с ней найдены обломки лепной, но красной посуды.

В полу башни расчищено несколько неглубоких (до 40 см), вытянутых на юг ям с захоронениями. Погребены взрослые мужчины. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении головой на юг. Антропологически они принадлежат к типу, близкому к средиземноморскому. У всех резко выраженная искусственная брахицефалия башенного типа. Характер захоронения не совсем ясен. Либо башня попала на предшествующее ей захоронение, либо людей похоронили в башне.

Первое предположение менее оправдано, так как холм перекрывался нивелировочной платформой.

Таким образом, на данном раскопе выделяются 4 этапа: детское захоронение, культурный слой на холме с зольником, башня и захоронение внутри башни. Башня функционировала и после этапа захоронения. Первые 3 этапа связаны с керамикой каунчинского облика и могут датироваться в пределах II—IV вв. Башни южного фаса были возведены не позднее III—начала IV вв. Это подтверждается и при зачистках разреза между 2-й и 3-й башнями, образовавшегося при прокладке через стену дороги. Здесь расчищена крепостная стена из пахсы с включениями крупноформатного кирпича и внутрстенный коридор, заполненный зольными отложениями с лепной керамикой каунчинского типа.

Факт этот очень интересен. В сочетании с раскопом и зачистками северной части он говорит о том, что уже в III—IV вв. город на всей своей площади был обнесен оборонительной стеной с системой башен. Значит формирование его относится к тому же периоду, что и Бенакета, а максимальный расцвет — к позднеантичной поре Харашкета и появлению Худайнкета.

Для стратиграфического изучения цитадели в северной ее части был заложен четвертый раскоп шириной 2 м и длиной в верхней части 2 м, нижняя часть непрерывно расширяется в связи с опльвом холма. Разрез до материка не доведен. Он прорезал лишь верхние слои на глубину до 5 м. Под опльвом с материалом XII—начала XIII вв. расчищены остатки жилого помещения XI—XII вв. В разрез попала часть стены из жженого кирпича размером $32 \times 16 \times 4,5$ см, за пределами помещения — громадный диск жернова мельницы диаметром 85 см и большое количество неполивной и глазурованной керамики и костей крупного домашнего скота. Ниже расчищена монументальная стена из мелкоформатного сырцового кирпича с массой обломков в завале жженого кирпича. Керамика представлена белофонными чашами с коричневым орнаментом в виде «гравировки» и надписью почерком, характерным для керамики X в.

Разнообразные материалы, представленные архитектурно-строительными остатками жилого и оборонительного назначения, погребальными сооружениями, остатками ремесла, предметами материальной культуры, позволяют наметить предварительные силуэты становления и динамики развития жизни на территории Кавардана.

Время появления оседлой жизни здесь четко фиксируется подстилающими жилые слои и фортификационными сооружениями, подбойно-катакомбными погребениями первых веков н. э. Обжитая территория даже на первых порах была значительна, а к III—IV вв. она охватывала всю площадь города. Насколько плотна была застройка внутри, мы

не можем судить без стационарных раскопок, однако факт обнесения стеной с башнями обширной территории очень интересен. Он совпадает по времени с возведением внешней городской стены Харашкета, охватившей 150 га, с культурными слоями Бенакета и Худайнкета и знаменует взлет городской культуры оазиса в целом.

Становление и развитие городской жизни связано с носителями подбойно-катакомбных сооружений, причем выявляется сосуществование города и функционирования курганных погребений. К югу от города, за пределами оборонительной системы в русле Околокся расчищены размытые при передвижении сая погребения в катакомбах с сосудами синхронными нижним слоям раскопок городища. Череп погребенного так же, как и в слоях, подстилающих городские слои, искусственно деформирован.

Таким образом, и предшествующие городу, и синхронные его ранним этапам слои дают близкий антропологический тип населения. Очевидна связь населения с земледелием, прослеживаемая и в наличии следов зерновой подушки на донных частях хумов и зернотерок с курантами. Из ремесел кроме гончарства мы пока уверенно можем говорить лишь о ткачестве, так как найдены глиняные и каменные грузила ткацкого станка. Грубая ткань использовалась и в гончарном производстве для матерчатого шаблона сосудов.

Слои этого времени типичны для всех городищ каунчинской культуры, они насыщены зольниками и органическими отложениями. Мощные их слои выявлены при зачистке слоев с хумом, имеющим тамгу в виде сдвоенных треугольников, найденным к югу от цитадели. Здесь вскрыты остатки архитектуры этого времени со стенами из сырцового кирпича размером $50 \times 30 \times 9$ —12 см, несколькими уровнями полов и хозяйственной ямой с керамикой и костями животных.

Появление в этом месте крупного пункта городской культуры следует связать с оседанием большой группы скотоводческого населения, жившего на границе земледельческой полосы и адыров. Следами их являются зафиксированные нами огромные скопления погребальных курганов с лессовой насыпью. Они начинаются близ городской черты и тянутся цепочками и концентрическими полями, насчитывающими иногда сотни курганов вдоль Юзурукся, в районе Каратухума. Скопления объединены нами в группы, названные: Юзурукское, Каратухумское и Хантепинское мингтепе. Они являются значительным дополнением к выявленным ранее М. Е. Массоном группам погребальных курганов для южных и западных районов оазиса²⁰⁸.

Динамика города в пределах ранних этапов его жизни пока не ясна. Мы можем констатировать лишь факт обилия краснолощеной

---

²⁰⁸ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 19.

керамики, характерной для середины — начала второй половины I тысячелетия н. э. Керамика этого типа найдена в обрезах цитадели и в нижних слоях расположенного к западу от городища, в пойме Чирчика, Ханумтепе, возможно, являвшегося выносным форпостом города.

Более полно можно говорить лишь о позднем этапе жизни города (X—XII вв.). Материалы этого времени покрывают всю площадь города. Слои довольно интенсивны и представлены двумя, а иногда и большим количеством архитектурно-строительных этапов с мощностью наслоения от 2,5 до 5 м. В западном и южном районах города зафиксированы следы гончарного производства этого времени; в северной части, вдоль дороги от северных ворот к центру города в шахристане I найдены металлические шлаки. Интересна керамика, в которой сочетаются сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения, прекрасная глазурованная посуда с «гравировкой» растительным, эпиграфическим орнаментом и посуда, выполненная от руки, хотя и по устоявшимся пропорциям, несомненно, ремесленного производства, красноокрашенная, лощенная. Этот факт характерен и для предгорных городов Илака.

Размеры города этого периода (а вся территория более 70 га была обжита довольно густо), превышающие даже площадь Чиначекета, говорят о его значительной роли в торгово-ремесленном потенциале восточных районов Чача, обмене со скотоводческими племенами, населявшими обширную адырную зону. В то же время, как и в Чиначекете, мы отмечаем крупные малозастроенные участки города. Естественно предположить, что они также были заселены жителями «войлочных домов», т. е. юрт. Значит процент оседающего кочевого населения был велик. Интересно отметить, что в остеологических остатках, как и в раннем периоде преобладают кости крупного домашнего скота. Отмечено наличие лошадей.

Возможно, что существовали ремесла, связанные с обработкой продуктов скотоводства. Об этом говорит находка ножниц типа используемых в настоящее время для стрижки овец, а о деревообделочном ремесле — тесло-теша, хотя по отдельным орудиям труда безоговорочно делать такие выводы нет достаточных оснований. В целом же мы можем говорить о довольно интенсивной жизни в городе.

Интересен вопрос о водообеспечении города. Современный канал Хамдам проведен по руслу Ханарыка, проложенного в 1893 г. Но оба они имеют основной канал, проведенный из древнего русла Чирчика в средневековый город. Следы его являются остатки системы кубуров, прослеженных при расширении канала в 1971 г. южнее цитадели и являющихся частью внутренней системы водоснабжения от центральной ирригационной сети.

По микрорельефу читается довольно четкая планировка города последнего периода с улицами, проходящими с севера на юг и от восточных ворот шахристана II на запад к древнему руслу Чирчика, и массивами густой застройки вдоль магистралей. Несмотря на зафиксированные следы ремесленного производства, трудно говорить о какой-либо производственной специализации города. Вероятно, четкой специализации с профессиональным расселением мы не найдем, так как, например, керамические шлаки встречаются по меньшей мере в четырех участках города, а остатки печей зафиксированы в двух. Топография западной части читается менее четко ввиду интенсивного ее разрушения в связи с проведением канала Хамдам.

Таким образом, городище является руинами довольно крупного города. В связи с предположениями о его локализации, следует обратить внимание на название пункта и на легенды, связанные с его историей. По сообщениям жителей, современное название пункта связывается с древним городом, носившим, якобы, название Кабарбанда. Через него проходил путь в сторону Паркента и далее на юг. В перечне городков Истахри город Кабарна располагался к востоку от дороги Бинкет—Тункет, отсюда и вытекает предположение: не является ли описанное городище руинами города Кабарна, название которого в несколько измененном виде дошло до наших дней.

Город интенсивно функционировал до начала XIII в. Последующие материалы встречаются отдельными фрагментами. Не исключено его передвижение к юго-западу, в район современного селения, так как дорога через этот пункт функционировала и в последующие столетия, в частности в XV—XVII вв. в качестве внутреннего пути восточных районов области²⁰⁹.

Фарнкет, Заранкет, Намадванак. От Кабарны путь вел на юго-восток к Паркенту, Заркенту и далее к Намданаку. От Намданака прослеживается караванная тропа на юг, в долину Ахангарана, к столице Илака—Тункету. Этот район интересен созвучием современных названий с древними: с Фарнкетом, Заранкетом, Намадванаком, первый из которых упомянут в числе городов, лежавших восточнее пути из Бинкета к столице Илака. О возможности расположения Заранкета на месте современного с. Заркент сообщал еще В. В. Бартольд²¹⁰.

Обследование пунктов показало, что они имеют древнюю основу. В Паркенте древнейшей его частью является городище Ишкурган, расположенное на слиянии саев с обрывами высотой до 30 м (рис. 37). Памятник вытянут с северо-запада на юго-восток. Длина его 140 м,

²⁰⁹ До недавнего времени через этот район проходил путь, связывавший Ташкент с Паркентом. В связи с прокладкой новых магистралей дорога утратила свое былое значение.

²¹⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 232.

ширина 65—70 м. Со стороны селения городище обрезано дорогой. Материалы на городище включают керамику от VI—VII вв. до XV—XVI вв. Однако древняя керамика встречается и на территории современного селения. Возможно, Ишкурган являлся укрепленным ядром, а город располагался на склонах, занимаемых Паркентом до настоящего времени. Древние укрепления выявлены в Заркенте и Намданаке. Наиболее мощной является крепость в Заркенте, носящая название Калаиболо (рис. 38), включающая разнообразные материалы от VI—VII вв. до начала XIII в. Материалы последующего времени встречаются у подножья крепости. К сожалению, определить границы средневекового города в настоящее время невозможно.

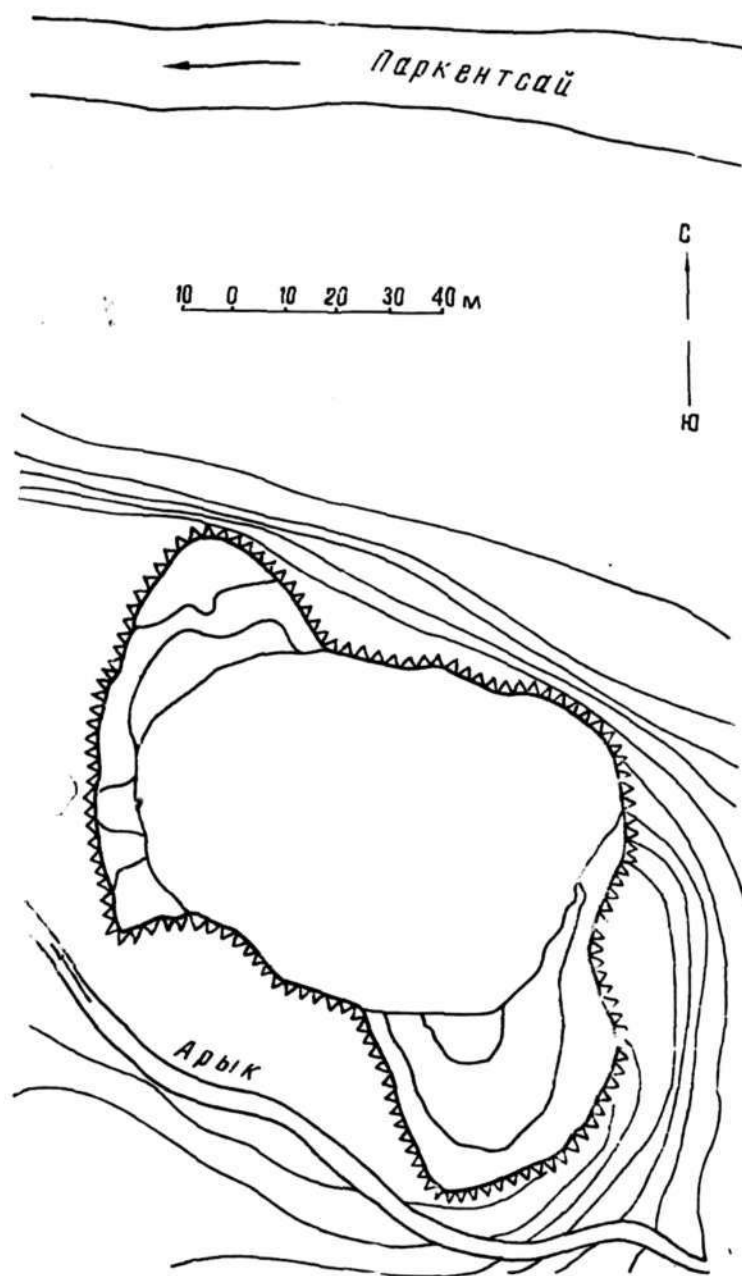

Рис. 37. Паркент. Ишкурган. План.

Кроме описанных трех городков, в данном районе располагались еще пункты городского типа. О наличии древней городской основы говорят названия современных селений, например, Шахарак, Хисарак и общее название района — Джеттикент. Многие селения имеют укрепленное ядро. Примером может служить укрепление в Хисараке (рис. 39), нижние слои которого дают керамический материал каунчинского типа.

Города эти выростали непосредственно на границе оседлых земель с кочевыми районами и являлись первыми пунктами обмена земледельческой и ремесленной продукции на скот и продукты животноводства. Отсюда проходили пути к Бинкету, долине Чирчика и долине Таласа.

Города эти выростали непосредственно на границе оседлых земель с кочевыми районами и являлись первыми пунктами обмена земледельческой и ремесленной продукции на скот и продукты животноводства. Отсюда проходили пути к Бинкету, долине Чирчика и долине Таласа.

Именно в этот район вел путь из Илака, впервые отмеченный Б. Н. Наследовым и М. Е. Массоном, проходивший мимо древнего се-

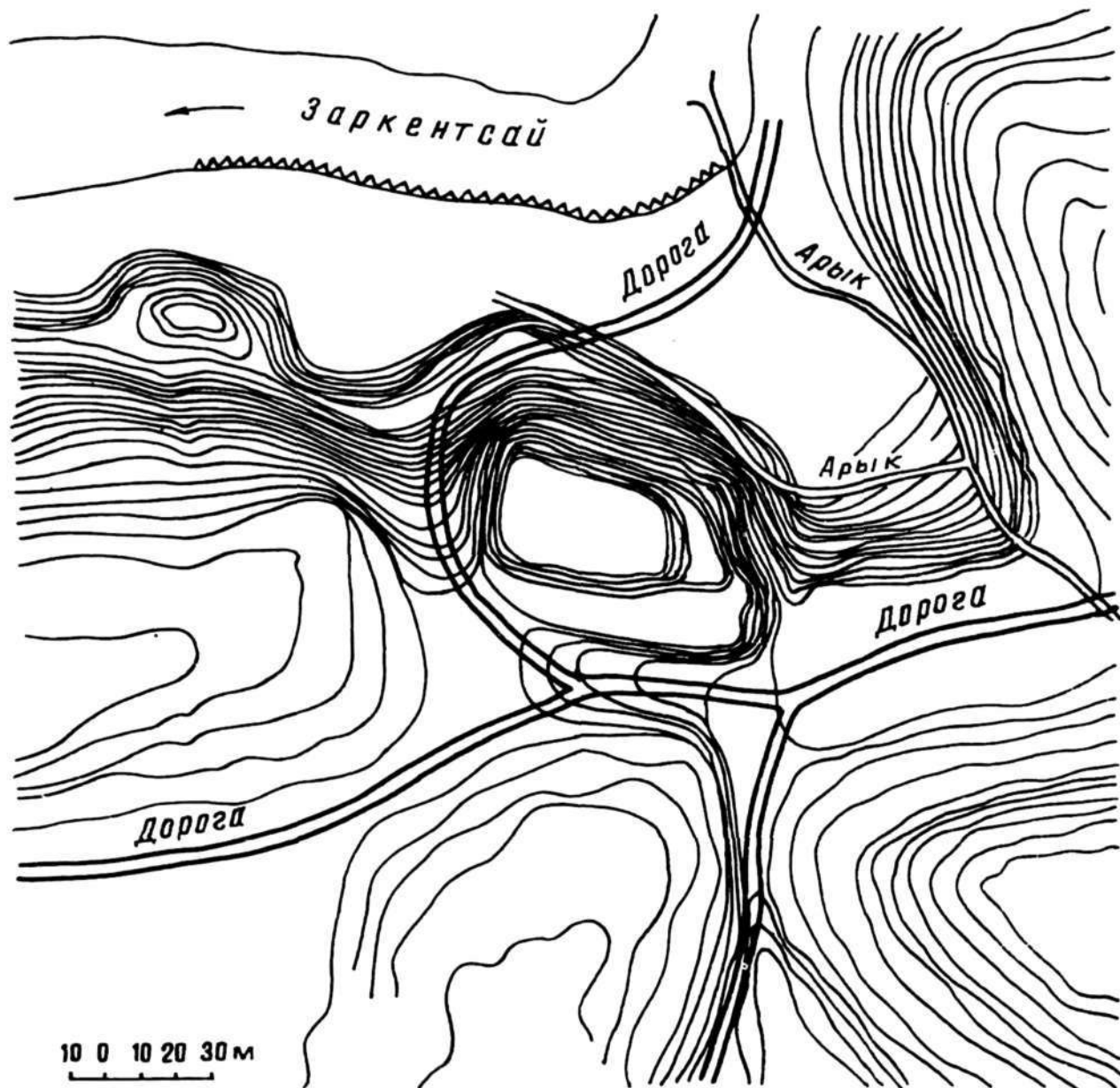

Рис. 38. Калаиболо в Заркенте. План.

ребряного рудника Кайнар и поселения рудокопов. Севернее Кайнара дорога идет между невысокими горками. На этом пути заслуживает внимания крупное поселение укрепленного плана — Турткультепе в Курусае. Это укрепление высотой до 12 м и площадью более 3 га с примыкающими к нему неукрепленными поселениями в виде небольших раз-

брошенных всхолмлений отдельных усадеб, прослеживаемых по скоплениям керамики. К северо-востоку от укрепления обнаружены остатки кладбища, на котором встречаются обломки керамики и жженого кирпича размером $32 \times 16 \times 4$ см, вероятно, от древней саганы.

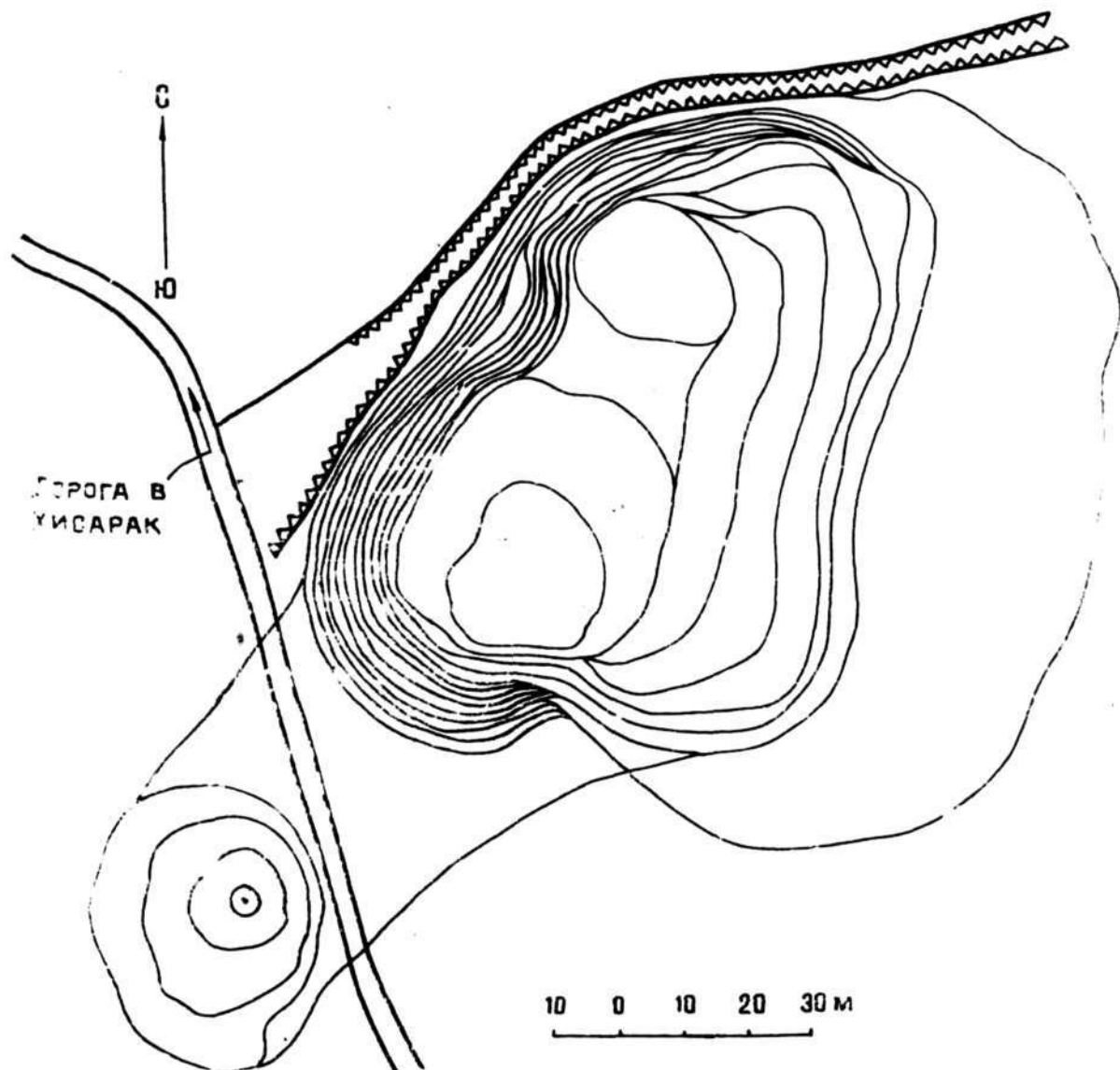

Рис. 39. Пилялтепе в Хисараке. План.

Подъемный материал представлен разновременной, почти целиком неглазурованной керамикой — это фрагменты лепной посуды — горшков, украшенных полосами черной краски внаплеск, и крупных корчаг, изготовленных на матерчатой подушке, со следами грубой ткани на днище. Встречены сосуды, формовавшиеся на гончарном круге — кувшины, котлы, хумы с высокой цилиндрической горловиной и венчиком, отогнутым наружу. Керамика датируется X—XII вв. К этому же комплексу

следует отнести некоторые лепные краслощенные сосуды и хумы, покрытые полосами черной краски внаплеск, но по форме аналогичные хумам X—XII вв. (рис. 40).

Караванный путь на описываемых участках, как и на южных отрезках, производит впечатление маршрута длительного и интенсивного пользования. Дорога хорошо разделана и плотно утоптана. На ее возведение и поддержание было затрачено немало средств и усилий, а на особо сложных участках даже сбиты скальные выступы²¹¹, что говорит о важной экономической роли данного пути в жизни оазиса.

В экономике данного района определенную роль играла добыча и обработка металлических и нерудных полезных ископаемых.

Наиболее крупные из рудников сохранились в верховьях Паркентская и Заркентская под общим названием «Кумышкан»—«серебряный рудник» и связываются местными жителями с добычей этого металла.

Сохранилось более 40 выработок в виде углублений и воронок. Некоторые из них преследовали рудные тела в длину до 600 м. Глубина их местами достигает 100 м. Основным объектом добычи являлись окисленные свинцовые руды.

Рис. 1). Турккультепе. Хум X—XII вв.

²¹¹ М. Е. М а с с о н. Ахангеран, стр. 62—63.

Местами встречаются разработки железа, красителей (киновари, охры). Выбирались наиболее обогащенные тела. Объемы выработок довольно значительны. Самый верхний пункт близ Сюреньаты, связан с разработками магнетитовых руд, содержавших до 45% железа. Линзовидная форма рудных тел обусловила преимущественную их разработку за- копушками.

В Паркентсае и Башкизылсае зафиксированы следы плавки руд. В шлаках содержится незначительное количество свинца и железа.

Не случайно ремесло в таких городках как Кабарна, городище в Намданаке связано в первую очередь с обработкой металла и керамики. с широким использованием красно-коричневой краски и бесцветной свинцовой глазури.

На севере путь выходил к долине Чирчика и вел по его левому берегу через Газалкент к Харджанкету и далее в горные районы Бисткама и Джидгиля; на юге — к столице Илака — Тункету.

ГОРОДА ИЛАКА

Вторая часть оазиса входила в Илак и охватывала южные районы Ташкентской области: долину реки Ахангаран от верховьев до устья, а в нижнем его течении — равнину вплоть до левобережья старого русла Чирчика. Важной составной частью Илака были его горные районы — склоны западных отрогов Чаткальского хребта и отроги Кураминского хребта с его окончанием — Карамазаром. Горы, богатые полезными ископаемыми, особенно золотом и серебром, сделали область известной всему средневековому Востоку.

Источники X в. насчитывают в Илаке от 14 до 17 городов. Однако топография их очень кратка даже по сравнению с городами Чача.

Путь Бинкет — Тункет

Среди караванных путей, соединявших города Чача и Илака наибольшей известностью пользовался путь, связывавший их столицы. Этот единственный описанный в дорожниках X в. маршрут исследовался В. В. Бартольд²¹² и М. Е. Массоном. Длина его 8—10 фарсахов. От Бинкета он проходил через Нуджкет, Балаян, Нукет, Панджхаш, Саккакет, Тункет. Из них только первый город, описанный нами выше, относился к Чачу. Остальные перечислены в составе городов Илака. В 1928—1929 гг. путь был детально прослежен М. Е. Массоном²¹³. Несмотря на относительно небольшую длину (около 70 км), путь преодолевался в два дня с остановкой в Нукете.

Первый город Илака — Балаян — отождествлен М. Е. Массоном

---

²¹² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 230—231.

²¹³ М. Е. Массон. Ахангаран, стр. 41—63.

с городищем Кулькаратепе на правом берегу канала Карасу, нами он не изучался.

В одном фарсах южнее Балаяна лежал второй по величине в X в. город Илака — Нукет, руины которого известны под названием Улькантойтубе на северо-западной окраине с. Тойтепа.

Нукет. Городище занимает значительную территорию. История изучения, детальное описание и отождествление памятника проведены М. Е. Массоном²¹⁴.

С 1958 г. обследование проводилось автором. Оно включало наблюдения и частично зачистки в шахристане, определение размеров рабада. В шахристане в 1959 и 1963 гг. было найдено два клада медных караханидских монет, насчитывавших первый — более 200, второй — более 500 экз.²¹⁵

Первый клад включает монеты XI—XII вв. Второй, поступивший в Музей истории народов Узбекистана АН УзССР лишь частично (поступило 128 целых монет и 8 фрагментов), включает интересные монеты конца XII в.

В 1965 г. на участке Б. М. Байбуленовой, почти в 1 км к югу от шахристана, при земляных работах был найден клад серебряных караханидских монет начала XI в., включающий 275 целых экземпляров и массу ломаных («дирхемы ши-касте»). Вместе с ними лежали обломки серебряных ювелирных изделий. Общий вес клада 748,35 г²¹⁶. Клад интересен как показатель использования в пору серебряного кризиса монет и серебряных изделий, ходивших по весу, в связи с чем в нем оказалась масса ломаных монет. Клад наряду с керамическими находками является также показателем южной границы рабада, протянувшегося на юг не менее, чем на 1 км.

В 1969 г. в Музей истории народов Узбекистана поступила группа сосудов из погребений к востоку от шахристана. Это лепные горшочки каунчинского типа. Интересен сосудик с носиком-раструбом. Стенки его украшены расписным орнаментом в виде заштрихованных и контурных треугольников. Краска черного цвета нанесена непосредственно на черепок.

---

²¹⁴ Ю. Ф. Буряков. Новые археологические данные о городище Улькантойтубе (Шахристан Нукета), Научные работы и сообщения ООИ АН УзССР, кн. 6, Ташкент, 1963, стр. 251—261; Он же. К исторической топографии средневекового Илака, СА, М., 1972, № 3, стр. 60—61.

²¹⁵ Первый клад полностью поступил в Музей истории народов Узбекистана, второй частично разошелся по рукам. Сведения о нем поступили от Б. Г. Зайцева. Часть клада доставлена в музей научным сотрудником К. А. Шахуриным. КП № 489 от 10 декабря 1965 г.

²¹⁶ Клад поступил в музей в 1968 г. через Б. М. Байбуленову и С. Мансурова. КП № 615 от 12 марта 1968 г.

Форма и орнамент сосуда аналогичны горшочку III—IV вв. из погребения № 3 городища Кендыктепе на Туябугузском водохранилище. На этой же территории найдены оссуарии овальной формы, широко распространенные в Ташкентском оазисе в VI—VII вв.

Городище, особенно его рабады, сильно разрушено при строительных работах и планировке полей, но сохранившиеся части позволяют сделать некоторые выводы о его территории и хронологии.

Шахристан Нукета имел подпрямоугольную форму, слегка вытянутую с запада на восток, общая площадь его около 20 га. Сохранились следы окружавших его оборонительных валов. В северном фасе расположена прямоугольная цитадель площадью около 1 га, три стены которой выступают из шахристана, возвышаясь от подножья на высоту до 20 м. Четвертая, южная включается в общий фас оборонительных сооружений шахристана. С четырех сторон шахристана отмечаются следы ворот. Въезд в цитадель проходил вдоль его западного фаса. Границы рабады определить трудно, однако они обширны. На запад следы границы прослеживаются до 400 м, на юге в 1968 г. они были прослежены на 1000 м. Территория к востоку сильно нарушена, однако и здесь на обширной площади были обнаружены остатки отдельных строений, возводившихся с применением жженого кирпича, отвалы керамического производства преимущественно XI—XII вв. Однако на холме Байтемиштепе к юго-востоку от шахристана встречены фрагменты керамики IX—XII вв. Следует отметить что в восточной рабаде зафиксированы следы погребений с материалами первой половины — середины I тысячелетия н. э.

Таким образом, если даже считать, что к северу от шахристана рабады отсутствуют, общая площадь Нукета с пригородами в момент наивысшего расцвета составляла не менее 150 га.

Специальные археологические раскопки на городище не проводились. Стратиграфический материал получен из строительных котлованов в шахристане. Они дали разрез глубиной 9 м (до материка не доведен), включавший архитектурно-строительные остатки двух крупных периодов. Нижний (мощностью 3 м) содержал материал VIII—X вв., верхний, толщиной 6 м, включал материал конца X—начала XIII вв. В 1968 г. в юго-восточной рабаде зафиксированы мастерские X—XI вв., специализировавшиеся на обжиге кирпича размером 32×16×3—4 см, неглазурованных крышек сосудов со штампованным и процарапанным орнаментом и керамических игрушек — всадников на лошадях. Лошади вылеплены от руки, моделированы реалистично с выделением гривы и тонкого крупа. Налепами показано убранство коня и седло с высокой лукой, характерной для седел Чача. Всадник изображался схематично.

Таким образом, наиболее древний материал с территории Нукета относится к III—V вв. и связывается с комплексом материалов поздне-

каунчинского типа, характерного для ранних слоев городищ Кендыктепе, Канка и комплекса подбойно-жатакомбных погребений бассейна Чирчик-Ахангаранского междуречья. Не исключено, что уже в это время здесь складывается территория городского типа. Косвенными данными, указывающими на античную основу Нукета, являются правильная прямоугольная форма укреплений шахристана и мощный характер наслоений, характерный лишь для городов Чач-Илака, складывавшихся с первых веков до н. э. (Шахрухия, Канка, Кавардан, Кендыктепе).

Следует отметить, что до 150 погребальных курганов различных размеров зафиксированы М. Е. Массоном к востоку от описанной территории рабада²¹⁷.

Более разнообразен материал VI—VIII вв. В шахристане он представлен глазурованной керамикой — кувшинами, горшочками котлами и кружечками, изготовленными на гончарном круге медленного вращения. В восточном рабаде, как отмечалось выше, найдены оссуарии овальной формы. Аналогичные оссуарии встречались ранее вдоль Ислахатарыка к востоку от рабада²¹⁸. Уникальна находка каменной стеллы и ажурной бронзовой пластинки с изображением танцовщицы в легких ниспадающих одеждах, связываемая с доарабскими культами Чача²¹⁹.

Последующий период представлен более обширно. И в шахристане, и в южном, и в западном рабаде встречены керамические и стеклянные сосуды и металлические изделия X в. Это не случайно. Стоявший в центре оазиса на экономически важном для обеих областей пути, Нукет превратился в крупный торгово-ремесленный центр Илака. Здесь останавливались все транзитные караваны, идущие по двухдневному пути Бинкет — Тункет в Фергану и Усрушану. Не случайно Нукет этого времени описывается как второй по величине (после столицы) городской центр Илака.

Но наибольшего расцвета городская жизнь Нукета достигла в XI—XII вв. В шахристане к этому времени относятся наслоения мощностью до 6 м. Крупные клады медной монеты местного обращения, керамические изделия и жженный кирпич караханидского стандарта встречаются на всей территории города. Помимо широко распространенной глазурованной посуды, особенно характерных для Чач-Илака сосудов с темно-зеленой, бледно-зеленой и лимонно-желтой поливой, интересны находки люстровой посуды и сероглиняных сосудов с изящным штам-

---

²¹⁷ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 54.

²¹⁸ Там же, стр. 29, 54.

²¹⁹ Там же, стр. 52—53.

пованным орнаментом в калыбах²²⁰, аналогичные образцам парадной керамики Мерва²²¹, бронзовым сосудам с чеканным орнаментом.

Изучение Тункета показало, что территория его с рабадами едва превышала 180 га, а густая территория городской застройки была значительно меньше²²². Значит и Нукет не мог превышать указанные размеры. Следовательно, разрастание города почти вдвое за счет рабадов следует отнести к последующим столетиям, совпадающим с постепенным захирением Тункета и фактическим превращением Нукета в центральный город области. Этот факт зафиксирован в XII в. ал-Идриси, сообщавшим, что Нукет — столица Илака и является людным городом с предместьями, окруженными крепкой стеной, прерываемой многочисленными воротами, с процветающими базарами, значительными каналами, орошающими улицы и поля²²³. Археологическим подтверждением этого сообщения являются обширные рабеды XI—XII вв., обилие местной монеты, парадной керамической и металлической посуды и мощные культурные наслоения шахристана²²⁴.

Процесс этот закономерен. Располагающийся в предгорной полосе, Тункет был обязан своим возвышением увеличению добычи благородных металлов в горах Илака, а с началом сокращения добычи он начинает терять свое значение.

Прекращение жизни в Нукете может быть связано с монгольским нашествием и занятием монголами под кочевья плодородной долины Ахангарана. М. Е. Массон отмечает, что, по его наблюдениям, между восстановлением жизни селения и гибелью города лежит промежуток в несколько столетий²²⁵. Косвенным свидетельством перерыва может служить и отсутствие в преемственности названий пункта.

Из Нукета путь вел на юго-восток, где среди многочисленных курганных всхолмлений, включающих местами до сотни могил, встречаются руины усадеб, укрепленных поселений и городищ, среди которых М. Е. Массоном отмечены городища Джумишказытепе, отождествленное с Панджхашем, и Увайттепе, отождествленное с Шавкетом-Саккакетом. Далее путь переходил на левый берег Ахангарана к Тункету.

---

²²⁰ Ю. Ф. Буряков. Новые археологические данные о городище Улькантой-тюбе, стр. 255—259.

²²¹ Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухамед Али Иноятон из Мерва (к характеристике штампованной керамики Мерва XII—XIII вв.), СА, М., 1958, № 2, стр. 80.

²²² Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы к истории Тункета и Абрлыга, стр. 76—123.

²²³ *Geographie d' Edrisi de l'orabe en francais* par P. Amedee Janbert, t. II, Paris, 1840, p. 207, цит. по кн.: М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 75.

²²⁴ Там же, стр. 52.

²²⁵ Там же.

Тункет. По данным географов X столетия, Тункет располагался на берегу реки Илака. Истахри сообщает, что по величине город равнялся половине Бинкета. В нем есть кухендиз и рабад, в кухендизе — дворец эмира, а внутри рабада — базары. В шахристане и рабаде имеются проточные воды²²⁶. Ибн Хаукаль дополняет Истахри сведениями о стене, проходящей вокруг города «вдоль Илакской реки», и некоторыми деталями — базарами внутри шахристана, соборной мечетью и тюрьмой близ цитадели²²⁷.

Руины его, известные под названием Имлак, сохранились на левом берегу Ахангарана в 15 км северо-восточнее г. Алмалыка. Предположение о размещении здесь столицы Илака было высказано в 1926 г. С. Ф. Машковцевым²²⁸. Детальное обследование его съемкой плана, датировкой и полным научным обоснованием отождествления было сделано в 1929—1934 гг. М. Е. Массоном²²⁹ (рис. 41).

Раскопки на городище были проведены в 1959—1962 гг. автором. Основные материалы памятника введены в научную литературу²³⁰. Самые ранние материалы относятся к концу первой половины I тысячелетия н. э. совпадая с этапом расцвета таких городов, как Харашкет. Синхронные слои имеют и другие города вдоль южного пути в Чач. Однако оборонительные стены этого времени в Тункете не зафиксированы, поэтому не исключено, что оно функционировало еще как неукрепленное поселение. Расположение его в центре долины и на путях к рудникам способствовало быстрому росту города и превращению его в столицу самостоятельного раннефеодального владения, вошедшего через определенный период времени в состав Чача на правах подобласти.

Уже в раннефеодальный период город был обнесен крепостной стеной с выделением внутри крепостного ядра — цитадели с монументальным сооружением в центре, вероятно, замка диккана, на руинах которого впоследствии располагался упоминавшийся источник дворца правителя. К VII—VIII вв. относится быстрый рост городской жизни Тункета — зафиксированы слои с керамикой этого времени, ремесленно-металлургические мастерские. Исследование рудников Южного Чаткала показало, что в VII—начале VIII вв. здесь функционировали наиболее крупные рудники по добыче золота и серебра — Лашкерек (Кухисим), Кызылалма, Кочбулак и др.

Все это позволяет понять высказывания географов X в. о том, что

---

²²⁶ Истахри, ВГА, I, р. 267.

²²⁷ Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 24.

²²⁸ С. Ф. Машковцев. Загадочный рудник Кухисим, «Геологический вестник», т. V, Л., 1926, № 1—3, стр. 67.

²²⁹ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 70—93.

²³⁰ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 76—123.

в Илаке раньше сидел «сильный дихкан». Отголоски самостоятельности наблюдаются хотя бы в том, что, несмотря на вхождение в состав Чача, Илак фигурирует во всех источниках как самостоятельная единица со своей столицей, городами. Однако подчеркивается, что экономически и географически область едина.

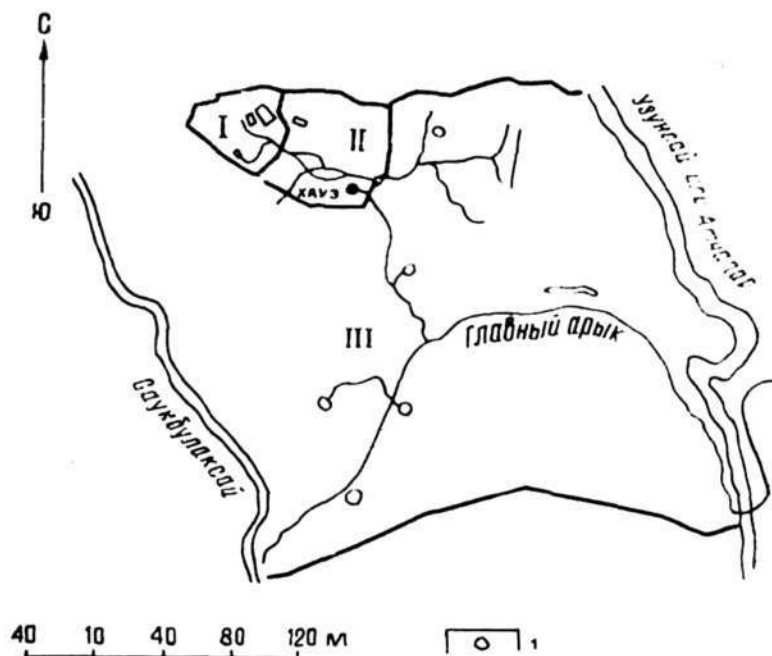

Рис. 41. Тункет. План: I—кухендиз; II—шахристан
III—рабад.

Условные обозначения: 1—хаузы.

Период борьбы с арабским завоеванием протекал здесь, вероятно, длительно. Он отмечен слоями некоторых запустений и последующего ремонта стен.

В IX—X вв. вновь наступает расцвет города. В рабаде выросли мастерские металлургов, накопившие огромные отвалы шлаков. Анализ шлаков показал, что плавилась и обрабатывались металлические руды ряда месторождений района, содержавшие золото, серебро, свинцовые, медные и железные руды. В Тункете функционировал один из крупнейших в Мавераннахре монетных дворов. Значительное развитие получили керамическое ремесло и стеклодувное производство. Но даже в период расцвета Тункет был вдвое меньше столицы Чача — Бинкета и приближавшегося к нему по размерам Харашкета, которые являлись наиболее крупными городами оазиса. Следует отметить, что территория города, обведенная стеной рабада с юга, составляла более 180 га и почти равна Харашкету. Однако значительная часть ее, судя по микро-рельефу, освоена очень слабо и не может относиться к рабаду.

Наиболее густо была занята ремесленными мастерскими и густой застройкой площадь вместе с цитаделью и шахристаном, составлявшая не более 60 га, вдоль реки Илака и устьев саев, ограничивавших город. Значительные площади на юге, ограниченные стеной, были обжиты очень слабо и, вероятно, в основном осваивались под пашни и сады. В этом плане Тункет, как и некоторые другие города Илака, занимал промежуточное положение между густообжитыми оазисами Согда, Чача и городами Чуйской долины с обнесенными стеной обширными территориями участков обрабатываемых земель²³¹.

П. Н. Кожемяко, изучавший эти города, совершенно справедливо считает, что называть эти площади рабадом мы не имеем оснований²³². В Тункете часть этой территории занята густой застройкой с интенсивно развитым металлургическим, стеклодувным и керамическим производством, значительная же часть попадает под определение П. Н. Кожемяко. Поэтому площадь рабада можно определить условно в пределах 30—50 га по наиболее плотной застройке.

В отличие от многих городов области, слои Тункета последующего периода незначительны. Нумизматические материалы также ограничиваются в основном первой половиной XI в., что свидетельствует об упадке Тункета. Этот факт совпадает с уменьшением добычи на ряде крупных рудников области и может быть свидетельством сокращения горнорудного и металлургического ремесла. Лежавший несколько в стороне от основных караванных путей, Тункет в этот период начинает хиреть, уступая место столицы другому крупному и более древнему пункту — Нукету, стоявшему в центре области на скрещении торговых путей Чач-Илака и на пути в Фергану.

Города к востоку от Тункета. Пути к серебряному руднику Чача

В предгорьях и долине р. Ахангаран вырос ряд крупных селений и городков, связанных с горнодобывающими ремеслами, гончарством и стеклоделием, чему способствовали богатые сырьевые ресурсы. М. Е. Массон отмечал, что к востоку от Тункета следует искать города с тюркскими названиями — Абрлыг и Намудлыг. Исследование пути к «серебряному руднику Шаша» позволило нам локализовать еще один город — Кухисим. Прохождение здесь караванного пути из столицы Илака к государственному серебряному руднику и далее через горы к озеру Аксукан и торговому маршруту между городами северной Ферганы объясняет наличие ряда укрепленных поселений, идущих цепочкой

---

²³¹ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, Фрунзе, 1959.

²³² Там же, стр. 174—177.

в предгорной полосе вдоль берега Ахангарана. Поэтому, чтобы проследить путь от Тункета в восточные города Илака, нам нужно рассмотреть некоторые укрепления вдоль него.

Первое из них располагается в 3 км к востоку от Тункета близ с. Теляу и носит название Теляутепе. Поселение выросло на естественных всхолмлениях и состоит из возвышенной части высотой до 15 м и прилегающей обжитой в древности слабо холмистой площади, оконтуриваемой по подъемному материалу на площади примерно 350 × 400 м.

Микрорельеф изменен перепланировкой территории под поля и проведением каналов. Возвышенная часть памятника округлыми очертаниями напоминает естественный холм, однако в разрезе видны культурные слои на глубину 8 м.

Нижний слой представлен большими наслоениями зеленоватого цвета с включениями золы, большого количества костей домашних животных, преимущественно овец и коз. Керамика этого слоя целиком состоит из лепных сосудов. Глина с дресвой, черепок плотный, обжиг хороший. Характерны груболепные широкогорлые горшки с чуть отгнутой закраиной, банкообразным туловом и вертикальной ручкой по плечу. Котлы отличаются от них более широким устьем. Некоторые горшки с двух сторон покрыты красным ангобом. Интересна красноангобированная рифленая ручка, вероятно, корчаги. К этому же слою относится фрагмент зернотерки с курантом.

Несколько выше встречены фрагменты кувшинов, изготовленных на ручном гончарном круге, стенки хума, покрытого черно-коричневыми полосами. Им также сопутствовали обломки горшков, краснолощенные снаружи.

Если горшки этой группы характерны для каунчинской культуры в ее позднем варианте, то сосуды, орнаментированные полосами, и кувшины, изготовленные на станке, находят аналогии в сосудах V—VIII вв. Не противоречит этому и красный ангоб с лощением. В целом, нижний слой на основе подъемного материала можно датировать VI—VIII вв.

Расцвет жизни поселения падает на последующий период, особенно на X в. В верхних слоях холма и на окружающей площади встречаются фрагменты сосудов этого времени, целиком изготовленные на гончарном круге. Это хумы с рифленным, утолщенным венчиком, прямопоставленной горловиной и яйцевидным туловом, иногда орнаментированным полосами красно-коричневой краски, тарелкообразные сосуды типа тагора, красноангобированные внутри, широкогорлые кувшины, и глубокие миски. Последние иногда покрывались красной краской.

Из глазурованных сосудов встречены обломки чаш на плоском поддоне, украшенные полосами, завитками, гравировкой красно-коричневого и черно-коричневого цвета по белому фону под бесцветной глазурью.

Иногда встречаются сосуды желто-зеленоватой поливы с коричневой краской.

Единична находка фрагмента, покрытого голубой стекловидной поливой. Сосуды первого типа характерны для X—XI вв., а последний более характерен для XII в.

На основании подъемного материала можно датировать жизнь поселения с начала поры феодализма до монгольского нашествия. Судя по размерам городища, это было одно из крупных селений средневекового Илака, располагавшееся в благодатной долине, неподалеку от столицы области. Наличие небольших всхолмлений — строений, располагавшихся на различном расстоянии друг от друга, дает общее представление о сельских усадьбах, окружавшихся полями и садами, что давало основание древним авторам говорить о Чач-Илаке как цветущей области, равной которой нет в Мавераннахре.

Мазартепе. Южнее, ближе к предгорьям, на правом берегу Шаугазая зафиксировано еще одно поселение — Мазартепе с красноощенной керамикой ручной лепки. На полях к востоку от тепе встречается керамика вплоть до XVII в.

В 1961 г. близ Мазартепе был найден клад серебряных шейбанидских монет. Осмотр места находки показал, что восточнее Мазартепе располагалось поселение XVI в.²³³ Клад включал более 200 экз. монет, самые поздние из которых включают чекан Пир Мухаммеда — последнего Шейбанида, правившего всего полгода в 1556—1557 гг.

Бештепе. На правом берегу Кендырсая, в его нижнем течении, на второй террасе Ахангарана зафиксировано укрепленное поселение Бештепе.

Памятник состоит из всхолмления замкового типа и примыкающего к нему с юга подквадратного двора, обведенного оборонительной стеной, и производит впечатление отдельно стоящей усадьбы или рабата — караван-сарая. Подъемный материал представлен невыразительной керамикой. Но весной 1973 г. к востоку от укрепления, в борту окружающего его рва жителем М. Турсункуловым был найден клад серебряных монет, включающий 43 целых экземпляра и 247 обломков. Монеты лежали в неглазуrowанном горшочке. Это дирхемы «ши-касте» конца X—начала XI вв. Серебро довольно высокопробное²³⁴. Вместе с ними была найдена и медная монета XI в. Памятник стоял на караванном пути, поэтому находка клада в нем не случайна.

Мунчактепе. Восточнее Абаджазая, на берегу Ахангарана зафиксирован памятник Мунчактепе или Суйрытепе. Он представлен остатками

---

²³³ Клад собран научным сотрудником С. Х. Ишанхановым и автором и хранится в Музее истории народов Узбекистана.

²³⁴ Клад через Алмалыкскую ГРЭ поступил в Министерство геологии УзССР.

поселения или замка, выросшего на высоком лессовом останце над старой поймой Ахангарана. Мощность культурного слоя определить не удалось. На поверхности встречены фрагменты керамики: а) обломок лепного краснощеного горшочка и стенки сосудов, изготовленных на гончарном круге медленного вращения, покрытые полосами красной краски или черного и красного лощения; группа характерна для сосудов середины I тысячелетия — VIII вв. н. э.; б) фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге быстрого вращения, в том числе чаша, покрытая темно-зеленой глазурью с подглазурным процарапанным орнаментом; группа характерна для XI—XII вв.

Поселение (или замок) возникло в пору раннего феодализма и вновь обжито, возможно, после некоторого перерыва, при Караханидах.

Кухисим. От Мунчактепе путь подводил к устью Нишбашая, на правом берегу которого высятся мощные руины крепости, получившей у местных жителей название Кургантепе (рис. 42).

По сообщениям старожилов, здесь часто встречалась вымывавшаяся водой керамика, монеты²³⁵. В связи с частичным разрушением городища комбинатом Узбекиголь раскопки в западной части городища проводились Д. П. Вархотовой и В. А. Нильсеном, выделившими три периода его обживания от первых веков н. э. до XII в.²³⁶ В 1962 и 1963 гг. на городище были найдены два клада медных и серебряных монет X—XI вв.²³⁷ В 1933 г. краеведы г. Ангрена из обрезов цитадели извлекли кремневые палеолитические орудия²³⁸. В том же году, в связи с находкой крупной терракотовой детали (стопа ноги в мягкой обуви, принадлежащая скульптуре, полный рост которой должен составлять не менее 1 м) памятник был осмотрен автором.

На территории цитадели была собрана коллекция кремневых орудий, включавшая два нуклеуса, отщепы и несколько пластинок, а также характерная керамика X в.—фрагменты чаш с бесцветной поливой по белому ангобу, с полихромной и монохромной подглазурной росписью, обломки стеклянных сосудов, ручки котлов, аналогичные кот-

---

²³⁵ Вероятно, к Кургантепе, а не к малоизвестным даже местным жителям руинам Абрлыга относились сообщения населения М. Е. Массону о наличии на берегу Ахангарана у Абрлыга интересного в археологическом отношении Тепакурмана. См.: М. Е. М а с с о н. Ахангеран, стр. 40.

²³⁶ В. А. Ш и ш к и н. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 14.

²³⁷ Несколько монет первого клада поступило в Музей истории народов Узбекистана. Основная часть клада по нашему поручению была собрана Ангренским городским краеведческим музеем. Большая часть второго клада разошлась по рукам. Незначительное количество монет поступило в Ангренский городской краеведческий музей. Оба клада найдены экскаваторщиком А. А. Фечь.

²³⁸ Орудия были найдены краеведами школы № 18 г. Ангрена под руководством преподавателя О. М. Ростовцева.

лам верхнего слоя Тункета. В 100 м ниже цитадели по руслу сая найдена нижняя часть крупного жернова из красного порфирита. Жернов квадратный, до 90 см в стороне и толщиной 14 см, был закреплен неподвижно. Судя по оставшимся следам, сверху по нему ходил диск

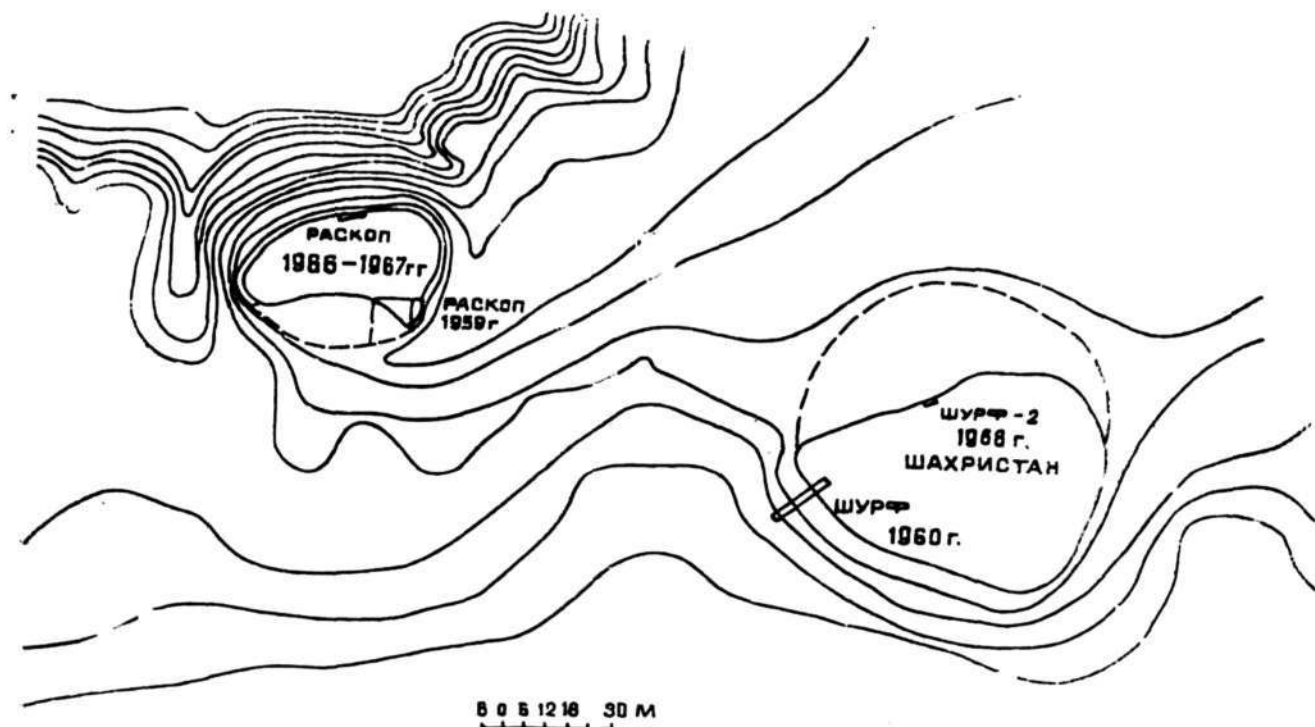

Рис. 42. Городище Кургантепе. План.

диаметром 72 см. Жернов крупнозернистый и, вероятно, служил для размола руды с использованием силы воды сая. От сая к жернову отходил специальный отвод, следы которого сохранились в каменистой почве берега.

В Ангренинский городской краеведческий музей поступил лепной кувшин, найденный, по сообщению начальника отвалного хозяйства комбината Узбекуголь В. П. Пospelова, на глубине 8 м вместе с костями человека, и бусина сине-голубого стекла, аналогичная бусине из Пскентского науса середины I тысячелетия н. э.²³⁹ По сообщению экскаваторщика А. А. Фечь, при работах извлечены терракотовые кирпичи, в том числе и голубой глазури, утерянные ко времени нашего приезда.

Была проведена съемка основной территории городища, площадь которого определяется не менее 15 га при неполном учете нечетко выделяющейся из-за сильно пересеченного рельефа территории пригорода.

²³⁹ Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы, СА, М., 1968, № 3, стр. 132.

В связи с определением памятника как средневекового городка Кухисима, лежащего в «устье серебряной реки» у подножья серебряной горы²⁴⁰, в 1966—1967 гг. на городище были проведены небольшие стратиграфические раскопки²⁴¹.

Памятник располагается в устье Нишбашая на группе расчлененных лессовых всхолмлений, круто поднимающихся к отрогам Кураминского хребта. Место для крепости выбрано очень удачно. Ахангаран, прижимаясь к хребту, делает здесь небольшую излучину, открывая для обзора не только нижние участки долины, но и обширную равнину правобережья. Пункт занимает ключевые позиции на горном караванном пути, ведущем из столицы Илака к серебряному руднику и далее в Фергану. В северной части городища, выдающейся мысом между саем и Ахангараном, располагается цитадель, поднимающаяся над окружающей площадью долины до 50 м. Это прекрасный обзорный и фортификационный объект. Цитадель накопила культурные наслоения от 4 до 10 м.

Ближе к горам поднимается шахристан подчетыреугольной формы, отделенный от цитадели глубоким перешейком. Вокруг него с трех сторон, преимущественно с северо-востока, выделяются холмы небольшого рабада. В северной части шахристана был заложен небольшой шурф, опущенный до материка на глубину 1,5 м. В нем вскрыты два архитектурно-строительных горизонта. Первый до глубины 0,7 м заполнен завалом глинобитных стен. В завале найдены обломки глазурованной посуды, чаша с голубой и бледно-зеленой поливой с подглазурным процарапанным орнаментом и верхняя часть неполивного кувшина с широкими плечиками. Снаружи сосуд покрыт красной краской. Глазурованная керамика позволяет отнести слой к XI—XII вв.

Под описанным горизонтом до глубины 1,25 м идет второй слой, от уровня пола которого вниз на 0,7 м уходит хозяйственная яма диаметром 1 м. На полу найдены каменная терка и две гальки, лощила и терочки, куски красной охры. Здесь же расчищена печь, почти целиком сломанная и зольник вдоль нее. В слое найдена керамика с бесцветной глазурью по белому фону, краснолощенная лепная посуда. Керамика характерна для IX—X вв. Подъемный материал с территории шахристана также целиком относится к IX—XII вв.

В восточной части шахристана расчищен бадраб, опускающийся из верхнего слоя. В нем найдены обломки чаш с черно-коричневой рос-

---

²⁴⁰ Ю. Ф. Буряков. О местонахождении «Серебряного рудника Шаша», ОНУ. Ташкент, 1965, № 12, стр. 30.

²⁴¹ В работах принимали участие научный сотрудник Института истории и археологии АН УзССР Г. Дадабаев и научный сотрудник Ангренского городского краеведческого музея О. М. Ростовцев. Предварительные выводы см.: Ю. Ф. Буряков. К исторической топографии средневекового Илака, СА, М., 1972, № 2, стр. 53—54.

писью под желтой глазурью и зеленых глазурованных сосудов открытой и закрытой формы. Это керамика Чач-Илака. Отсюда же извлечены зернотерка и курант. Вообще для городища характерно использование терок вместе с жерновами на всех этапах его жизни вплоть до XII в.

В южной части шахристана шурф размером 3×2 м опущен на глубину 2,5 м. Однако культурный слой здесь опускается до уровня полов на

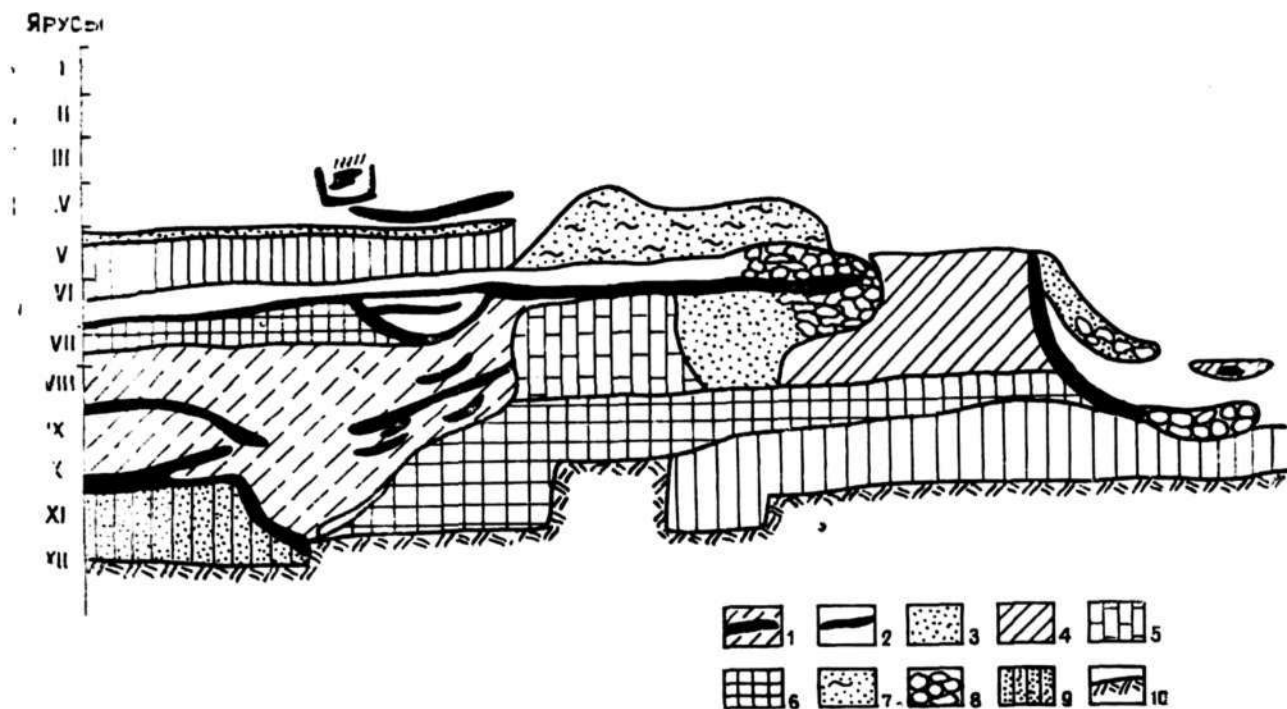

Рис. 43. Городище Кургантепе. Раскоп в цитадели. Разрез.

Условные обозначения: 1—очаги, зольники, печи; 2—уровень пола; 3—рыхлый лессовый слой; 4—пахсовая стена; 5—стена из кирпича-сырца; 6—пахсовая забутовка; 7—бадрийные зеленые слои; 8—завал бугельника; 9—слон средней плотности; 10—уровень материкового лесса.

0,8 м. Ниже расчищены две ямы диаметром 1,4 м, опускающиеся от уровня полов на глубину 1,2 и 1,3 м. Ямы заполнены рыхлым серым слоем остатков органических отложений и небольшим количеством неглазурованной керамики. Это двуручные кувшины с краслощенными стенками, обломки лепной посуды. Но керамика на полу, с которого опущены ямы, датируется X—XI вв.

Основной стратиграфический раскоп площадью 42 м² был заложен в северной части цитадели (рис. 43), где из обрывов мы извлекли несколько кремневых орудий. До материка (на глубине 5,5—6 м) он доведен небольшим шурфом. Вскрыты остатки сооружений нескольких архитектурно-строительных этапов, попадающие в раскоп частично в связи с тем, что раскопки наши преследовали преимущественно стратиграфические цели. В верхнем слое вскрыты остатки жилых и хозяйственных помещений с глинобитными стенами, сохранившие от уровней

полов неглубокие хозяйственные ямы глубиной 0,8 м и диаметром до 1—1,2 м. На небольшой площади раскопа вскрыто 6 таких ям, заполненных рыхлыми серовато-зелеными слоями. Вероятно, ямы служили для хранения зерна и других продуктов.

В помещениях найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов и лошадей. Кости крупных животных составляют 60% остео-

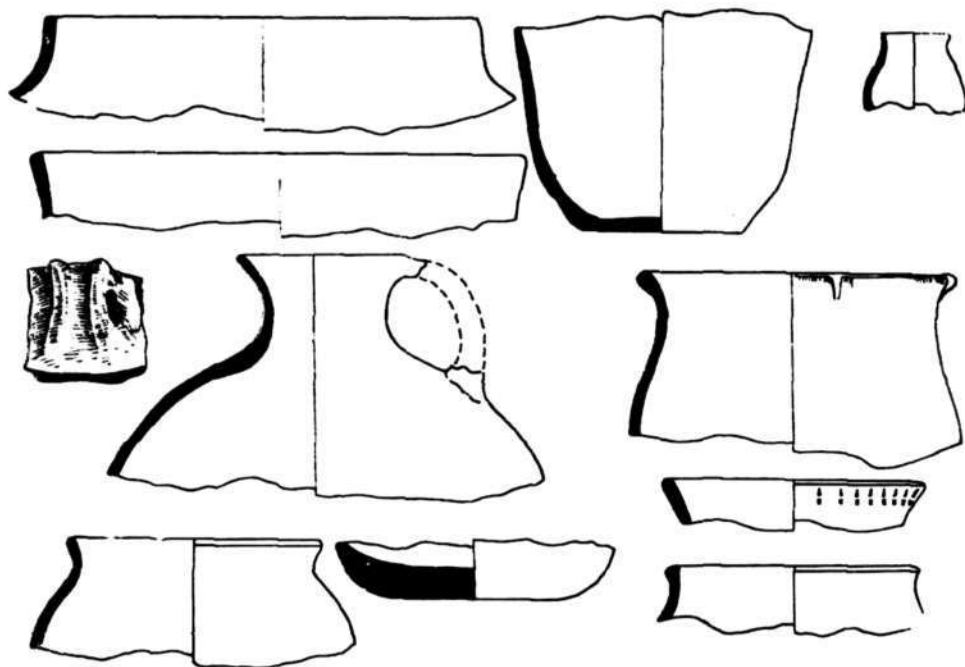

Рис. 44. Городище Кургантепе. Керамика III—IV ярусов.

логического материала. Остальные находки представлены керамикой (рис. 44). Керамика почти целиком неполированная, причем от 75 до 90% лепная. Это корчаги, горшки, тагора. Крупные сосуды сформованы на зерновой подушке ленточным способом, у некоторых внутри видны следы матерчатого шаблона, затертые после формовки. Хумы и крупные кувшины покрывались снаружи полосами и потеками черной краски. Котлы округло-уплощенной формы, ручка с обоймой или в виде фестончатого рудимента. Найдены плоские крышки с красным лощением. Интересно отметить фрагменты сосуда типа реторты для обжига ртути.

В целом комплекс очень беден. Лишь ограниченное количество форм изготовлялось на гончарном круге: кувшины с тонкой цилиндрической горловиной и пластинчатой в сечении вертикальной ручкой. Сосуды снаружи покрыты красной краской с лощением. Лишь несколько фрагментов чаш — с бесцветной поливой по белому фону. Последние группы керамики датируют комплекс X—XI вв.

В III—IV ярусах расчищены остатки жилого и производственно-ремесленного комплекса с разнообразными находками. Стены так же, как и в верхнем слое, глинобитные. Раскрыты две комнаты и остатки металлургической печи под стеной комнаты в восточных квадратах раскопа. Печь плохой сохранности, форма цилиндрическая, диаметр 0,7 м, под плоский, стенки сильно ошлакованы. К востоку от печи найдены две каменные терки, обломки руды и металлические шлаки.

За стеной, в соседнем помещении расчищен интересный очаг подчетырехугольной формы с уширением по трем углам. В одном—топочное отверстие, в другом—отверстие для мехов. Противоположная стенка сильно обожжена. Площадка близ очага выложена булыжником и обмазана глиной. На площадке лежали легкоплавкие шлаки. В хозяйственной яме рядом с площадкой найдены легкоплавкие шлаки, жернов и терка. Всего на полах комплекса найдено 11 терок и 4 жернова. Интересны керамические изделия производственного назначения: донные части двух сосудов с утолщенными плоскими доньями и коническими стенками, сосуды типа ступ или крупных тиглей, высокая стенка сосуда типа реторты банкообразной тянутой формы. Фрагмент такого же сосуда, обмазанный снаружи глиной, найден в западной части раскопа (квадрат IX). Диаметр его устья достигал 13—16 см, донца — 9 см, высота различна, но не менее 30—35 см.

Обломки ретортообразных глиняных сосудов встречались и на древних киноварных рудниках Киргизии²⁴², и в ремесленных мастерских, связанных с обработкой металлов, в Тункете и Абрлыге²⁴³. Вместе с описанными приспособлениями в комнатах найдены хумы, а в комнате с очагом — корчага, лепенная от руки на соломенной подставке (или на круге из тезяка с включением соломы), с отверстием диаметром 1 см в нижней части стенки, около дна.

Кроме производственных предметов, в помещениях III—IV вв. найдены бытовые предметы, в первую очередь керамика. Это и лепные котлы, и хумы яйцевидной формы с вертикальной и отогнутой наружу горловиной, стенки горшков, украшенные черной краской в виде полосы, одноручные горшки, сформованные от руки

Вместе с ними найдены сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения, обильно украшенные concentрическим и волнистым орнаментом, а также фрагменты белофонной посуды с растекающимся голубым и зеленоватым орнаментом. Хотя в этом же слое найдена согдийская медная монета с квадратным отверстием, слой по керамическому материалу следует относить в целом к концу VIII—IX вв.

²⁴² В. П. Сургай. К истории горного промысла в Киргизии, Фрунзе, 1951, стр. 11, рис. 3а.

²⁴³ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 133—134.

Находки позволяют связать производственные помещения с извлечением и обработкой металлов. Реторты, по В. П. Сургаю, использовались для перегонки ртути²⁴⁴. Нами высказывалось предположение об участии их в окончательном извлечении золота из ртутно-золотой смеси методом амальгамации²⁴⁵. В данном случае мы, вероятно, вновь встречаемся с производством по обогащению и окончательному извлечению металла, возможно, золота.

Для этой цели могли использоваться жернова, приводившиеся в движение силой воды. Источники сохранили этот способ обработки руды. Беруни сообщает: «Иногда золото соединено с камнем, как будто сплавлено с ним, и тогда оно нуждается в размоле и его размалывают на мельничных жерновах»²⁴⁶. Для промывки частиц после дробления также можно было применять силу воды с отводом специального русла. Окончательная обработка и плавка производились в помещениях, а печь квадратного типа использовалась для очистки золота от ртути в сосудах типа реторт. Беруни кратко сообщает, что золото собирают посредством ртути, а затем отжимают его через кожу, «оставшаяся же ртуть... удаляется выпариванием на огне»²⁴⁷.

Полы производственных помещений устроены на платформе-забутовке из пахсы и булыжника, в которую попали печь-тандыр и зольник близ нее. Под забутовкой вскрыт более ранний комплекс. В разрез вошли остатки двух помещений с довольно толстыми (1,2 м и 1,8 м) стенами из сырцового кирпича размером 46×23×10 см, прослоенного пахсовыми блоками размером 50×30×15 см, и двумя уровнями полов в середине и начале VII яруса. Между ними — слои запустения в виде многочисленных прослоек лессового надува.

В западном помещении расчищена раздавленная печь, куски легкоплавкого и обогащенного железом шлака, округлая галька-терочник, древесный уголь.

Материал из забутовки и обоих уровней полов помещений одинаков. На полах найдено много костей животных, причем, если в верхних слоях преобладают кости крупного домашнего скота, то здесь они едва достигают 50%. Интересен жернов из крупной гальки диаметром 35 см с неполностью просверленным отверстием.

Мы отмечали, что в верхних слоях в большом количестве встречалась лепная керамика. С V яруса она начинает господствовать, а с VIII яруса идет целиком лепная. Основные формы посуды этого слоя:

---

²⁴⁴ В. П. Сургай. К истории горного промысла в Киргизии, стр. 14.

²⁴⁵ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 149.

²⁴⁶ Абу-р-Райхан Мухаммад ибн-Ахмад Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия), пер. А. М. Беленицкого, М., 1963, стр. 125.

²⁴⁷ Там же, стр. 126.

а) хумы лепные с округло отогнутыми наружу венчиками, образующими горизонтальный бережок, тулово бочкообразное, на устойчивом дне, снаружи оттиск матерчатой подставки;

б) хумча близкой формы, но меньших размеров, сформованные из глины с большой примесью шамоты, лепка иногда очень грубая;

в) котлы в фрагментах; вероятно, они были круглодонными, венчики отогнуты наружу, стенки снаружи заглажены;

г) горшки двух типов — с удлиненным и округлым приземистым туловом при высоте равной наибольшему диаметру тулова; встречаются горшочки с носиками, при подлепке которых оставались декоративные вмятины от пальцев.

Котлы и горшки часто покрывались снаружи, а иногда по венчику и изнутри черной или красно-коричневой краской; хумы и хумча — реже. Мотивы орнаментации: широкие пояса, полосы и пятна. Преобладает посуда с интенсивным черным покрытием, покрывающим в отдельных случаях всю верхнюю часть сосуда. Окрашенная керамика составляет 25% от общего числа сосудов слоя.

Помимо столовой и кухонной посуды в помещении с печью найдены фрагменты двух сосудов, которые могли иметь производственное назначение. Это банкообразный тянутый сосуд, приближающийся по форме к ретортам верхнего слоя. Вместе с описанным выше сосудом найдена плоскодонная жаровня с высокими стенками.

Находки слоя дают все основания связывать описанный производственный комплекс с обработкой металлов.

Стандарт кирпича, характер кладки и керамический материал могут быть отнесены к VI—VIII вв. с учетом архаичных черт, сохраняющихся в горных районах.

Северная стена описываемого помещения оказалась более ранней. Она уходит на глубину 4 м до конца VIII яруса. Пол на этом уровне подстилается пахсовой забутовкой, под которой начинается зеленый бадрабный слой. К западу от стены — мощная забутовка из крупного булыжника. В забутовке вновь встречается лепная керамика, в том числе 40% окрашенной черными и красными полосами и пятнами. Подстилающий ее зеленый бадрабный слой перемежается зольниками и очагами, сложенными из булыжника. В обильном количестве в нем встречены кости животных, причем вместе с костями крупных и мелких домашних животных найдены кости кабана, козла, оленя. Значит, в этот период наряду со скотоводством определенную роль играла и охота, условия для нее были благоприятные.

В слое найдены зернотерка и курант, биконическое крупное прясло и обломки лепной керамики. Последняя представлена хумами, сформованными из пластичной глины с малыми примесями отошителя. Сосуды — больших размеров с отогнутыми наружу венчиками, слабо выде-

ленной горловиной, широким туловом и плоским дном большого диаметра. На стенках следы матерчатой основы. Горшки типично каунчинского типа с отогнутой наружу закраиной и грушевидным туловом. От венчика на самую широкую часть тулова опускаются две большие ручки. На мисочках видны следы правки ножом в придонной части. Сосуды этого типа целиком покрывались красно-коричневой и черно-коричневой краской.

Интересную группу составляют горшковидные сосуды, украшенные или заштрихованными красно-коричневой краской, или процарапанными треугольниками. Аналогичная группа сосудов встречена в нижнем слое Намудлыга. Общий облик материала позволяет отнести его к III—V вв. н. э.

При характеристике слоя стратиграфического раскопа нельзя не остановиться на группе ранних находок.

Уже с глубины 40 см вместе с керамикой начали встречаться отдельные кремневые орудия, попавшие вместе с лессом нижних горизонтов при кладке стен. На глубине 4,5 м расчищена небольшая линза, в которой найдено рубило и более десятка пластин и отщепов; 6 каменных орудий найдено западнее цитадели у пологого спуска к руслу Нишбашая.

По ареалу распространения находок можно утверждать, что первобытная стоянка открытого типа мустьерского времени занимала северо-западную часть холма и выходила к берегу Нишбашая и русла Ахангарана, подходившего в тот период вплотную к холму. Первобытных охотников, конечно, привлекали прекрасные луговые пастбища сая и тростниковые заросли речной поймы, изобиловавшие животными, птицей и рыбой²⁴⁸.

Орудия, использовавшиеся охотниками стоянки, изготавливались на месте. Материал их представлен местными кремнистыми породами. Техника изготовления типично мустьерская. На стоянке найдены нуклеусы и дисковидные, и двухплощадочные, и одноплощадочные, и с беспорядочным сколом пластин. Есть даже вторичный нуклеус на крупном отщепе²⁴⁹. Кроме них найдено более двух десятков правильных удлиненных пластин с параллельными гранями, гладких и подтреугольной формы, и отщепы. Стоянка являлась не только пунктом охоты, но и местом изготовления каменных орудий очень близких по технике и материалу одному из этапов жизни большой первобытной стоянки, расположенной на противоположном берегу Ахангарана в местности Куль-

---

²⁴⁸ Н. Л. Корженевский. Ангренская долина (Очерк природных условий). Известия АН УзССР, Ташкент, 1954, № 3, стр. 87—88.

²⁴⁹ О технике расщепления см.: Н. Ташкенбаев. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка), ИМКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 11—15.

булак²⁵⁰. Близок к Кульбулакским разработкам кремня и материал орудий Нишбашской стоянки²⁵¹.

Таким образом, впервые этот пункт был обжит еще в пору палеолита. Вторично он обживался во второй четверти I тысячелетия н. э., когда на холме, выходящем к саю появилось поселение с культурой, носящей, с одной стороны, каунчинские черты, с другой, испытывающей влияние земледельческой культуры ферганского типа. Это своеобразная культура охватывала северо-восточные районы Илака, опускаясь на равнину вплоть до Пскента и Нукета.

В раннефеодальную пору выросло мощное укрепление замкового типа, оборонительные сооружения которого частично вскрыты Д. П. Вархотовой и В. А. Нильсенем.

В наш раскоп попали производственные помещения этого периода, связанные с плавкой и обработкой металлов. В то же время большое внимание было уделено оборонительным сооружениям замка. В разрезах сохранились мощные стены и башни толщиной более 2 м, сложенные комбинированной кладкой крупноформатного кирпича и пахсы. Встречаются промежуточные блоки между пахсой и кирпичом размером 55×30×15 см. Возведение здесь укрепления объясняется тем, что пункт занимал ключевые позиции на пути, ведущем к крупнейшему серебряному руднику Илака. В связи с локализацией на месте последнего «серебряного рудника Шаша» арабских географов, мы считаем правомерным отождествить исследуемый пункт с замком Мухинан, упомянутым на этом пути. С IX в. замок превращается в цитадель городка, разрастающегося, с одной стороны, как крепость для военного гарнизона, с другой, как ремесленный пункт, в первую очередь связанный с обработкой и извлечением металлов.

Следует обратить внимание и на находки охры и каменных лошил. В керамическом производстве Илака X—XII вв. широко использовалась окраска сосудов охрой и лощение. Охры использовались и при производстве глазурованной посуды.

Источники X в., описывая горный путь из Илака в Фергану, упоминают город Кухисим «у подножья одноименной горы». Если считать, что «серебряной горой» (Кухисимом), вероятно, именовался «серебряный рудник Шаша», название которого в это время исчезает из исторических хроник Востока, то город Кухисим как раз будет располагаться у основания гор, в которых были расположены описанные рудники, и, следовательно, должен быть на месте изучаемого объекта.

---

²⁵⁰ См.: М. Р. Касымов. О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда (по данным раскопок 1971 г.), ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, стр. 11—20.

²⁵¹ М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века в долине Ахангарана, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 21—27.

Несмотря на определенный ремесленный профиль, главным назначением его была охрана пути к основному поставщику высококачественного серебра. Поэтому он вырос как военная крепость. Этим объясняется не столь мощный культурный слой IX—XII вв., слабое развитие рабада, не сохранившее к тому же следов развития ремесел. Вероятно, в период затухания деятельности рудника падает роль города-крепости, хотя горные пути в Фергану сохранили свое значение в местном обмене до недавнего времени.

Абрлыг. Напротив Кухисима на левом берегу Ахангарана, в устье Акчасая расположены руины еще одного города. О находках здесь старинных вещей известно с конца прошлого столетия²⁵². В коллекции И. А. Анбоева хранятся бронзовые наконечники стрел и бронзовые караханидские монеты из данного района. М. Е. Массон предполагал, что в этом районе следует искать древний Абрлыг²⁵³. В 1962 г. на восточной окраине селения Аблык нами были выявлены руины площадью около 80 га, окончательно отождествленные с Абрлыгом²⁵⁴.

Исследование памятника приводит к выводу, что формирование его как городского пункта относится к концу VIII—началу IX вв., а расцвет — к концу IX—X вв., т. е. к периоду, когда развитие экономических отношений в Чаче приводит к интенсивному втягиванию в торгово-экономические связи районов скотоводческих степей и предгорий.

Структура города проста (рис. 45). Наряду с густой застройкой домов купечества и феодальной знати, мы отмечаем и обширные свободные площади. Часть их, по аналогии с Чиначекетом, возможно, была занята юртами оседающих скотоводов. Даже знатные феодалы из числа осевших скотоводов могли иметь наряду с роскошными домами в черте города и юрты. А состав находок четко показывает, что в его образовании большую роль играло оседающее тюркское население. Даже в домах знати вместе с роскошной глазурованной керамикой и стеклянными изделиями обязательно встречаются характерные для кочевого быта лепные сосуды, круглодонные котлы с наlepным орнаментом, лепные красноощенные горшки, кружки-кубки. Они входят в состав парадной посуды, мало используемой в быту, и сохраняются, вероятно, по традиции в виде родовой реликвии. Отсюда не случайно тюркское название города, передававшееся арабоязычными авторами в виде нескольких транскрипций.

---

²⁵² М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении, Ташкент, 1896, стр. 9; В. И. Масальский. Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1913, стр. 619.

²⁵³ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 12, 40.

²⁵⁴ Ю. Ф. Буряков. Древний город близ столицы, «Ташкентская правда», 7 августа 1962 г.; Он же. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 123—151.

Часть территории города могла быть занята садами и примыкающими посевами. Однако в формировании Абрлыга была еще одна важная особенность — расцвет его совпадает со временем наиболее интенсивного функционирования близлежащих золотых и серебряных рудников. В какой-то мере здесь концентрировалось, вероятно, население, пополнявшее армию рудокопов. Отмечается прямая связь жизни Абр-

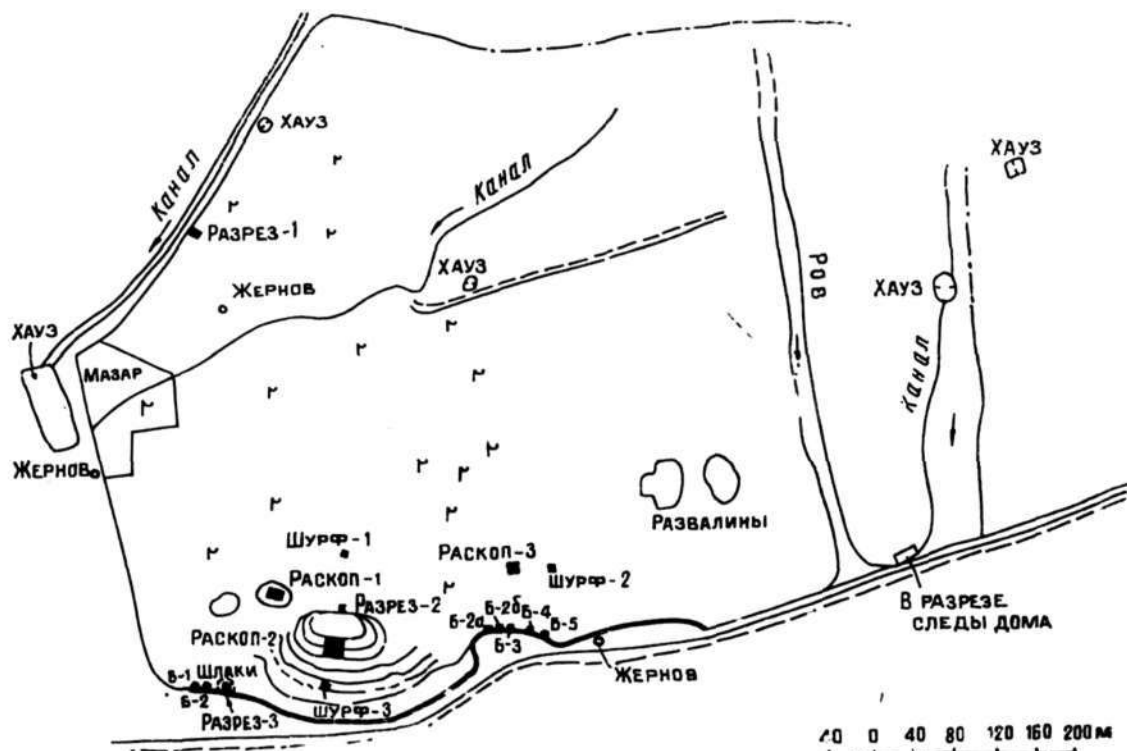

Рис. 45. Абрлыг. План.

лыга с золотыми рудниками. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, памятники материальной культуры. Поразительно близки сосуды Аблыка и золотого рудника Кызылалмы, среди которых встречаются экземпляры одинаковых размеров с едиными мотивами орнамента и такими деталями, как лощение на желтой поверхности обожженного горшка без краски, что придавало сосуду сходство с бронзовыми изделиями²⁵⁵.

Расстояние между городом и рудником не превышает 10 км. Золото в Кызылалме добывалось преимущественно объединениями или семьями свободных золотоискателей.

²⁵⁵ О. П. Маджи, Ю. Ф. Буряков. Из истории добычи золота в Ташкентском оазисе (древний золотой рудник Кызылалма), ИМКУ, вып. 11, Ташкент, 1974, стр. 110—126.

Абрлыг являлся и металлургическим пунктом, в котором, в частности, проходила окончательная очистка золотой руды. Об этом говорят находки ретортообразного сосуда и аланбика, необходимых для перегонки смеси золота и ртути и улавливания последней. О кузнечном ремесле может свидетельствовать обилие железных изделий — ножей, копгыра, замка, чирага, шильев, гвоздей, проколок.

О керамическом ремесле можно говорить по находкам шлаков и по локальным чертам керамических изделий, в которых преобладает краснолощенная и желтолощенная посуда, круглодонные горшки и котлы со своеобразными формами ручек и богатым лепным орнаментом. Посудное стекло города принадлежит к группе натриевых стекол, отличительной чертой которых являлось наличие цинка.

Абрлыг занимал выгодное положение и во внутренней торговле, располагаясь на пути в горные районы и Фергану. Поэтому не случайно обилие роскошной глазурованной посуды, стеклянных изделий, медных монет. Основные находки относятся к X — началу XI в. О том, что город продолжал существовать в последующее время, мы можем судить по находкам Л. М. Барковским четырех медных монет, определенных М. Е. Массоном как чекан Кадр Тафгач хана и Арсланхана Махмуда. Однако находки незначительны, четкого слоя выявить не удалось. Вероятно в XI—XII вв. Абрлыг, как и Тункет, переживал какой-то кризис. В пользу существования его в XIII в. может говорить лишь факт сохранения старого названия. Следы оседлой жизни XIV—XV вв. сохранились в западной части городища. С этого времени селение начало передвигаться к западу, где сохранились культурные слои XVII—XIX вв. Площадь древнего города опустела окончательно, а после XVIII в. превратилась в кладбище.

Намудлыг. Среди городов, располагавшихся, по мнению М. Е. Массона, к востоку от Тункета, упоминается Намудлыг — один из двух городов Илака, носивших тюркское название, и несомненно, выросший в связи с интенсивным оседанием тюркского населения.

Руины его отождествлены нами с безымянным городищем на северной окраине г. Ангрена в 16 км от Абрлыга.

Памятник не был известен местному населению и открыт лишь в 1966 г. при сносе лессовой подушки, перекрывавшей угольные слои. В связи с интенсивным разрушением памятника в 1966—1967 гг., изучение его проведено отрядом Института истории и археологии АН УзССР под руководством автора²⁵⁶.

---

²⁵⁶ В раскопках и наблюдениях участвовали научные сотрудники К. Абдуллаев, Л. Г. Брусенко, Д. Г. Зильпер, О. М. Ростовцев и лаборанты Ф. И. Водопшин, Н. Клейменова и Р. Садыков.

Город вытянут вдоль правого берега Ахангарана между двумя его небольшими притоками, ныне засыпанными гравийными наносами (рис.

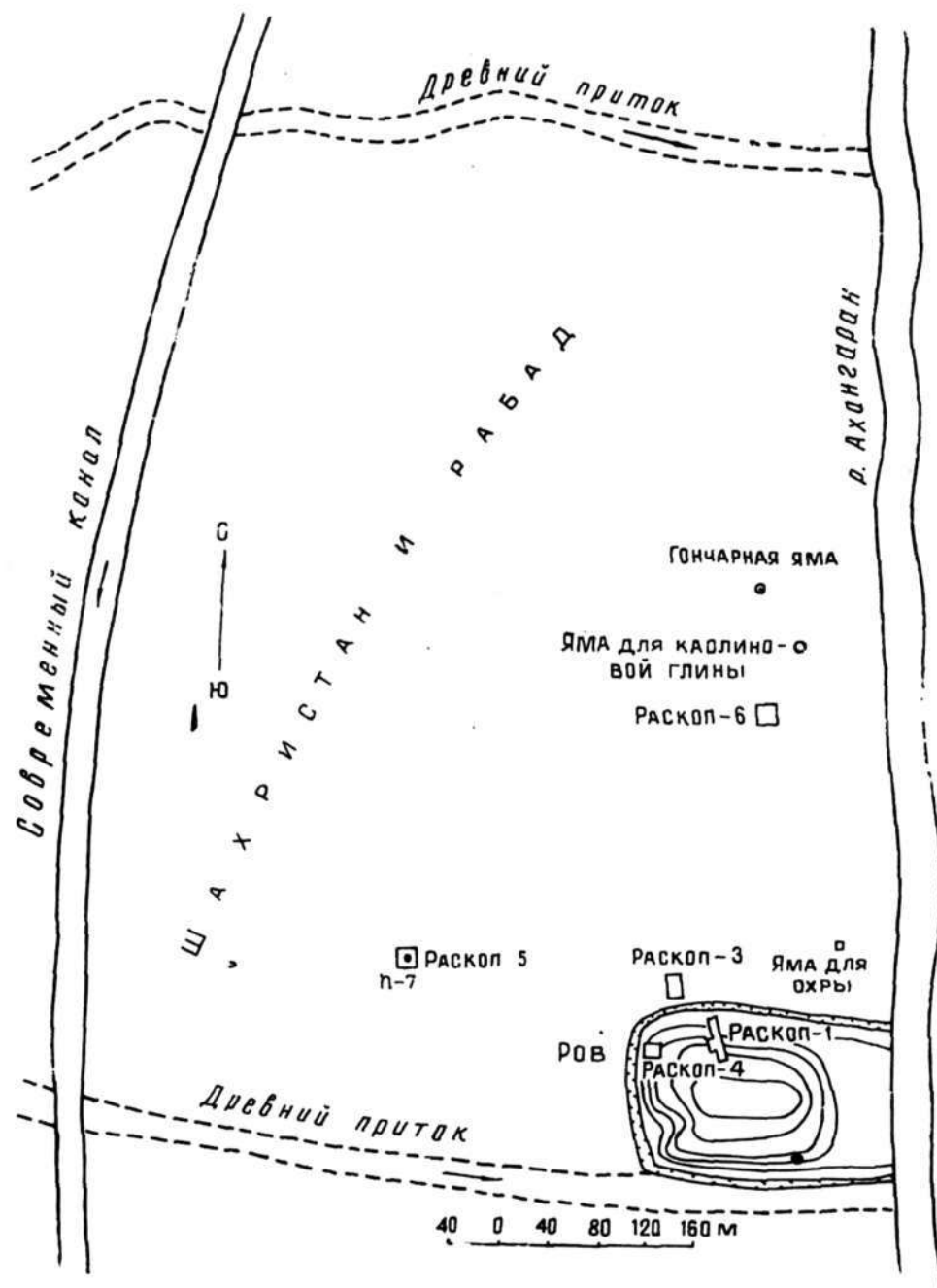

Рис. 46. Намудлыг. План.

46). Микрорельеф памятника сnivelирован и совершенно сглажен, лишь в юго-восточном углу поднимается всхолмление цитадели площадью 1,5 га и высотой 2 м.

Как показали наблюдения за разрезами, цитадель была построена на мощном стилобате и окружена рвом, но впоследствии, в связи с интенсивным обживанием, ее постройки стали выделяться менее заметно.

Обжитая территория города с севера на юг между саями достигает 800 м. Восточной границей ее является р. Ахангаран, непрерывно подмывающая правый берег. Западную границу определить трудно, но, судя по ареалу находок, с востока на запад город был вытянут также не менее чем на 800—850 м²⁵⁷. Однако следы ремесленного производства концентрируются в основном в южной части, в цитадели и близ нее. Здесь зафиксировано 18 металлургических плавильных горнов, гончарная печь, яма, в которой хранилась охра, и яма для вымачивания каолиновой глины. Для исследования памятника было заложено 6 раскопов.

Характеристика раскопов и краткие исторические выводы опубликованы в печати²⁵⁸, однако материалы, аргументирующие датировку, в первую очередь керамические, не были описаны. В данном разделе основное внимание нами уделено характеристике материалов, которые тем более необходимы, что Намудлыг обладает рядом своеобразных черт, позволяющих говорить о его связях с соседними кочевыми районами и Ферганской долиной.

Основной материал древнейших слоев города принадлежит раскопу 6, заложенному в 1967 г. в 250 м к северу от цитадели на площади в 100 м² и на глубину пяти ярусов (2,5 м). Керамика, полученная из верхних и нижних слоев, может рассматриваться как единый комплекс, так как анализ и статистический подсчет не дал никаких изменений форм и количественных соотношений в зависимости от стратиграфии.

Для всего комплекса характерно почти полное отсутствие посуды, изготовленной на гончарном круге. В большинстве она леплена от руки ленточным способом. На одном фрагменте стенки хума изнутри видны следы матерчатого шаблона.

Вместе с тем, стандартизация форм, мастерство лепки, тонкость черепка, хорошая обработка глины и керамического теста, горновой обжиг позволяют говорить о том, что это продукт ремесленного труда. По назначению керамика делится на три группы:

I. Столовая керамика. Это горшки, кувшины, чаши, кружки. Тесто всех сосудов, включающее кристаллический гипс, хорошо промешано²⁵⁹.

²⁵⁷ Размеры городища уточнены на основе наблюдений 1972 г. за разрезами комбината Узбекуголь. Ср.: Ю. Ф. Буряков. К исторической топографии средневекового Илака. СА, М., 1972, № 2, стр. 56.

²⁵⁸ Ю. Ф. Буряков. К исторической топографии средневекового Илака, стр. 56—58; Он же. Археологические материалы по истории Намудлыга, ИМКУ, вып. 9, Ташкент, СА, М., 1972, стр. 98—107.

²⁵⁹ Включение в тесто кристаллического гипса широко распространено в древней керамике Ташкентского оазиса, Ферганы и Хорезма.

Сосуды покрыты ангобом разной густоты и оттенков: черного, серого, красного, коричневого цветов. Оттенки определяются температурой обжига. Горловины зачастую покрывались горизонтальным рифлением, полосами и потеками ангоба, прочерченным до ангобирования узором, лощением и росписью. Обжиг всех сосудов равномерный, горновой.

II. Керамика для хранения запасов продовольствия и воды. Это разной формы толстостенные хумы, хумча, тагора. Тесто такое же как у керамики первой группы. Сосуды покрыты беловатым ангобом и украшены прочерченными волнистыми линиями, неровными полосами и потеками коричнево-красного ангоба.

III. Керамика для приготовления пищи и обогрева помещений. В этой группе большие и малые плоскодонные котлы, жаровни. Тесто грубоватого замеса с многочисленными примесями кристаллического гипса. Дресву и шамот в тесто не подмешивали. Черепок довольно плотный, поверхности закопчены.

Наиболее интересная и многочисленная группа столовой посуды — горшки.

Горшки. Преобладают сосуды средней величины, высотой 20—25 см и диаметром устья 16—18 см. Форма тулова у всех горшков почти одинакова — круглая, донца плоские. Все сосуды ручной лепки. Черепок светлый, кремовато-розовый с гипсовыми вкраплениями. По очертаниям горловин и венчиков можно выделить несколько типов:

1. Горшки с плавно изгибающейся горловиной разной высоты, завершенной резко отогнутым наружу подчетыреугольным в сечении венчиком. Горловина переходит в покатое плечико. Диаметр устья 18 см (рис. 47, 1, 12). На плечиках, редко на тулове горшка, по сырой глине до ангобирования острой палочкой прочерчивался широкий горизонтальный пояс, заполненный треугольниками, затем черным, коричневым или коричнево-красным ангобом покрывалась либо верхняя часть сосуда и треугольники через один, либо целиком весь сосуд. Незакрашиваемые треугольники в некоторых случаях заштриховываются прочерченными линиями параллельными одной из сторон. Чередование покрашенных и светлых треугольников орнаментального пояса создает своеобразный ритмический ряд, хорошо увязанный с формой сосуда (рис. 48, 8, 10).

Этот прием орнаментации полностью совпадает с орнаментацией горшков могильника Карабулак (I—IV вв. н. э.), вскрытого и описанного Ю. Д. Баруздиным²⁶⁰.

Для Ферганской долины орнаментация горшков Карабулакского могильника не является чем-то неожиданным, так как этот прием имеет

---

²⁶⁰ Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник, Труды ИИ АН КиргССР, вып. 8, 1957.

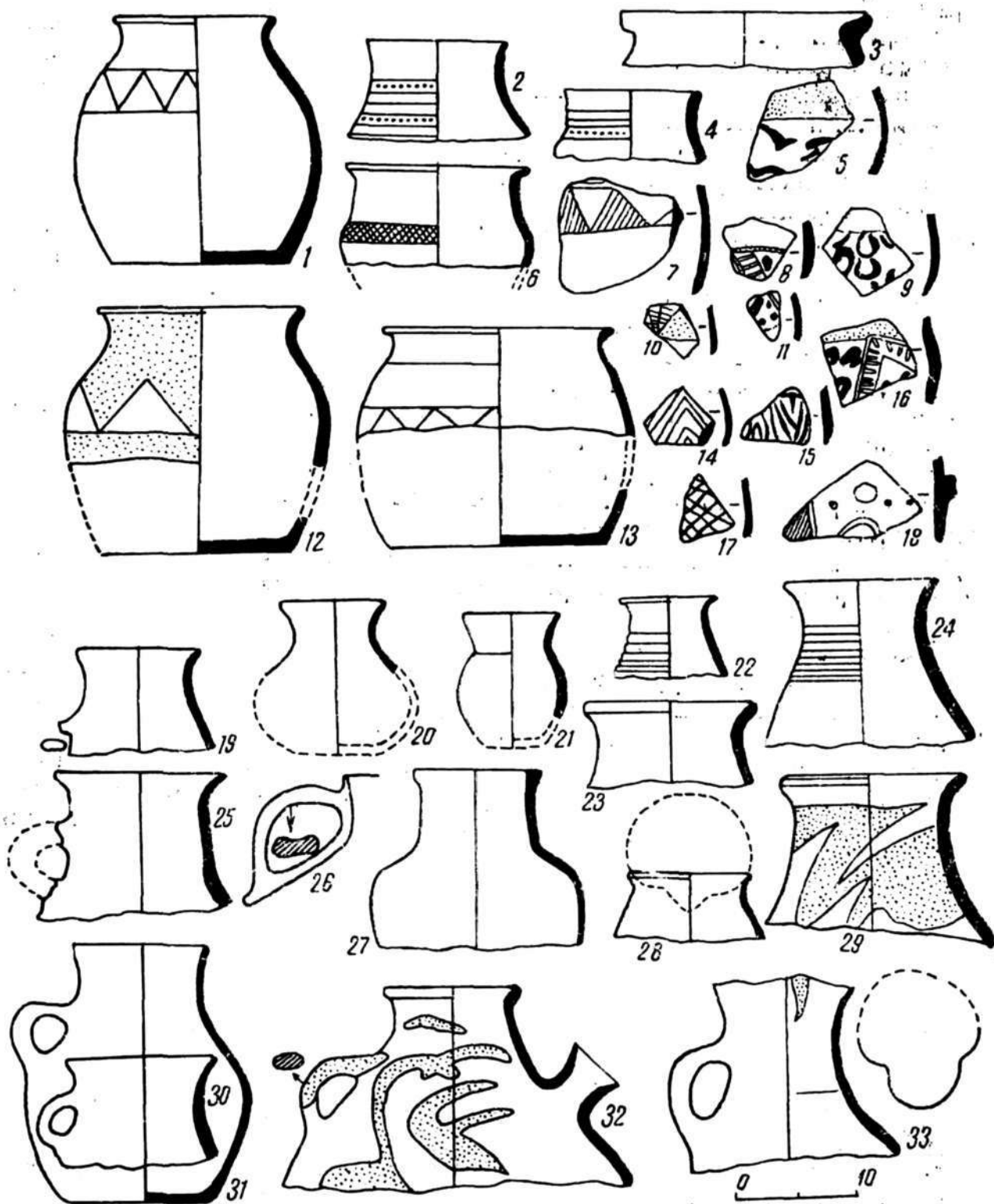

Рис. 47. Намудлыг. Керамика нижнего комплекса.

давнюю традицию в памятниках древнеземледельческого населения Ферганы²⁶¹.

Подобная орнаментация широко известна и в керамике раннекангуйского Хорезма²⁶², но в этом случае мы можем говорить только о единстве орнаментальных приемов в материалах, разделенных большим расстоянием и временем.

2. Горшки с разновысокой горловиной и отогнутым наружу уплощенным венчиком (рис. 47, 6, 13). Горловина лепится к тулову с внутренней стороны, в результате получается округлый валик иногда подчеркнутый бороздкой. Горловина правится на круге. Зачастую ее покрывает полоса коричнево-красного ангоба. Плечико украшается пояском ромбического узора, небрежно прочерченного палочкой по сырой глине до ангобирования.

3. Горшки с высокой горловиной, прямым, утонченным, чуть отогнутым наружу венчиком. Диаметр устья 12 см. Горловина покрыта легким рифлением и пунсонным узором, выполненным до ангобирования полкой трубочкой. Ангоб терракотового цвета²⁶³ (рис. 47, 2, 4).

Кроме того, найден фрагмент своеобразного широкогорлого толсто-стенного сероглиняного горшка диаметром 21—22 см (рис. 47, 3). Подтреугольный в сечении венчик резко отогнут наружу, изнутри по венчику проходит глубокая ложбинка, вероятно, для упора крышки. Подобная форма венчиков встречается в древней Фергане в материалах V—III вв. до н. э.²⁶⁴

Кувшины (рис. 47, 19—33) Целых экземпляров почти не найдено. Для них характерно округлое грушевидное тулово, высокая прямая горловина с закругленным, утонченным прямым или подтреугольным в сечении венчиком слегка или круто отогнутым наружу, иногда с ложбинкой с внутренней стороны для упора кувшина. Дно плоское. Часть кувшинов имеет слив, сделанный фестончатой формовкой венчика — легким отгибом края изнутри. У других кувшинов слив — цилиндрический

---

²⁶¹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 86, рис. 31; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, 1960, стр. 30. Он же. Раскопки на Дальверзинском поселении, сб. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 309.

²⁶² М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 92, стр. 139—140.

²⁶³ Для Ташкентского оазиса этого времени пунсонный орнамент не характерен. В Хорезме, в керамике которого наблюдается сходство приемов орнаментации, пунсонный орнамент появляется в конце куюккалинского времени. См.: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, стр. 196.

²⁶⁴ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области, стр. 36, рис. 16.

носик²⁶⁵. Около 20% горловин диаметром 8—10 см украшено рифлением²⁶⁶ (рис. 47, 22, 24).

Пластинчатые с желобком посредине ручки кувшинов верхним концом крепятся к середине горловины, нижним — к началу покатога плечика. Есть витые и круглые в сечении ручки с бороздками. Большинство леплено от руки, часть их подправлялась на круге. Тесто светлое, хорошо просеянное. Обжиг горновой. Снаружи и частично изнутри сосуды покрывает кремовый, терракотово-красный, коричневый и темно-серый ангоб. У некоторых кувшинов поверх кремового ангоба нанесены мазки красно-коричневой краски²⁶⁷.

Встречен ряд фрагментов сосудов, украшенных расписным и прочерченным узором. Горловины и плечики светлоангобированных сосудов закрашены красным ангобом. На тулово сосуда кистью нанесена роспись ангобом того же цвета. Узор росписи в одних случаях подковообразный, в других — напоминает запятые и «птички-галочки», в третьих — это пояс соединенных заштрихованных треугольников. Один фрагмент покрыт ромбической сеткой (рис. 47, 5, 9, 11, 14—18).

Прочерченные узоры на фрагментах сосудов бывают прямолинейные и криволинейные. Восстановить эти узоры помогают аналогии с материалами Ферганы I в. до н. э. — I в. н. э.²⁶⁸

Уникально в орнаментации керамики описываемого комплекса сочетание прочерченного узора с росписью точками и подковообразными фигурами (рис. 47, 9, 11).

---

²⁶⁵ Цилиндрический носик у кувшинов повсеместен в памятниках каунчинской культуры. См.: Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, Известия АН КазССР, № 45, 1948, стр. 52, рис. 69; А. Г. Максимова, М. С. Мерщнев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, Алма-Ата, 1968, стр. 47, рис. 19.

²⁶⁶ Появление кувшинов с округлыми сливами и рифлением горловины в Ташкентском оазисе связывается с влиянием джетысарской культуры, причем их появление отмечается не ранее, чем в IV—V вв. н. э. (см.: Л. М. Левина: Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры, сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 89). В незначительном количестве подобные сосуды встречены в Северной Фергане на границе с Илаком (см.: Ю. Г. Чуланов. Некоторые новые памятники Северной Ферганы, СА, М., 1967, № 2, стр. 245, 247, рис. 2, 12).

²⁶⁷ Украшение посуды всех форм потеками и мазками повсеместно встречено в керамике Ташкентского оазиса. См.: Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа, Ташкент, 1940, стр. 14; Он же. Келесская степь в археологическом отношении, стр. 48; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК. XXXIII, 1950, стр. 158; А. Г. Максимова, М. С. Мерщнев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 40—41, 46—47.

²⁶⁸ Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК им. Сталина, Труды ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 88, рис. 1; стр. 91, табл. 3.

В Фергане и Хорезме известны сочетания одного или нескольких поясов прочерченных треугольников или четырехугольников, закрашенных ангобом через один. В Намудлыге этот прием также известен и описан выше. Но сочетание на одном сосуде прочерченных узоров и росписи отмечено впервые и аналогии для этого вида орнаментации нам пока неизвестны.

Аналогии расписным узорам известны как в Илаке, так и в сопредельных областях. Подковообразные завитки росписи упоминаются для конца позднекангюйского периода (I—IV вв. н. э.) Южного Казахстана²⁶⁹.

Узоры росписи в виде запятых и «галочек» покрывают керамику III—IV вв. н. э. из Гайраттепа²⁷⁰.

Подобный узор вышит на мужской одежде из Кенкольского могильника²⁷¹.

В основе своей этот узор, вероятно, восходит к изображению рогов барана, мотиву широко представленному в лепном орнаменте памятников каунчинского круга.

Орнаментальная полоса соединенных вписанных треугольников широко распространена в керамике Илака в несколько более позднее время, в частности в материалах из курганов, исследованных Т. Агзамходжаевым.

Этот же орнаментальный прием встречен нами в керамике горной части Чача в слое VI—VIII вв. Кадовадтепе и на Кендыктепе в зоне Ташкентского моря. В Намудлыге этот орнамент применялся вплоть до X в. в виде подглазурной росписи на светильниках.

Чашы (рис. 48, 11—21, 24). Разнообразна эта группа. Имеются целые или почти целые формы и много фрагментов. Величина и пропорции чаш различны. Изготовлены они из трех частей: 1) донце со следами подсыпки и затирки; 2) нижняя часть тулова; 3) верхняя. Верхняя часть лепится к телу чаши изнутри, в результате у места крепления создается бугорок-перегиб, который затем правится на круге. Черепок чаш тонкий, обжиг хороший. Все сосуды отличаются тщательностью обработки, изнутри и снаружи покрыты красно-коричневым, красным, темно-серым, светло-терракотовым и желто-коричневым плотным ангобом. 42,5% чаш залощены, один фрагмент изнутри покрыт красным, а снаружи — темно-серым ангобом. Дно снаружи не ангобируется. Четко выделяются четыре типа чаш:

1. Глубокие чаши с вертикально-округлым туловом. Диаметр устья 12 см, высота 6 см, диаметр дна 7 см (рис. 48, 11).

²⁶⁹ Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации), Автореферат канд. дисс., Л., 1953, стр. 9.

²⁷⁰ В. И. Козенкова. Гайрат-тепа, СА, 1964, № 3, стр. 232, рис. 6, 12.

²⁷¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., 1940, табл. XXXIII.

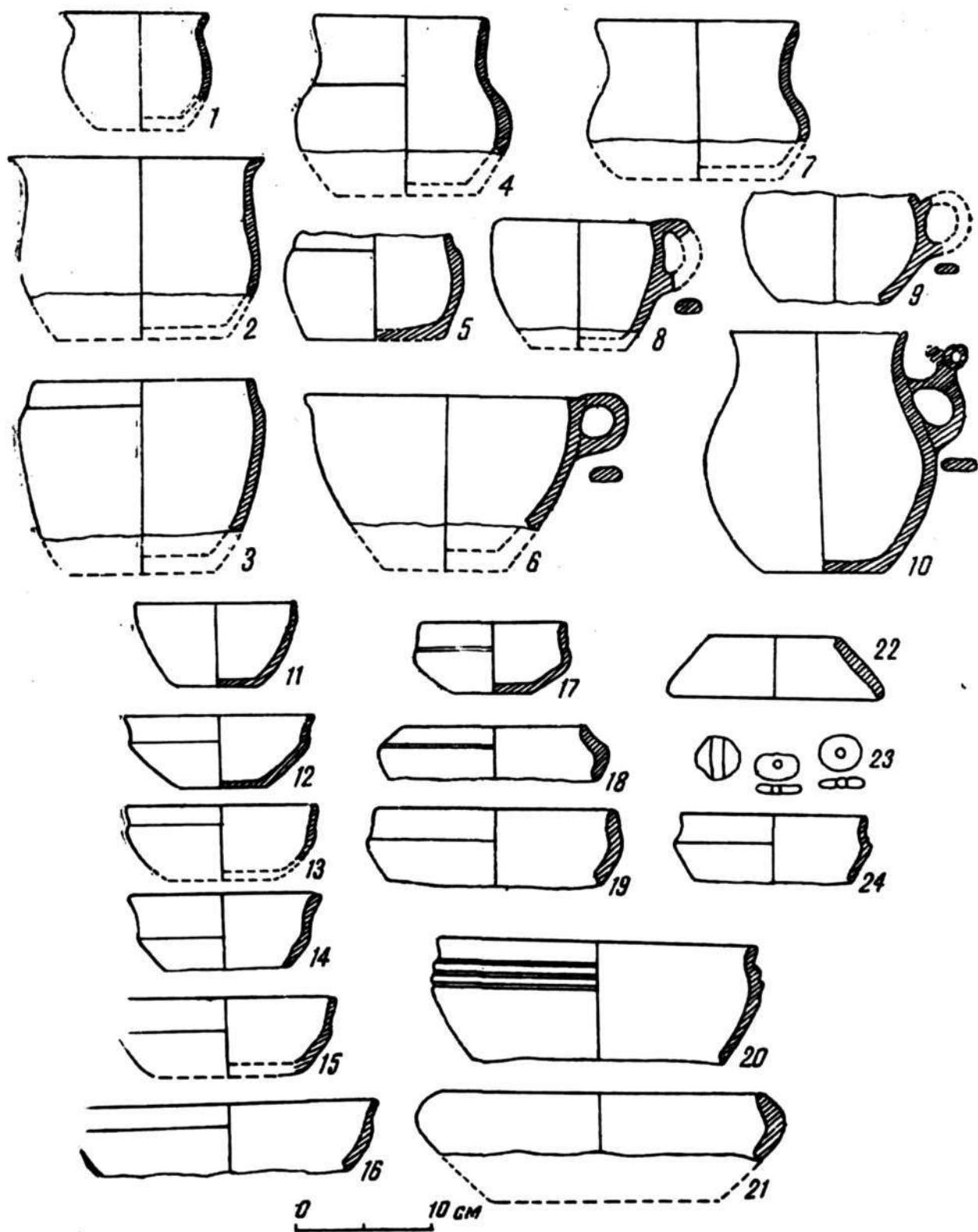

Рис. 48. Намудлыг. Керамика нижнего комплекса.

2. Чаши с перегибом и ребром в верхней части или половине тулова, по ребру сгиба идет валик, часто вместе с бороздкой. Диаметр устья 14—22 см, диаметр средней части 13—21,5 см.

3. Форма аналогична второму типу, но бортики обращены внутрь и диаметр устья меньше диаметра средней части. Диаметр устья 11—18 см, диаметр средней части 12—19,5 см (рис. 48, 17).

Выделяется чаша с рифлением верхней части борта, покрытая темно-коричневым ангобом. Диаметр устья 24 см (рис. 48, 20). Такая же форма чаши, но без рифления отмечена в Актобе-2.

4. Толстостенные чаши с загнутым внутрь бортиком, снаружи и внутри коричневое лощение. Диаметр устья 24 см (рис. 48, 18, 19, 21).

Широко распространены чаши с перегибом стенок—форма, уходящая своими корнями в глубокую древность. В первой половине I тысячелетия н. э. эти чаши весьма характерны для Ферганы²⁷², Ташкентского оазиса²⁷³, Джетыасара²⁷⁴. В Ферганской долине они покрыты плотным ангобом, в Ташкентском оазисе и Джетыасаре широко распространено лощение. В Ташкентском оазисе эта форма существовала и несколько позже²⁷⁵.

Кружки (рис. 48, 1—9) в нашем комплексе немногочисленны, но разнообразны. Выделяется шесть типов:

1. Тонкостенные сероглиняные кружечки с округленным бочонкообразным туловом и утонченным прямым венчиком, отогнутым наружу (рис. 48, 1, 4, 2). Диаметр устья 10—15 см.

Похожая форма, но более грубой формовки, с петлевидной ручкой принадлежит комплексу III—V вв. н. э. Гайраттепа²⁷⁶. Характерны они и для нижнего, и для верхнего горизонтов Джетыасара²⁷⁷.

2. Глубокие тонкостенные лощенные кружки с конически-округлым туловом и перегибом его внутрь в верхней части (рис. 48, 3). Диаметр устья 15 см, высота сохранившейся части 13 см. Эта форма, вероятно, происходит от чаш, объединенных нами в третьей подгруппе и отличается от них только высотой.

3. Широко открытые сосуды в форме округленного усеченного корпуса с петлевидной ручкой, прикрепленной одним концом к прямо или

²⁷² В. И. Козенкова. Гайрат-тепа, стр. 230, рис. 5, 1.

²⁷³ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа, рис. 47; Он же; Келесская степь в археологическом отношении, табл. II; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, 69; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 50, рис. 20; стр. 59, рис. 25.

²⁷⁴ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., стр. 63, рис. 11—21.

²⁷⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69.

²⁷⁶ В. И. Козенкова. Гайрат-тепа, стр. 232, рис. 6, 5.

²⁷⁷ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., стр. 68, рис. 11, 50—54.

наклонно срезанному венчику, другим — к верхней части кружки (рис. 48, 6, 8). Диаметр устья 9—11 см, высота 8—10 см. Снаружи и внутри кружки покрыты красным и темно-коричневым ангобом.

Эти кружки характерны для джунской культуры, последняя датировка которой, по мнению Б. А. Литвинского, II—III вв. н. э.²⁷⁸ Такая же форма кружек, но с ручкой, закрепленной в верхней части и середине тулова сосудов обнаружена в Кенкольском могильнике и в слое IV—VII вв. Джетыасара²⁷⁹. Эти сопоставления позволяют говорить о широких хронологических рамках бытования описываемой формы.

4. Высокогорлые тонкостенные сосуды с плавно-округлым туловом и простым закругленным или наклонно срезанным краем (рис. 48, 7). Снаружи и частично внутри они покрыты серым ангобом и лощением. Диаметр устья 10—12 см, диаметр тулова 12—13 см. Эта форма широко представлена как в Актобе-2, так и в Джетыасаре.

5. Коричневоангобированные тонкостенные кружки с шаровидным туловом и петлевидной ручкой, закрепленной в средней части тулова (рис. 48, 9). Верхние части и донца не сохранились.

6. Высокие красноангобированные кружки с прямой горловиной, округлым туловом и петлевидной ручкой в виде барашка (рис. 48, 10). Высота 13—14 см, диаметр устья 8—9 см, диаметр донца 7 см. Весьма характерные для Ташкентского оазиса и Средней Сырдарьи первой половины I тысячелетия н. э. кружки с зооморфными ручками встречаются на широком круге памятников²⁸⁰.

Среди многочисленных форм столовой посуды следует отметить фрагменты красноангобированных конических крышек. Подобные крышки в Фергане отмечены на городище Шурабашат, в Бухаре — на городище Кызылкыр, в Джетыасаре они появляются в слое IV—VII вв.

Керамика второй группы менее разнообразна по формам, но достаточно интересна.

Хумы. Целых экземпляров не найдено. Форма воссоздается по крупным фрагментам. Это бочонкообразные сосуды с широким устьем (диаметр устья 36—42 см), округленным туловом без выраженных плечиков и прямым дном. Венчик резко, почти под прямым углом вы-

---

²⁷⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, рис. 69; Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы, СА, 1967, № 2, стр. 32.

²⁷⁹ А. Н. Бернштам. Кенкольской могильник, табл. XVI; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, стр. 63, рис. 11, 64—67.

²⁸⁰ Литературу по этому вопросу см.: Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1968, стр. 3—4.

гнут наружу и прямо срезан по бережку. В сечении ободок венчика имеет подковообразную форму²⁸¹.

У некоторых сосудов венчик плавно отгибается наружу и подтреуголен в сечении. Толщина стенок от 1 до 1,7 см. Хумы лепились ленточным способом и на круге. Некоторые формовались на матерчатом шаблоне. До ангобирования часть сосудов украшалась одной или двумя линиями, прочерченными палочкой по сырой глине. Хумы покрывались бело-кремовым ангобом. Один фрагмент покрыт темно-серым. Единообразие форм, ровный горновой обжиг, хорошо просеянное и промешанное тесто свидетельствуют о ремесленном производстве этой керамической формы.

Хумчи. Это широкогорлые сосуды с диаметром устья 30—36 см, бочонкообразным туловом и плоским дном. По форме венчика различаются две разновидности. Первая — венчик прямой с утолщением, обращенным внутрь, бережок уплощен и посередине имеет небольшой желобок для упора крышки. Толщина стенок в средней части 0,8—1 см, ближе к венчику 1,5 см. Черепок кремового цвета, хорошего обжига. Ангоб цвета черепка и поверх него по бережку венчика идет небрежная полоса красного ангоба, а на тулове — брызги его. Вторая — подтреугольный в сечении венчик плавно отогнут наружу. Толщина стенок 0,7—1,5 см. Черепок терракотового цвета, обжиг неравномерный, в изломе черепок потемнел. Снаружи и по венчику изнутри — плотный ангоб цвета яркой терракоты. Подобные хумча известны в материалах каунчинской культуры²⁸².

Наряду с хумами и хумча бытуют крупные миски-тагора с туловом в форме усеченного конуса и, вероятно, с двумя вертикальными уплощенными в сечении ручками. Одним концом ручки крепятся к краю сосуда, другим — к верхней части тулова. Толщина стенок 0,8—1,2 см. Диаметр устья 28—30 см. Лепка грубая, изнутри видны следы затирки. Черепок цвета светлой терракоты, снаружи беловатый ангоб.

Подобные формы весьма характерны для керамики Каунчитепе, где иногда отмечается толщина стенок тагора до 3 см²⁸³. Эти формы известны и несколько позже²⁸⁴.

Керамика третьей группы немногочисленна. Целых форм котлов и жаровен не найдено. Но судя по фрагментам, котлы все плоскодонные,

²⁸¹ Эта форма венчиков хумов бытовала в областях средней Сырдарьи с первых веков до н. э. — первых веков н. э. См.: Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана, стр. 9; А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 40, рис. 16, 10, рис. 17, 3, 13.

²⁸² А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 44, рис. 17, 4.

²⁸³ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, стр. 52.

²⁸⁴ Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаш-тепе, Труды ТашГУ, V, Ташкент, 1960, стр. 154, рис. 4, 13—14.

тулова грушевидные или цилиндрические, горловины не выделены или выделены очень слабо, венчик резко отогнут наружу и прямо срезан. С внутренней стороны венчика — ложбинка для крышек. Внешний диаметр устья 19—20 см. Есть фрагмент котла с высоким горлом и маленьким, подтреугольным в сечении венчиком. Диаметр устья 18 см. В нем повторяется форма горшковидных сосудов. Ручки котлов в сечении подчетыреугольные, реже подтреугольные.

Жаровни толстостенные, с прямым дном и вертикально поставленными стенками. В некоторых случаях к венчику жаровни лепилось маленькое ушко.

Рассмотренный комплекс керамики нижнего слоя городища Намудлыг в прямых аналогиях не выходит за рамки III—V вв. н. э. Вместе с тем значительное применение рифления горловин кувшинов и горшков, наличие кувшинов с округлыми сливами, сделанными фестончатой формовкой края горловины, появляется в Ташкентском оазисе не раньше IV—V вв. н. э. Это позволяет датировать комплекс керамики нижнего слоя Намудлыга IV—V вв. н. э.

Помимо керамики в нижнем слое городища найдено большое количество керамических пряслиц округло-конической формы с плоским или выемчатым основанием, а также цилиндрической формы, изготовленных из стенок сосудов (рис. 49, 12—17).

Для этого комплекса характерны крупные зернотерки длиной до 60 см и шириной 40—50 см с крупными курантами.

Материал VI—VIII вв. наиболее полно представлен в раскопках первой и второй цитадели. Наряду с обычными для этого слоя кружкообразными сосудами и одноручными кувшинами, лепленными от руки и формованными на гончарном круге, в этом слое встречены фрагменты хумов без горловины с венчиками двух типов — валикообразным и отогнутым наружу (рис. 50, 1, 2).

Интересна группа лепных котлов шаровидной формы с подлепными ручками, иногда с налепами в центре (рис. 50, 3—6). Наиболее широкое развитие они получили на следующем этапе.

Характерной формой этого слоя являются грубые, приземистой формы лепные горшочки с носиком, округлым туловом и прямопоставленной закраиной (рис. 50, 7). Снаружи они покрыты красным и черным ангобом, иногда задымлены.

Слой датирован медными монетами чачской эмиссии с изображением хищника с разинутой пастью и поджатым хвостом на лицевой стороне и вилообразной тамгой на оборотной стороне.

К этому времени должен быть отнесен найденный в разрезе интересный кувшинчик. Сосуд вылеплен от руки и снаружи покрыт красной краской с лощением. Вверху устье его закрыто в виде чаши с отверстием диаметром в 1 см. От края устья на самую широкую линию ту-

лова опускаются 4 ручки, завершающиеся головами животных, соединяющихся между собой широкими рубчатыми рогами. Рты животных полуоткрыты, глаза изображены в виде углублений, сверху небольшим горельефом показаны уши. Определить точно вид животных трудно. Маленькие ушки и массивные закинутае назад рога позволяют предпо-

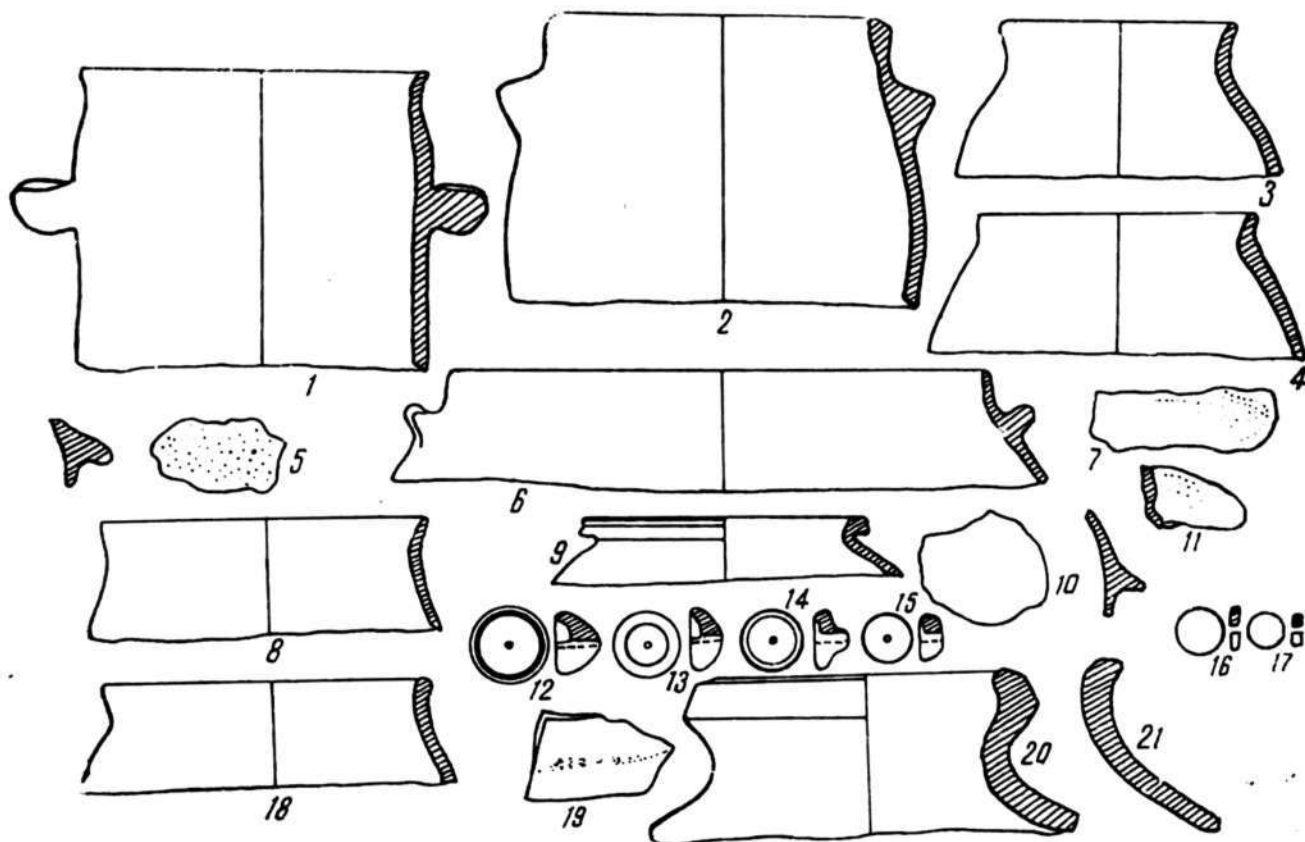

Рис. 49. Намудлыг. Керамические изделия нижнего комплекса.

ложить, что перед нами козел *Capra sibirica*, один из широко известных на территории Мавераннахра видов животных, изображавшийся на различных предметах в качестве духа-хранителя. В Чаче козлы изображались на сосудах и оссуариях²⁸⁵.

Вероятно, перед нами сосуд культового назначения. Об этом говорит и его закрытая форма с небольшим отверстием и чашевидным верхом, и сложный характер украшения. Возможно, он выполнял роль курильницы и сосуда-хранилища каких-либо жидкостей, имевших важное назначение.

²⁸⁵ Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы, стр. 131--136.

Наиболее значителен керамический материал Намудлыга последующего периода, особенно конца IX—XI вв. Посуда города этого времени представляет большой интерес своим своеобразием, отличающим его от городов, лежащих в равнинных районах Чач-Илака.

Производство гончарной посуды, по крайней мере ведущих типов, зафиксировано наличием гончарных печей и ямы для вымочки глины и красителей. По технике изготовления неполивную керамику можно разделить на две группы: изготовленную на гончарном круге и сформо-

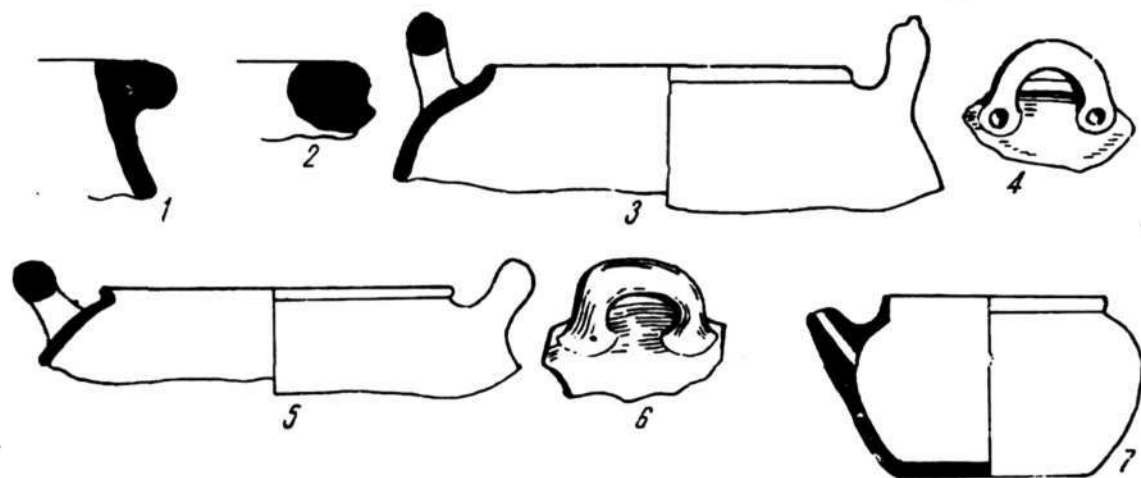

Рис. 50. Намудлыг. Керамика VI—VIII вв.

ванную от руки. По орнаменту же можно выделить керамику с красной облицовкой и необлицованную, причем, первая количественно преобладает. Ниже мы дадим характеристику техники изготовления посуды, хотя следует отметить что ряд форм, изготовленных от руки и на гончарном круге, дублируется.

Тесто сосудов, изготовленных от руки, в основном с большим количеством отощителя, обжиг средний или с недожогом. Поверхность тщательно заглажена и покрыта у большинства сосудов красным ангобом и лощением. Иногда этот вид сочетается с окраской части сосуда светлым ангобом.

Одной из наиболее характерных форм являются широкогорлые кувшины, лепленные из глины с шамотом (рис. 51). Размеры их различны, но пропорции настолько стандартны, что их совершенно уверенно можно отнести к ремесленной продукции. По форме можно выделить несколько видов сосудов:

1. Кувшины высоких пропорций. Они формовались из двух частей. Верхняя часть его представлена конически сужающейся к устью горловиной со слегка расширенной наружу закраиной устья (рис. 51 1, 2). Как правило, диаметр устья равен или близок к высоте горловины.

Диаметр венчика колеблется от 7,5 до 11,5 см. Так же варьирует и высота горловины, отклонение пропорций составляет исключение (табл. 1).

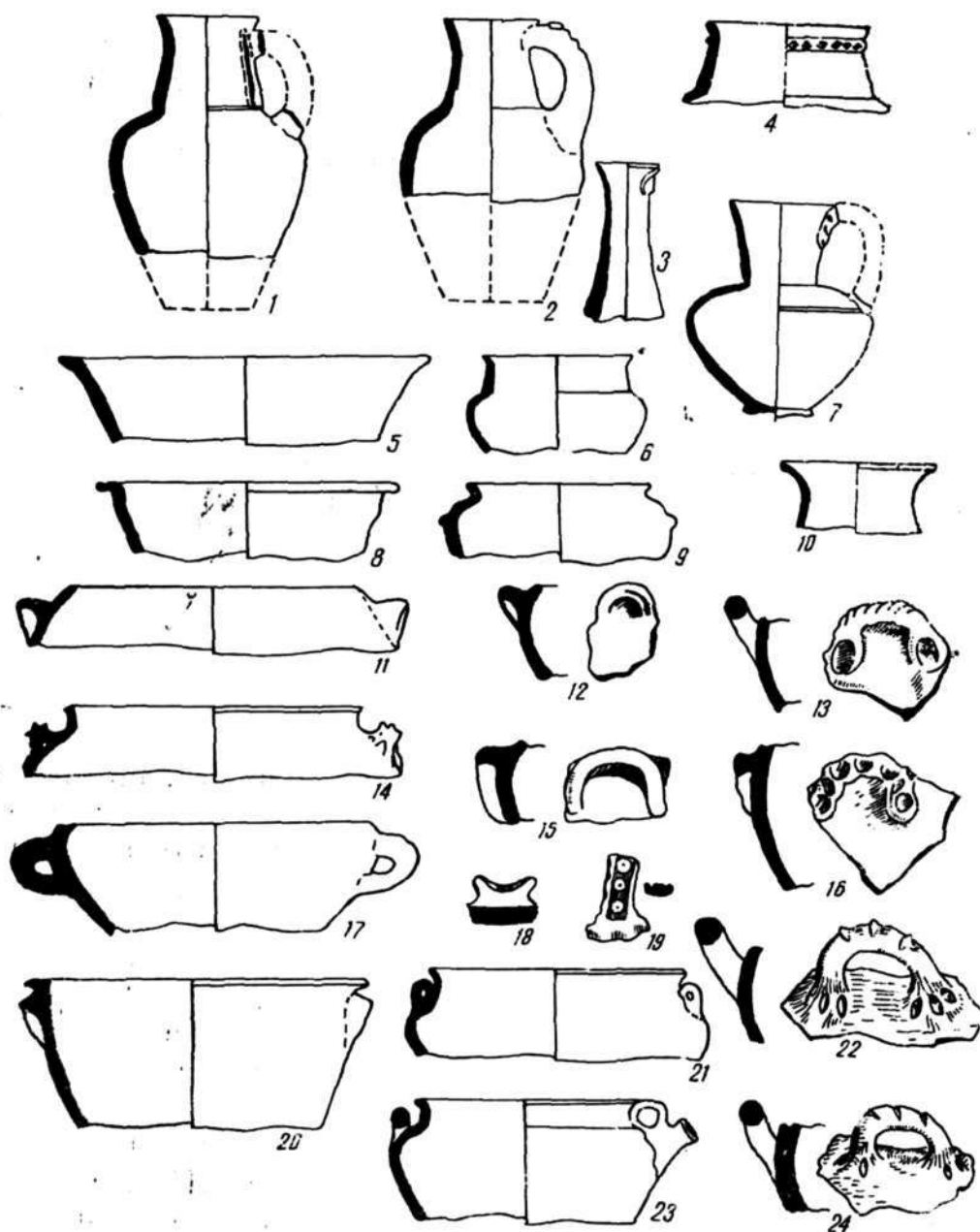

Рис. 51. Намудлыг. Неглазуванная керамика IX—XI вв.

Тулово яйцевидное с широкими плечиками и коническим сужением к плоскому донцу.

От верхней части горловины на 1 см ниже устья на широкую часть плечика опускается овальная в сечении с легким расширением к осно-

ванию ручки, формовавшаяся вместе с горловиной. К тулову ручки крепились с помощью стержня. Стенки снаружи покрыты красным ангобом, иногда с лощением. Красный ангоб слегка затекает сверху внутрь сосуда. Лощение полосчатое—сверху вниз.

Характерный орнамент ручки — две-три поперечные рельефные полосы по верхней части, иногда налест-пуговка. В основании обычно вмятина пальцем. Единична ручка со сплошным орнаментом снаружи в виде незамкнутых треугольников с округлыми вмятинами внутри.

Таблица 1

Сочетание диаметра венчика и высоты горловины

Диаметр венчика, см	11,0	10,0	11,5	10,0	11,0	9,0	9,5	11,0	9,0	9,5	7,5
Высота горловины, см	11,0	9,5	11,0	10,0	12,0	9,0	9,5	11,0	9,3	10,5	8,0

2. Широкогорлые кувшины с конически расширяющейся к устью горловиной (рис. 51, 7). Тулово округлых пропорций, донце с поддоном. Ручка вертикальная, округлая в сечении, в месте подлепа декорировалась вмятинами. Снаружи стенки покрыты красной краской, а по ней беловатой ангобой с лощением вертикальными полосами.

3. Узкогорлые кувшины с высокой (до 16 см) горловиной биконической формы, иногда украшавшейся рельефным орнаментом (рис. 51, 3). Тулово яйцевидной формы или с утяжеленной нижней третью. Вертикальная ручка крупная, плоская.

Сосуды этой формы украшались красной краской, а некоторые по верхней части горловины, по розовому фону несут белое покрытие каолиновой глиной.

4. Кувшины с невысокой узкой горловиной, завершающейся устьем со сливом. Тулово яйцевидной формы снаружи покрыто красной краской с полосчатым лощением.

Лепные горшки можно разделить на два вида:

1. Широкогорлые невысокие сосуды, общая форма которых укладывается в сечении в квадрат, так как высота его близка по размерам к наибольшему диаметру тулова. Как и кувшины первого типа, они имеют сужающуюся вверх горловину с отогнутым наружу венчиком (рис. 51, 4). Тулово округлой формы, дно на плоском поддоне. Под венчиком две небольшие вертикальные и утолщенные в сечении ручки. Сосуды этого типа также часто украшались красновато-коричневым ангобом с лощением и орнаментировались. Жгутый орнамент нанесен по горловине—цепочка зубчатых рельефных «подковок», пояса

зубчатых треугольников, насечек, поясков. В основном расположение его концентрическое, реже в виде медальонов на широкой части тулова.

2. Широкогорлые горшки более приземистых пропорций (рис. 51, 9, 21). Они лепились из двух половин: невысокой (2—6 см) с загибом закраины наружу горловины, переходящей внизу с резко подчеркнутым перегибом в приземистое тулово, и нижней, более округлой части тулова. К горловине иногда крепилась вертикальная петлевидная ручка. Все встреченные сосуды покрыты красной краской (иногда с лощением).

Близки к ним по форме чайникообразные сосуды (рис. 51 23), отличающиеся наличием небольшого округлого в сечении носика. Ручка их, как правило, посажена сбоку и орнаментирована вмятинами, но в одном случае, как показано на рисунке, она была прилеплена прямо над носиком.

Большим количеством представлены сосуды открытых форм: глубокие миски с профилированными плечиками, покрытые иногда с обеих сторон черно-коричневым орнаментом. Прообраз этой формы известен еще в сосудах каунчинской эпохи.

Есть более упрощенная форма сосудов этого типа с плоским дном и конически расширяющимися кверху стенками. Один сосуд этого типа имел вертикальную ручку с площадкой вверху. Этот тип сосудов украшен красной краской. Интересны мисочки-цедилки, дно которых проколото отверстиями диаметром до 3 мм. Много в комплексе сковородовидных сосудов с невысоким (2—5 см), иногда волнистым бортиком. Характерной чертой их является обилие в глине отошителя.

Обильно представлены кухонные котлы (рис. 51, 11—19, 22, 24). Некоторые из них по форме напоминают горшки последнего типа, но большинство имеет шаровидную форму с прямо поставленной закраиной, лишь изредка завершающейся утолщенным, слегка отогнутым наружу венчиком.

Поражает разнообразие ручек. Основная группа представлена поперечными, круглыми в сечении, часто витыми ручками с углублениями в местах подлепки, иногда с ребром или несколькими ребрами в середине (в подражание металлическим котлам). Иногда аналогичной формы ручки (круглые или витые подковой) прилеплены к тулову. Вместе с ними встречены ручки-ушки, крупные выступы округлой формы и рудимент ручек в виде двух рожковидных налепов. Лишь в одном случае встречена небольшая фигурная ручка-рудимент вертикальной формы.

Орнамент котлов редок и прост — оформление насечками закраины или жгутовидный налеп-поясок вдоль ручки.

Следует отметить сосуды открытой формы типа тагора (рис. 51, 20) с ручкой-налепом под венчиком.

Неглазурованные сосуды, сформованные на гончарном круге в ряде случаев копируют лепные. В первую очередь это относится к наиболее широко распространенной форме широкогорлых горшков (рис. 52, 1—8), высота которых варьирует от 15 до 30 см. Интересны рельефные украшения их широкопластинчатых ручек.

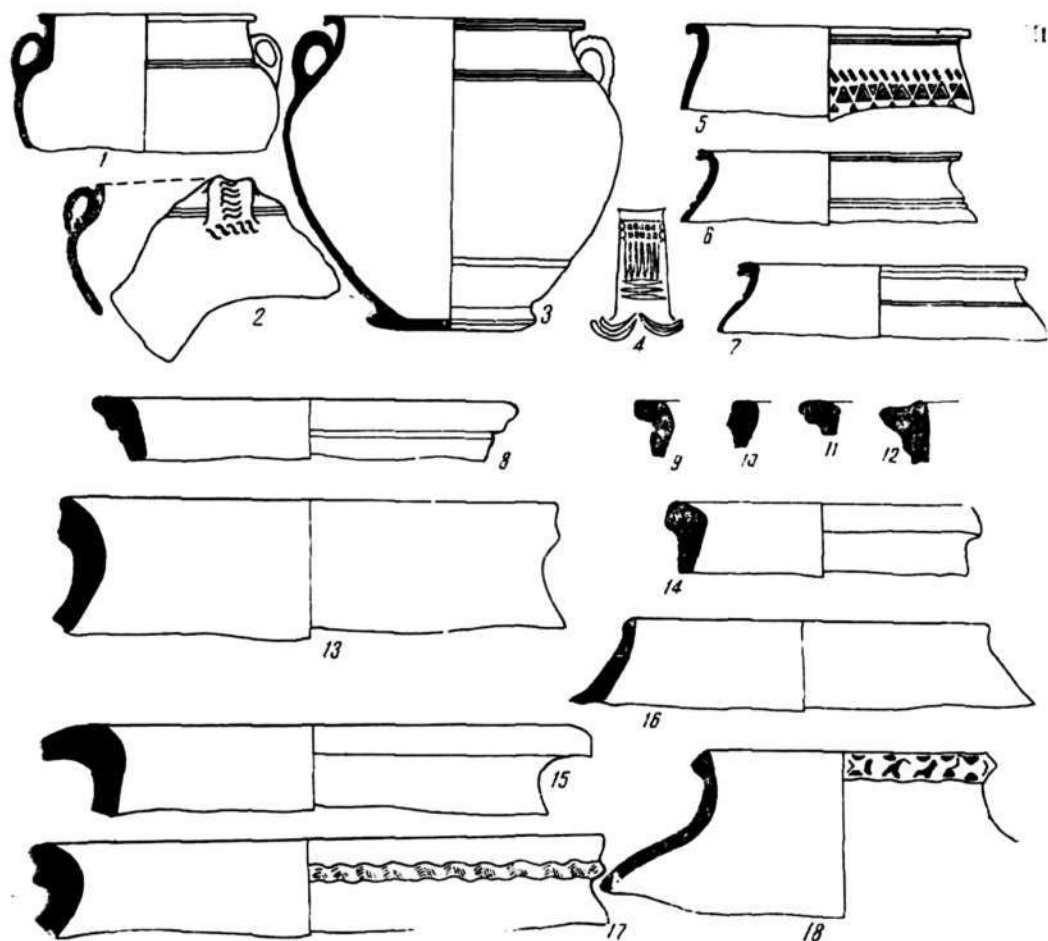

Рис. 52. Намудлыг. Неглазурованная керамика IX—X вв.

Встречаются изготовленные на круге одноручные кувшины.

На круге изготовлено большинство крупных сосудов (рис. 52, 9—18). Это хумы, хумча, тагора с разнообразными формами венчика, изредка украшавшиеся по венчику или вдоль него рельефным орнаментом в виде жгутовидного налепа.

Кроме сосудов в верхнем слое найдено 42 крышки, которыми накрывалась посуда разнообразных форм и размеров. Максимальный диаметр крышки 38 см, минимальный — 7,8 см при толщине стенок от 0,7 до 2,5 см (рис. 53, 1—13). За исключением одной дисковидной

крышки, все остальные сформованы от руки, изготовлены из глины с обильной примесью дресвы и обожжены. Мотивы орнамента тесно переплетаются с декором сосудов.

Крышки по форме круглые, овальные и прямоугольные. Преобладает первая форма с разнообразием вариантов — плоские крышки с обрезанным краем, плоские с закругленным краем, крышки в форме полудиска с округло поднимающейся вверх или вниз закраиной. Крышки одного и того же варианта и громадные, и миниатюрные, так что связать их с какими-либо определенными формами сосудов невозможно.

Сорок одна крышка имела ручки. Можно выделить две группы ручек: 1) поперечные и 2) стержневые. Обе группы имеют несколько вариантов. Поперечные ручки:

- а) овальная в сечении, края в местах упора на крышку утолщены;
- б) округлая в сечении с глубоким желобком сверху, укрепленным налепами кольцами в подражание ручкам бронзовых сосудов;
- в) ручка в форме подпрямоугольного в сечении стержня шириной до 5,5 см, опущенного на резко выделенные прямоугольные упоры. В этот вариант включаются ручки с плавно изогнутым стержнем, напоминающим полуциркульную арку (рис. 53, 1, 3). Ручки интенсивно украшены налепами в виде переплетающихся линий и колечек.

Варианты стержневых ручек:

- а) с навершием в форме округлой и утолщенной грибной шляпки (рис. 53, 6, 7, 8, 10); вершина их иногда украшалась рельефным орнаментом, образующим треугольные или многогранные фигуры;
- б) цилиндрический налест диаметром до 8,5 см;
- в) ручка-налеп прямоугольной или квадратной формы, иногда с раздвоением вершины; орнамент покрывал не только ручку, но иногда и всю крышку.

Основным приемом орнамента крышек является окраска их в красный цвет по светлому ангобу зачастую с лощением. Некоторые крышки покрыты светлым ангобом по красной окраске, что придает поверхности бело-розовый оттенок.

Рельефный орнамент украшает незначительное количество крышек и довольно скромно. Чаще всего это фигурное оформление закраин в виде вмятины пальцев или жгута. Реже отдельные вдавленные закраины сочетаются с круговым рельефным орнаментом поверхности. Последний в свою очередь может сочетаться с поясами ломаных линий. И, наконец, одной из форм орнамента является украшение частей поверхности рельефными полукругами, оформляющими с разных сторон края крышки.

Глиняные столики-дастарханы также изготовлялись из глины с шамотом, но тщательно лощились и ангобировались. Диаметр дисков

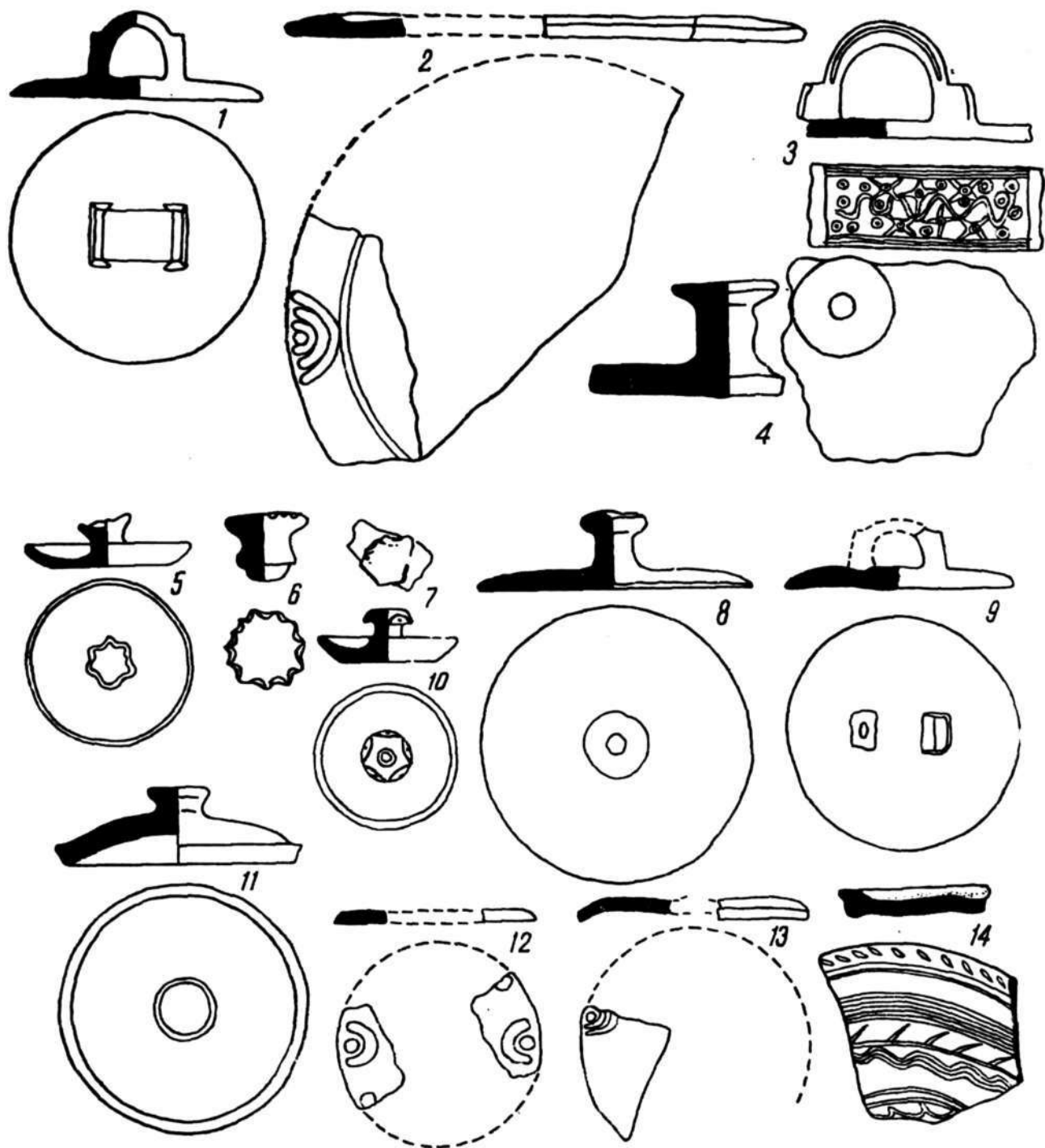

Рис. 53. Намудлыг. Крышки и дастарханы.

62—70 см (рис. 53, 14), бортики краев сделаны в виде округлых или заостренных валиков. Ножки (по три на каждом), округлые или уплощенные с декоративными вмятинами пальцев в местах подлепа. Плоскость, к которой подлеплялись ножки, орнаментировалась в одном случае в виде зубчатого рельефного валика вдоль бортика и гребенчатых завитков, в другом — в виде миндалевидных углублений или орнамента медальонами. Богатый орнамент плоскости с ножками подтверждает вывод П. Н. Кожемяко о том, что рабочей плоскостью была гладкая сторона, а поверхность с ножками являлась парадной²⁸⁶.

Глазурованная керамика в отличие от неполивной делится на более дробные хронологические группы. В раскопах 1 и 2 выделяется керамика IV—III ярусов и керамика III—II ярусов. Первая относится к первой половине—середине X в., вторая — ко второй половине X — началу XI вв.

Изменения форм за этот период незначительные. Керамика обеих групп представлена чашами полусферической формы с легким изгибом стенки у венчика, донце на кольцевом поддоне.

В основном изменения можно проследить в мотивах и сочетаниях расцветок орнамента. Для ранней группы характерны сосуды со следующими видами орнамента:

1. Сосуды с вариациями орнамента желто-зеленых оттенков:

а) фон белый, по венчику желто-зеленый бордюр из полукапель, ниже — красно-коричневый охристый прерывистый пояс из линий и точек между двух желто-зеленых поясов;

б) между желто-зелеными линиями — пояс чередующихся завитков и косых полос желтого и красно-коричневого цвета; бортик иногда, как и в первом случае, оформляется бордюром из полукапель;

в) сосуд внутри расписан желто-зелеными «лентами», поле же внутри лент и между ними украшено красно-коричневыми точками «гравировки», иногда «гравировка» желтая, «ленты» коричневые;

г) ленты заменяются фигурами различных форм.

Сосуды украшены по белому фону монохромным коричневым декором — радиально расходящимися линиями, пространство между которыми заполнено завитками сочного растительного орнамента, ромбами, прямоугольниками в белых обводах. Венчик оформляется бордюром того же цвета.

2. Чаши и кувшины, покрытые по белому фону бледно-зелеными растекающимися полосами, потеками и расплывающимися точками «гравировки».

3. По мутно-белому фону также мутноватые полосы голубоватых, серовато-синих и марганцевых оттенков.

²⁸⁶ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, стр. 42.

Для второй половины X—начала XI вв., наряду с бытованием описанных видов орнамента, ведущими становятся следующие:

а) роспись черно-коричневыми завитками и косыми полосами по белому фону;

б) разнообразный эпиграфический орнамент; в это время появляются чаши с надписью, в которой нижние концы алифа и лама завершаются запятыми;

в) сочетание эпиграфического и растительного орнамента с фигурами, заполненными точками красно-коричневой «гравировки».

Скорее для середины X в., чем для ее конца, характерны чаши, покрытые одновременно и пятнами растекающейся зеленоватой краски, и красно-коричневыми завитками с пятнами черной «гравировки» в коричневых обводах, а также черные и коричневые четырехлепестковые цветы и сердечки, обвитые кольцами «гравировки». Нам кажется, что эта группа является характерной локальной чертой глазурованной керамики Чач-Илака.

Из других керамических изделий верхнего слоя следует отметить громадные тарелкообразные сосуды диаметром 50—60 см, изготовленные из глины с большой примесью отощителя, с отверстием диаметром 5—6 см в центре их дна. Сосуды найдены стоящими на золе. Подобные сосуды были обнаружены и в ремесленном помещении Тункета. Употреблялись они в металлургическом производстве и служили для удаления из золы какого-то элемента. Бытовое и производственное назначение могли иметь переносные керамические очаги с тремя налепами-упорами внутри.

Основная масса стеклянной посуды сформована из мелкопузырчатого зеленоватого и желтоватого прозрачного стекла. Среди них — **фрагмент бракованного сосуда**, что позволяет предполагать наличие в городе мастерской стеклодувов.

Можно выделить несколько форм стеклянной посуды. Это узкогорлые кувшины и графины с тянутой профилированной горловиной и яйцевидным туловом. От венчика на плечико опускается ручка с фигурным отростком вверху. Кружки цилиндрической формы с массивной ручкой-петелькой с упором для пальца сверху. Диаметр донца, устья и высота кружки обычно одинаковы и составляет 10—12 см. Донце с вогнутым поддоном. Стаканы тянутой цилиндрической формы, но меньших размеров и без ручки. Некоторые имеют снаружи чешуйчатый орнамент, получившийся при выдувании в ячеистую форму. Горшочек подцилиндрической формы с прямопоставленным, чуть утолщенным венчиком, рифленным снаружи. Донья бутылей и графинов с вогнутым поддоном диаметром 7,5—8 см, в центре поддона — следы подреза понтии. Донца кувшинчиков и флаконов с плосковыступающим поддоном диаметром 5—6 см.

Наряду с ними встречена небольшая группа сосудов, отличающаяся цветом и качеством стекла:

1. Фрагменты двух графинов плотного беловатого стекла с конически сужающейся вверх и завершающейся отогнутой наружу закраиной горловиной. Внизу горловина с резким перегибом переходит в тулово. Она целиком покрыта врезным орнаментом из комбинации ромбов, прямоугольников и полулиний.

2. Горловина флакона голубого непрозрачного стекла.

3. Чашечка черно-фиолетового непрозрачного мелкопузырчатого стекла. Стенка прямая, венчик образован сдвоением внутри закраины. Чуть ниже устья подлеплена небольшая петельчатая ручка.

4. Часть небольшой чашечки черного стекла с толщиной стенки в 1 мм. Диаметр устья 9 см, к донцу стенка слегка сужается.

5. Фрагмент чаши с вогнутым поддоном диаметром 12 см из синеватого стекла.

Все перечисленные формы широко распространены в Илаке, в частности они известны в Абрлыге и Тункете²⁸⁷, причем в обоих городах нами встречены бракованные стеклянные сосуды и слитки неочищенного стекла. Кроме того, графины с узкой горловиной и графины-бутыли известны на Афрасиабе²⁸⁸, в Фергане²⁸⁹, стаканы и кружки — на Кулдортепе под Самаркандом, на Афрасиабе²⁹⁰, в Куве²⁹¹ и Мерве²⁹².

Украшения верхнего слоя представлены серебряным перстнем с цилиндрическим в сечении кольцом, завершающимся полой площадкой трапециевидной формы. Лицевая сторона ее вместо геммы украшена припаянной полоской серебра с резным изображением тамгообразного орнамента или подражания надписи.

Найдены также две стеклянные бусины. Одна бочонковидной формы из двуслойного стекла. Внутри зеленоватая полупрозрачная пузырьчатая масса. Снаружи тонкий слой стекла, покрывающий лишь поверхность бусины. Вторая бусина — неправильной подцилиндрической формы, грубовато изготовленная из пузырьчатой полупрозрачной чер-

---

²⁸⁷ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы к истории Тункета и Абрлыга, стр. 112—116, 139—144.

²⁸⁸ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 61, рис. 72, 73; М. Амиджанова. Средневековое стекло Мавераннахра, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1962, стр. 12.

²⁸⁹ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Труды АН ТаджССР, т. XXXV, Душанбе, 1955, стр. 101—102.

²⁹⁰ Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдортепе в 1956—1957 гг., СА, 1960, № 4, стр. 117.

²⁹¹ М. Амиджанова. О производстве стеклянных изделий в средневековом городе Кува, Научные работы и сообщения ООИ АН УзССР, т. I, Ташкент, 1960, стр. 86.

²⁹² Л. Мережин. К характеристике средневекового стекла Мерва, Сборник студенческих работ САГУ им. В. И. Ленина, вып. XV, История, Ташкент, 1956, стр. 77.

но-коричневой массы. Боковая поверхность инкрустирована переплетающимися лентами белой массы.

Качественный спектральный анализ бус показал следующее содержание (табл. 2)²⁹³:

Т а б л и ц а 2

Химический состав стекла бус*

Инв. номер	Наименование предмета	Элемент												
		Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	N	Na	Cu	Sn	Sb	Mg	Pb
221	Бусина №1	5	2	3	3	4	7	—	2	5	3	—	3	3
23	Бусина №2	5	5	3	3	4	—	6	2	5	3	—	3	5

*Цифры обозначают: 2—значительное содержание элемента в пробе; 3-4—постоянно убывающее количество примесей, 5—следы, 6—7—следы следов.

Большим количеством представлены костяные орнаментированные пуговицы или нашивки диаметром 1,4—1,8 см двух форм: конические—односторонние и биконические—двухсторонние. Конические поверхности украшены прорезным линейным орнаментом и кружочками с точками внутри.

Найдены интересные граненные бусины из самоцветов, преимущественно сердолика.

В верхнем слое найдено 4 каменных жернова дисковидной и цилиндрической формы диаметром 35—40 см и высотой от 4 до 10 см. В центре просверлены отверстия диаметром 4—9 см. Мы считаем, что данные жернова служили для размолта руды. Об этом говорит не только находка их в ремесленно-металлургических хозяйствах, но и то, что два жернова имеют очень грубую крупнозернистую крошащуюся рабочую поверхность способную довести продукцию лишь до размера зерна и с примесью каменной крошки. Два других жернова с более плотной поверхностью имеют по 9 крупных желобов, сходящихся к центру и предназначенных для механического сдвигания к отверстию размолотой руды. Жернова для зерна имеют иногда по 1—2 узеньких желобка. Вместе с жерновами найдено несколько крупных рудотерок с грубозернистой поверхностью.

Вышеописанные материалы подтверждают высказанные ранее положения²⁹⁴ об истории возникновения и развития города.

²⁹³ Анализ проведен в археологической лаборатории МГУ Ю. Л. Шаповой.

²⁹⁴ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы к истории Намудлыга, ИМКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 104—107.

Оседлая жизнь здесь развивается с III—IV вв. н. э. Первые следы ремесленно-металлургического производства относятся к V—VI вв. н. э. причем с VI—VII вв. н. э. появляется крепость, выросшая на искусственном стилоблате и окруженная двойной стеной и рвом, примыкающим к саю и Ахангарану. Расцвет же жизни города относится к концу IX—началу XI вв., когда Намудлыг вырастает как крупный ремесленно-металлургический центр Северного Карамазара. В нем проводилась плавка и обработка серебра, меди, железа и, вероятно, золота. Наряду с металлургией функционировало керамическое и стекольное производство.

Характеризуя Намудлыг как значительный ремесленно-производственный пункт эпохи Саманидов, нам хотелось бы в данном разделе подчеркнуть и роль городов в верховьях Ахангарана в развитии оседло-земледельческой культуры в этом издревле скотоводческом районе.

Если сравнить города верховьев Ахангарана с городами верховьев Чирчика, то бросается в глаза более развитое ремесло городов верховьев Ахангарана. Тем не менее их также окружала большая сельская округа. Сельским хозяйством занимались и сами горожане, поэтому к городу примыкали поля. Кроме того, вблизи них располагались крупные и мелкие поселения, обеспечивавшие население города продуктами земледелия и частично потреблявшие продукцию ремесленников города. Многие поселения укреплены. Некоторые из них накопили значительные культурные слои, свидетельствующие о длительности жизни, и значительные размеры. Примером таких сельских пунктов могут служить поселения Машатбуватепе в устье Гуштсая, неподалеку от Кухисима, и поселение Калатепе вдоль Баксук сая, неподалеку от Намудлыга.

Первое представляет собой укрепление, выросшее на естественных холмах предгорий, с примыкающим к нему с востока и севера неукрепленным поселением. Материал, собранный на поверхности и из обрывов представлен преимущественно керамикой IX—XI вв. с преобладанием лепной неглазурованной краснолощеной посуды.

Более интересно второе поселение. Калатепе расположено в 3 км к северо-западу от Намудлыга на восточной окраине с. Баксук, вдоль левого берега одноименного сая и состоит из укрепления и большого поселения открытой формы. Укрепление вытянуто вдоль сая с северо-запада на юго-восток в виде неправильного прямоугольника размером 65 × 105 м и высотой до 12 м, разделенного валом на две неравные половины. С юга и запада к укреплению подходят пандусы. Вдоль сая к крепости примыкает открытое, вытянувшееся вдоль сая до 1 км, поселение площадью более 20 га, причем застройки от центра к окраине становятся заметно реже. С трех сторон к нему примыкают полосы древних полей, среди которых лишь изредка встречаются линзы керамики и остатки отдельных построек хуторского типа.

Начальный этап жизни памятника и появление укрепленной части без раскопочных работ установить трудно, возможно, они связаны с раннефеодальным периодом, когда вокруг укрепленного замка начинает вырастать поселение. Один из первых этапов его роста — VIII—начало IX в. В IX в. поселение интенсивно разрастается, чувствуется тесная связь его с близлежащим городом Намудлыгом, питавшим поселение ремесленной продукцией, в частности посудой. Два этапа поселения относятся к IX—XII вв. Затем оно либо временно прекращает свое существование, либо сокращается. Возрождение его относится к поре узбекского ханства в XVI—XVIII вв. В связи с какими-то событиями социально-экономического и политического порядка, возможно, с кризисом феодального общества, оно прекращает свое существование, а затем вырастает на правом берегу того же сая.

Дахкет. Самое высокогорное городище в долине «реки Илака» Ахангарана зафиксировано в 8 км к северо-западу от Намудлыга, на правом берегу Дукентсая, в одноименном селении. Название его переводится местными жителями двойко — Дукент — «два города», Дукан — «два рудника».

По этому поводу бытуют легенды: первая — о существовавших двух селениях на обоих берегах сая, а вторая связывает древний пункт с разработками рудных богатств Чаткала.

Сведения о находках здесь древних предметов поступали неоднократно. В литературе известен клад серебряных монет конца XIII—начала XIV вв.²⁹⁵

В 1959, 1962—1963 и 1966 гг. разведочные выезды в Дукент проведены автором²⁹⁶. В северной части селения были зафиксированы остатки сооружения замкового типа VII—VIII вв. в виде холма высотой 8—9 м, диаметром 30—35 м, сложенного из пахсы и сырцового кирпича длиной до 50 см, шириной 23—25 см, высотой 8—9 см. Ниже по течению сая обнаружены следы обживания в X—XII вв. — выложенные из булыжника и обломков жженого кирпича фундаменты домов, фрагменты красноощенных, белоглазурованных с полихромной росписью, или покрытых стекловидной голубой поливой сосудов.

Б. Е. Дашевским переданы Музею истории народов Узбекистана пять монет с городища, оказавшихся дирхемами конца XI—XII вв.

В 1961 г. через сотрудника музея Н. Мухаммадаминова был полу-

---

²⁹⁵ В. Д. Жуков. Дукентский клад монет (предварительное сообщение), ИМКУ, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 176—207; Он же. Чекан Кендже и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе (дополнение к предварительному сообщению), ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.

²⁹⁶ Выезд в 1959 г. проводился совместно с научным сотрудником С. Х. Ишанхановым по сигналу председателя горисполкома г. Янгиабада Н. Маюсупова и директора школы Б. Е. Дашевского.

чен еще один клад XVI в., обнаруженный в кувшине экскаваторщиком Ф. Ф. Фечь во время строительных работ.

В этом же году в музей из Дукента поступили два массивных витых серебряных браслета. В 1966 г. автором был собран клад монет XIV—XV вв., найденный в конце 1965 г. при строительных работах²⁹⁷.

Детальное обследование Дукента с описанием сохранившихся остатков памятника было проведено в 1962 г. Кроме описанного ранее замка VII—VIII вв. на правом берегу Дукентсая, у выхода его из предгорий на равнину выявлены руины небольшого городка.

Памятник сохранился фрагментально. Часть его скрыта при прокладке дороги, часть занята под позднее кладбище, часть разрушена экскаватором при строительных работах.

На самом берегу сая сохранился холм высотой 6 м, диаметром около 60 м, частично разрушенный экскаватором. В разрезе прослеживаются выкладки фундаментов и стен домов из булыжника, прослойка золы и угля, 6 бадрабов, встречена печь-тандыр, найдена неполивная с потеками красно-коричневой краски керамика, фрагмент краслощенного сосуда и ножка стеклянного бокала.

В южной части холма обнаружен нижний диск громадного жернова диаметром 1,2 м, толщиной 25—35 см, в верхней его части сделан прямоугольный вырез размером 35—36 см, глубиной 5—7 см, а в нем—отверстие диаметром 20 см.

Юго-западнее сохранилось второе большое всхолмление неправильных очертаний высотой до 4 м и длиной с севера на юг 110—120 м. Пониженная территория между этими холмами также сохранила следы былых строений. На поверхности встречаются обломки в основном неполивной керамики, среди которых интересна дисковидная крышечка с ручкой, покрытая хорошим красным лощением, и несколько фрагментов лепных сосудов.

Из глазурованных сосудов изредка встречаются фрагменты белофонной керамики с подглазурной росписью преимущественно коричневой краской. Интересны венчик и стенки чаш бледно-зеленой и густо-зеленой поливы иногда с подглазурным орнаментом.

Глазурованная белофонная посуда с бесцветной и зеленой поливой характерна для X—XII вв. К этому же комплексу относится и многочисленная краслощенная керамика и сосуды, покрытые красно-коричневой краской. Анализ краски для лощения сосуда Дукента приведен в таблице 3²⁹⁸.

Большой интерес представляют несомкнутые серебряные браслеты, витые концы которых завершаются изображениями змей. Вес браслетов 110 г и 70,34 г.

²⁹⁷ Монеты хранятся в Музее истории народов Узбекистана АН УзССР.

²⁹⁸ Анализ проведен лабораторией Восточнокураминской ГРЭ.

По форме и даже по весу они находят поразительные аналогии с витыми серебряными браслетами из Чиначекта²⁹⁹, близки к украшениям городища Шоштюбе в Чуйской долине³⁰⁰, находкам у с. Уртааул³⁰¹, что дает основание датировать их X—XI вв. Следует подчеркнуть, что к XI в. относится и ранняя группа монетных кладов.

Появление оседлого поселения в Дукенте следует отнести к VI—VII вв. Одновременно севернее его существует обособленный замок феодала. Рост поселения приводит к появлению здесь, вероятно в X в., небольшого городка, расцвет которого падает преимущественно на XI—XII вв. Город продолжал существовать и в XIII—XVII вв. Впоследствии

Т а б л и ц а 3

Химический состав краски сосуда из Дукента*

Элемент	Cu	Ag	Tl	Ni	Mn	Pb	Ba
Содержание, %	0,0018	++	0,1	0,001	0,3	0,001	+

*Знаки + и ++ означают наличие следов элемента

в жизни его отмечается незначительный перерыв и вновь территория обживается с конца XVIII в. или в начале XIX в.

Среди горных городов Илака наиболее вероятным может быть отождествление его с Дахкетом, упоминающимся в источниках X в. Жизнь здесь интенсивно функционировала в саманидо-караханидскую пору. Город находился в горной местности близ границ Илака и Чача, так что некоторые историки, в частности Сам'ани, даже включали его в состав последнего³⁰².

На возможность отождествления его с Дахкетом влияет близость к Кухисиму, вместе с которым он обычно перечисляется, и созвучие с современным названием селения и сая, которое может быть объяснимо непрерывным обживанием древнего пункта. Дахкет в средневековом Илаке относился к небольшим провинциальным городкам, просто перечислявшимся в перечне городов. Провинциальный характер подтверждается и архитектурой, и материальной культурой. Наряду с домами, сложенными из жженого кирпича, встречены остатки жилищ и сооружений с глинобитными стенами и стенами из булыжника. В керамике также широко сохранились архаичные формы и техника ручной лепки.

²⁹⁹ Д. П. Вархотова. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 116—119.

³⁰⁰ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города Чуйской долины, стр. 58.

³⁰¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, рис. 69.

³⁰² В. Д. Жуков. Чекан Кендже и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе, стр. 307—312.

Появление и расцвет жизни здесь могут быть связаны с развитием горнорудных промыслов. В верховьях сая, на южных склонах Чаткала отмечается наличие древних рудников по добыче медной и полиметаллической руды. Расположенный у развилки горных отрогов, Дахкет с трех сторон прикрывался горами и саем и защищал путь к рудникам.

Судя по материалам, жизнь в Дахкете, в отличие от большинства городов Илака, не прекратилась с монгольским завоеванием. Городок оставался ремесленным и торговым пунктом, о чем говорят клады монет XIII—XIV, XIV—XV и XVI вв.

Первый клад, найденный в 1954 г., насчитывает около 1500 монетных кружков, относящихся ко второму периоду денежного хозяйства государства Джагатаидов, среди которых интересен чекан северного соседа Чача — Кенджеде конца XIII в. и Тараза³⁰³.

Второй клад, полученный в 1966 г., включает 329 преимущественно серебряных монет XIV—XV вв. В кладе преобладают монеты самаркандского чекана времени Улугбека³⁰⁴.

Самым поздним по времени является клад, найденный в 1961 г. и насчитывающий более 70 медных и серебряных монетных кружков.

По предварительному определению С. Х. Ишанханова, монеты принадлежат чекану Балха, Самарканда, Чача и Кеша. Клад охватывает промежуток с 1533 по 1549 г. — время Убайдуллахана и Абдаллатифа. Интересен факт изображения на медных монетах Чача этого клада идущего хищника кошачьей породы с поднятым хвостом. Подобные изображения характерны для монет Чача доарабской поры³⁰⁵. И здесь, возможно, мы встречаемся со старым символом Чача³⁰⁶.

Эти факты являются подтверждением определенной экономической роли Дахкета в пору позднего феодализма и непрерывности жизни, способствовавшей сохранению старого названия, возможно, слегка видоизменившегося в последние столетия.

Говоря о Дукенте, нельзя не упомянуть уникальной находки, представляющей значительный палеографический интерес, — берестяных рукописей, найденных близ города в древней выработке (рис. 54). Небольшие берестяные листочки, сшитые в книжечку, с обеих сторон расчерчены палочкой и исписаны вертикальными строками скорописи, нанесенной тушью рукой опытного писца. По определению проф. Л. С. Пучковского, рукопись религиозного содержания написана на монгольском

³⁰³ Там же, стр. 307—312.

³⁰⁴ Ю. Буряков. Клад поступил в музей, «Вечерний Ташкент», 8 июля 1966 г.

³⁰⁵ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет, М.—Л., 1952, МИА, вып. 6, стр. 11; Она же. Монеты древнего Пенджикента, МИА, вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 224.

³⁰⁶ Подобная монета была встречена и при раскопках столицы Илака — Тункета.

языке не ранее второй половины XV—XVI вв. и является частью священной религиозной книги буддистов³⁰⁷. Рукопись, вероятно, принадле-

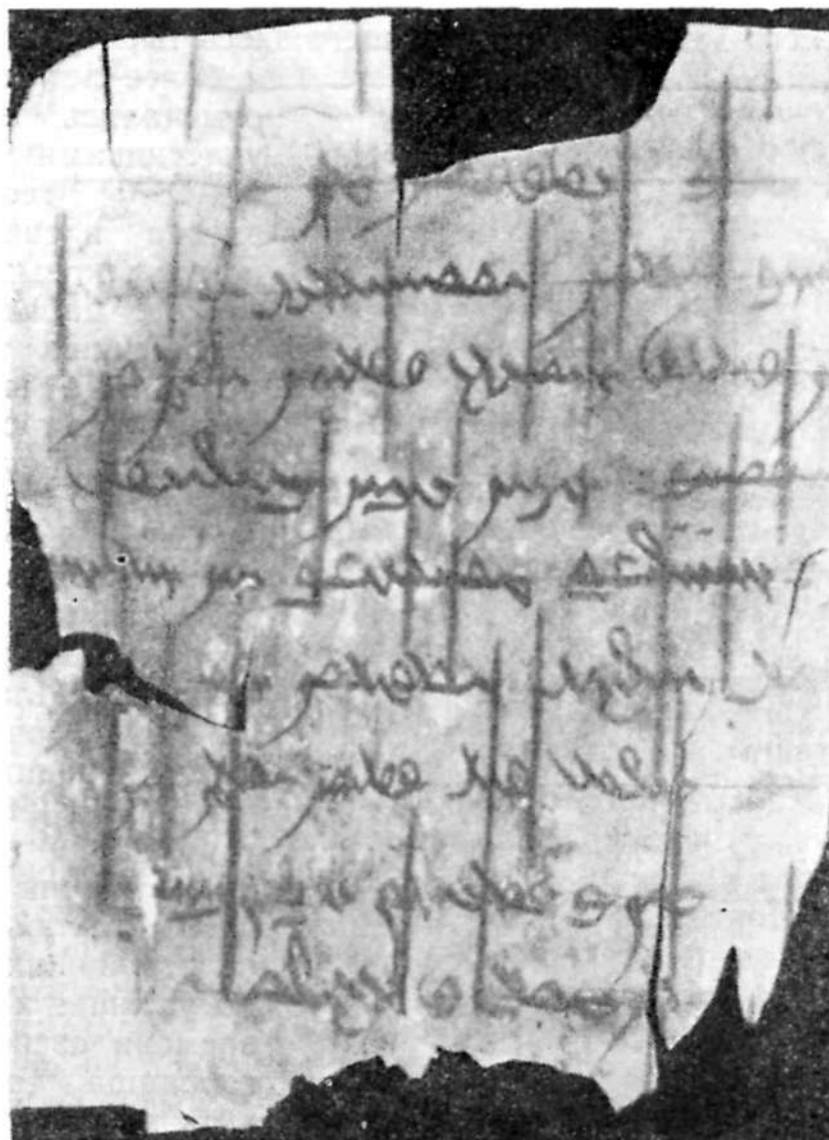

Рис. 54. Надписи на бересте из Дукентсяя.

жала одной из тайных сект, сохранявшихся в Чаткало-Карамазаре до последних столетий³⁰⁸.

---

³⁰⁷ Пустлока битилган қулёзма: «Фан ва турмуш», Ташкент, 1964, № 10, стр. 8.

³⁰⁸ М. Е. Массон, в частности, отмечает наличие неподалеку от Тункета культового пункта — Қарханы, являвшейся также местом деятельности одной из тайных сект (см.: М. Е. М а с с о н. Ахангеран, стр. 100—103).

Туккет. Крупным ремесленно-металлургическим центром Илака, по сообщению восточных географов X в., являлся Туккет.

Руины его выявлены в 12 км от Тункета под названием городища Кульата на южной окраине одноименного селения.

Следы древнего завода, действовавшего здесь тысячу, а может быть

и более лет тому назад, отмечались еще в 1928 г. участниками III Всесоюзного геологического съезда в связи с осмотром шлаковых полей восточного рабада³⁰⁹, зафиксировавших также три бессточные впадины, вероятно карстовых воронок. Детальная характеристика памятника дана М. Е. Массоном, отождествившим его с Туккетом, вторым металлургическим центром средневекового Илака³¹⁰ (рис. 55). Разведочные раскопки на городище проведены в 1961—1962 гг. автором.

Памятник расположен вдоль группы рудников, образовавших значительно усохшее к настоящему времени озеро. Площадь городища точно установить не удастся, так как часть его занята современным селением³¹¹, однако она составляет не

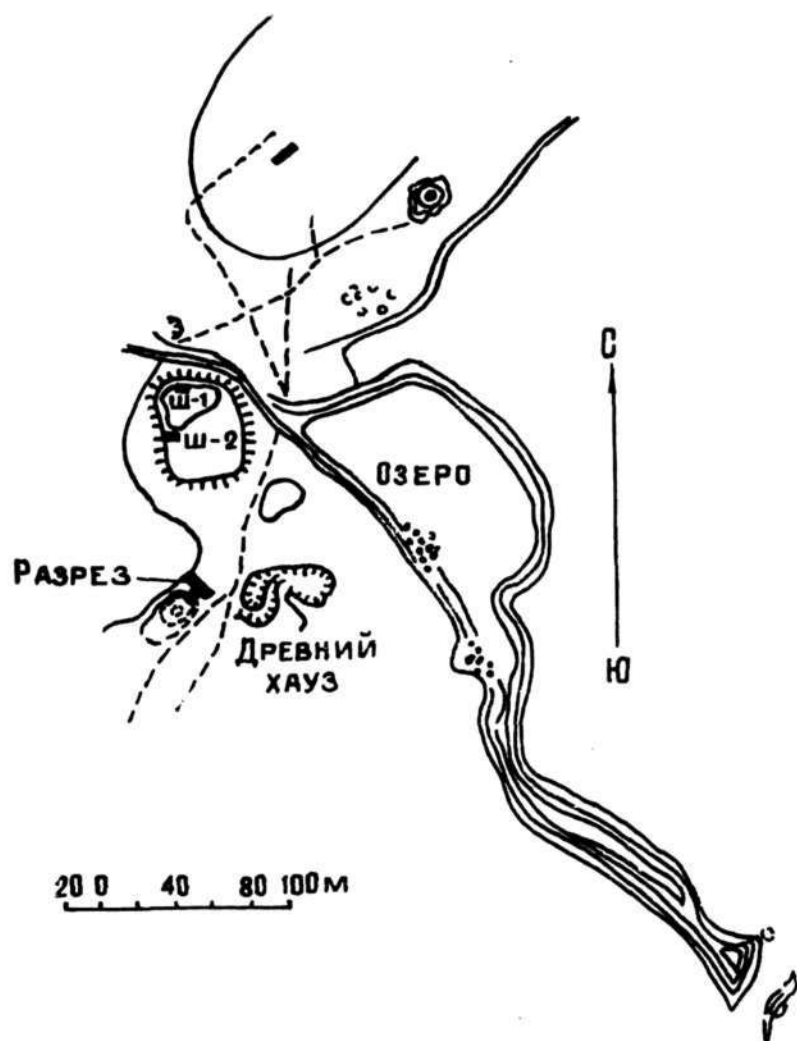

Рис. 55. Городище Кульата. План.

менее 30 га. Ядром города являлась подпрямоугольная цитадель, сохранившаяся в виде холма высотой до 10 м, на площади около 0,5 га

³⁰⁹ С. Ф. Машковцев. Горы Кара-Мазар. Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов, Л., 1928; Б. Н. Наследов. Кара-Мазар, Л., 1934, стр. 202.

³¹⁰ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 96.

³¹¹ Точные границы городища на востоке определить не удалось ввиду разрушения.

с замком-укреплением в северной части. С юга к ней примыкает всхолмление, условно относимое к шахристану, так как следов специальной оборонительной стены вокруг этой площади не обнаружено. Более пониженная площадь, обжитая в древности, прослеживается по ареалу распространения находок преимущественно к западу, северу и северо-востоку от цитадели. На северо-восток от цитадели она уходит на 250—300 м, на северо-запад — до 400 м, теряясь среди современных полей.

В северной и юго-западной части цитадели сохранились скопления металлических шлаков. Два больших шлаковых холма находились к югу и северо-востоку от цитадели, причем первый отвал составлял в диаметре 35 м при высоте 4 м. Эти скопления в 1954—1955 гг. были использованы при строительстве медной фабрики. Еще одно скопление зафиксировано в западной части городища. Задернованное в древности, оно выявилось лишь при закладке траншеи. Общий объем шлаков насчитывает более 30 тыс. т.

Исследование памятника проводилось путем зачисток, небольших раскопочных работ и историко-топографического обследования площадей, занятых современным селением. На памятнике заложено два шурфа в цитадели и разведочная борозда в восточной части, а в западной части зачищена геологическая траншея и сделан разрез шлаковых отвалов.

Шурф № 1 размером 1×1 м был заложен на северо-западном склоне цитадели, в шлаковых отвалах на глубину 1,8 м. Шурф пробил отвалы шлаков до основания. Цвет шлаков черноватый, иногда с прозеленью меди. В кроющем верхнем слое был найден фрагмент белофонного глазурованного сосуда, ниже вместе со шлаками встречены обломки неглазурованных сосудов, среди них — характерные для VII—VIII вв. сосуды, сформованные на круге медленного вращения.

Основной материал получен в стратиграфическом шурфе № 2 в западной части цитадели. Стратиграфия его следующая: до глубины 1 м расчищена стена из пахсы, вдоль которой насыпана рыхлая зеленоватая глина с зольниками. Рядом с ней на глубину 1,7 м опускается бадраб. В этом слое найдены обломки сосудов с темно-синей росписью по белому фону.

Под ними расчищена часть помещения с пахсовыми стенами, заполненная внутри серым лессом — продуктом разрушения стен. В нем встречаются фрагменты керамики с темно-зеленой поливой, жженые кирпичи размером 20×10×4 см и обломок терракотовой фигурки животного.

На глубине 1,75 м вскрыто более раннее помещение со стенами из пахсы толщиной 45 см, сохранившимися на высоту 0,4 м. В заполнении

комнаты найдены неполивные сосуды и чаша с коричневой росписью по белому фону под бесцветной поливой.

Описанная комната построена на стене, сложенной из крупноформатного сырцового кирпича размером $46 \times 23 \times 6-8$ см и сохранившейся на высоту до 0,6 м.

В верхнем слое вдоль стены еще встречается глазурованная керамика, но на уровне пола в плотном коричневом слое найдены сосуды без поливы, сформованные на гончарном круге медленного вращения. В комплексе с ними лежал диск ручной мельницы диаметром 32 см.

Под описанной стеной начинаются мощные наслоения зеленовато-серого цвета. Сопровождающий инвентарь представлен невыразительными стенками сосудов. На глубине 5,8 м расчищена стена из сырцового кирпича, размеры которого установить не удалось. С уровня 6,2 м встречен булыжник, уложенный в два слоя—фундамент стены. Его подстилают серо-зеленые рыхлые наслоения. Находки представлены неполивными сосудами, изредка украшенными полосами черной краски. Вместе с сосудами найдены гальки-терочники. Шурф опущен на глубину 7 м, но достигнуть материка не удалось, хотя, судя по микрорельефу, достигнуты ранние слои памятника.

В восточной части городища, наряду со сбором подъемного материала из разрушенных бульдозером слоев, была заложена разведочная борозда диаметром 2×7 м и в ней шурф 2×3 м, которым на глубине 4 м был достигнут материк.

Вскрыты остатки хозяйственной площадки, вероятно двора, с наслоениями из надувного лесса и зольно-мусорных отложений, в которых найдены фрагменты кувшинов, изготовленных на гончарном круге быстрого вращения, большое количество обломков прекрасных глазурованных сосудов, покрытых под бесцветной поливой по белому фону полихромным геометрическим, растительным или эпиграфическим орнаментом. Судя по материалу, территория эта интенсивно обживалась в основном в X и частично в XI вв. Весь культурный слой мощностью 4 м относится именно к этому времени.

Несколько иную картину показали работы в юго-западной части города, где также отмечалось скопление металлических шлаков. Здесь была зачищена и частично доведена до материка геологическая траншея длиной 18,5 м. Культурный слой в этой части городища равен 2,4 м. В разрезе встречены глинобитные стены комнат, обломки хумов, кувшинов, котлов, кости животных и остатки очагов. Немногочисленная глазурованная керамика представлена в основном сосудами зеленой глазури.

От траншеи проведен поперечный разрез шлакового отвала. Длина разреза 8,5 м, ширина 1 м, глубина 2,5 м. В разрезе расчищена часть помещения с булыжным фундаментом и глинобитными стенами. Внутри

найлены венчики хумов, горшков, изготовленных на гончарном круге быстрого вращения, крышки сосудов. Керамика в основном неполиванная, характерная для X—XII вв. Здесь же встречены куски металлических шлаков. Помещение кончается на глубине 1,5 м.

Ниже метровый слой содержал материал иного типа. Среди мощных зольников здесь найдены груболепные сосуды, витая ручка горшка, груболепные стенки кувшинов с потеками черной, темно-коричневой краски. Несколько находок было сделано при топографическом наблюдении в жилой части современного селения западнее памятника. В 50 м от цитадели найдена краснолощенная хумча. В 315 м к северо-западу от цитадели во дворе колхозника Абдукадырова на глубине 20—25 см обнаружен хум высотой 95 см с прямоугольно-вытянутым наружу венчиком (диаметр устья 27 см), четко выделенной горловиной, широким (диаметром до 1 м) туловом и плоским дном. Эти находки расширяют площадь обживания городища в западном направлении.

В результате работ собран разнообразный комплекс находок, проливающий свет на историю города.

Самые ранние материалы представлены в нижних слоях шурфа и разрезе западной траншеи — это тонкостенные и среднестенные сосуды горшкообразной формы со слабо выделенной закраиной, сформованные от руки иногда очень грубо. Снаружи они покрывались серо-зеленоватым ангобом, а иногда раскрашивались полосами черной краски. Интересна витая ручка котла. Подобный материал широко известен по материалам каунчинской культуры. Характерно, что и на Кульата он встречается в рыхлых наслоениях зеленого цвета с мощными зольниками. Датировка его может быть отнесена к середине I тысячелетия н. э.

Материал последующего периода встречен в шурфах № 1 и 2 и в подъемном материале к западу от цитадели. Он представлен неполиванными сосудами красноватой глины, сформованными на гончарном круге медленного вращения. Хумча яйцевидной формы с утолщенным венчиком и невыделенной горловиной. Высота сосуда 70 см, диаметр устья и донца 30 см. Снаружи — красное лощение.

Более широко распространены кувшины высотой 20—24 см с широким устьем, изредка утяжеленным к донцу туловом и вертикальной ручкой. Некоторые из них покрывались полосами красной или черной краски. Описанная керамика характерна для VI—VIII вв. Ареал ее распространения свидетельствует о широком обживании памятника в это время, а находка ее вместе со шлаками — о развитии в VI—VIII вв. металлургического ремесла в цитадели города.

В цитадели, шахристане и пригородах исключительно обильно представлен материал IX—начала XI вв. В основном это керамика, даже неполивные хумы и котлы целиком изготовлены на гончарном круге.

Хумы изготовлены из плотно отмученной глины, хорошо обожжены, черепок кирпично-красного цвета. Утолщенный венчик округлый или слегка отогнут наружу, горловина обязательно выделенная, часто в виде цилиндрического пояса, тулово широкое, донце небольшое, обычно равное устью. Высота сосудов достигает 1 м.

Хумча в миниатюре повторяют абрис хумов и отличаются лишь конической постановкой горловины и иногда формой венчика.

Корчаги имеют шаровидное тулово и устойчивое дно. Венчик поставлен прямо, уплощен, а иногда под прямым углом отогнут наружу. Если в предшествующий период крупные сосуды почти не украшались, то некоторые сосуды слоя X в. орнаментированы зубчатой линией по верху венчика, валиком-налепом под венчиком, волнистой линией по горловине.

Котлы также сформованы на гончарном круге из глины, иногда с шамотом, черепок плотный, встречается даже пережженный, форма шаровидная с отогнутым наружу профилированным венчиком.

Широко распространены крышки. Преобладает форма плоской тарелки с округлым донцем и ручкой в центре или в форме перевернутой тарелки также с ручкой-налепом в виде цилиндра с расширяющейся вершиной (рис. 56, 3, 8, 9). В зависимости от формы, выпуклая или вогнутая внешняя сторона крышки покрывалась процарапанным или штампованным орнаментом. Элементы декора: концентрический зубчатый орнамент, волны, линии, иногда пояса орнамента, идущие от края крышки к центру. Некоторые крышки закопчены изнутри. Создается впечатление, что ими закрывались жаровни или очаг.

Плоские крышечки встречаются реже. Поверхность их также орнаментирована зубчатым орнаментом. В этом же слое встречен массивный дисковидный столик на ножках с опущенным вниз бортиком. Диаметр его более 60 см, толщина 3 см, высота ножки 6 см.

Среди находок преобладает глазурованная керамика, полученная в рабаде, шурфе № 2 и подъемном материале. Она сформована из тонко отмученной, хорошо обожженной глины на гончарном круге быстрого вращения, черепок в изломе плотный, красно-коричневого цвета.

Все сосуды, за исключением одного, представлены открытыми формами. Это большие блюда типа лагана с конически сужающимися к донцу стенками и диаметром устья до 35 см, чаши, повторяющие в миниатюре лаганы (рис. 56, 10, 14) или с более вертикально поставленными стенками и резким перегибом стенки у поддона. Донце имеет плоско выступающий или кольцевой поддон.

Третья форма — пиалы и переходные к ним формы чаш с конически суженными стенками и кольцевым поддоном. Закрытая форма представлена частью кувшинчика, покрытого снаружи глазурью и укра-

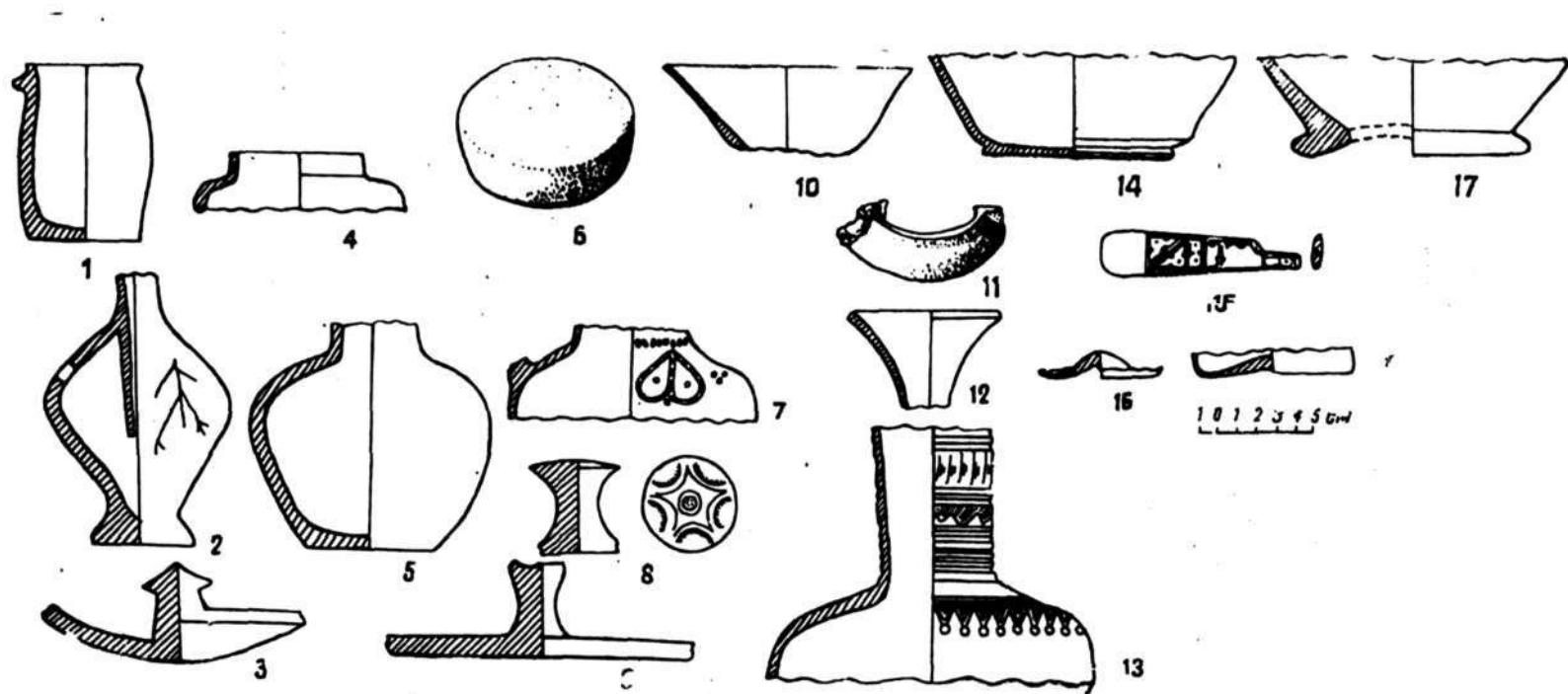

Рис. 56. Кульгата. Изделия из керамики, кости, стекла и камня IX—начала XI вв

шенного заключенным между двумя линиями поясом орнамента в виде перлов со стилизованными цветами внутри.

Сосуды открытых форм украшались только внутри (рис. 57). Орнаментация их красочна и разнообразна. Узор и монохромный (пре-

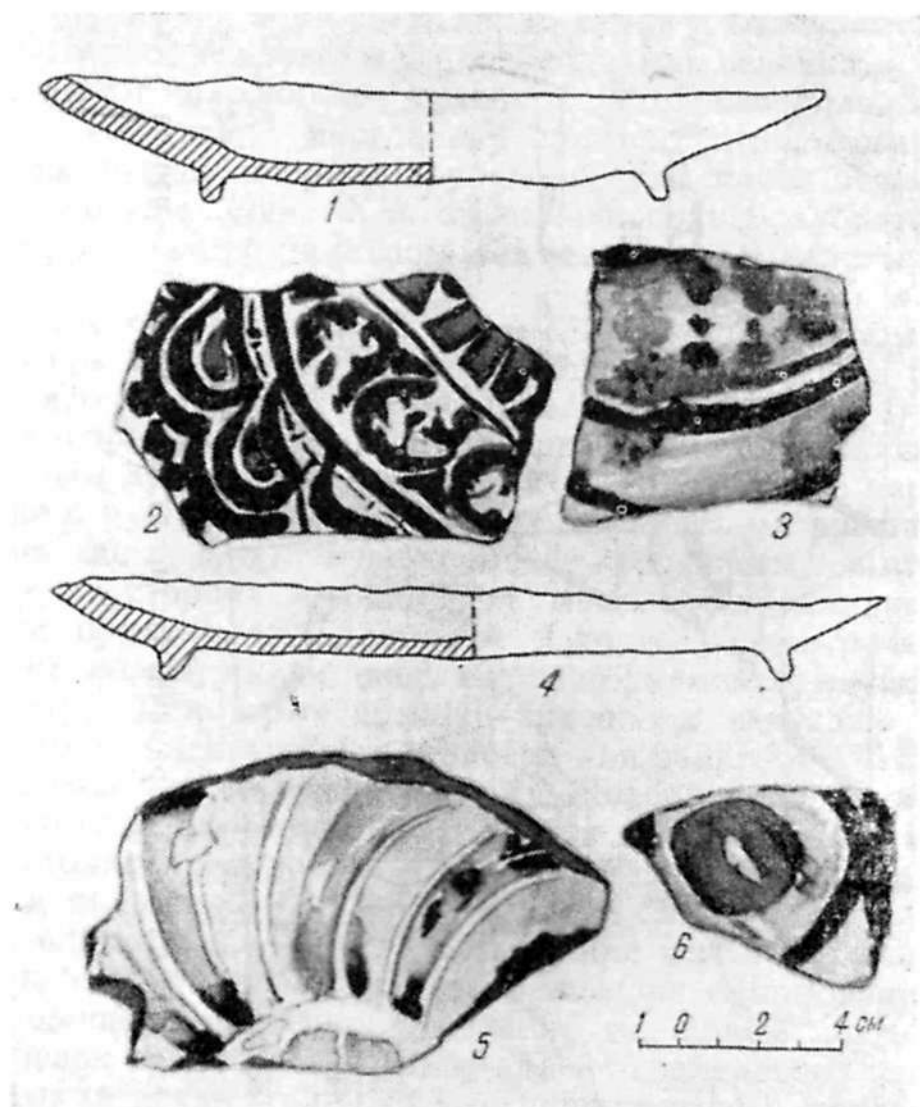

Рис. 57. Кульбата. Глазурованная керамика начала XI в.

имущественно коричневый и болотно-зеленый), и полихромный (коричневый с красным и зелено-голубым, желто-зеленый, «болотного» цвета с коричневым и красным) наносился на белую основу ангобы и покрывался бесцветной свинцовой поливой.

Композиции рисунков различны. Условно их можно свести к трем группам:

1) в центре донца или на стенке нанесен лишь один растительный завиток или благопожелание, ярко выделявшееся на снежно-белом поле сосуда;

2) разнообразный орнамент располагается горизонтальными поясами (преимущественно эпиграфический и геометрический орнамент);

3) композиция рисунка строится вертикально от центра донца к краям.

Иногда второй и третий тип композиции комбинировались. Наиболее густо покрывались орнаментом чаши среднего размера. Мотивы орнамента в основном следующие:

а) от центра к венчику тянутся четыре коричневых сердцеобразных знака, обвитых у основания лентами; поле внутри и между знаками покрыто зелеными пятнами, красно-коричневыми завитками и «гравировкой»;

б) вариантом этого типа можно считать роспись зелено-болотного цвета; мотивы — тянутые вертикальные сплетения «узлов и завитков», листочки или сердцеобразные фигурки, гравировка выполнены либо точками этого же цвета, либо красно-коричневыми линиями;

в) иногда донная часть обводится ярким кольцом, от которого поднимаются пучки листьев или полос, чаще она заполняется фигурками, покрытыми гравировкой.

Широко применена концентрическая композиция:

а) основной рисунок выполнен густой темно-коричневой краской; донце украшено сплошным стилизованным растительным орнаментом или вихревой розеткой густо-коричневого цвета; выше начинается пояс либо надписи, либо растительных завитков, иногда пояса отделяются один от другого яркими красно-коричневыми полосами, орнаментированными завитками и кружочками; орнамент исполнен резервом (рис. 57, 2);

б) сложный растительный рисунок выполнен болотно-зеленой глиной с применением в разделяющем кольце волн бордюра темной или ярко-коричневой краски.

Орнамент, располагающийся концентрически, представлен мало связанными единой композицией геометрическими фигурками коричневого цвета.

Орнамент и радиальный, и концентрический, наплывы расплывающимися красками, переходящими одна в другую — полосы, завитки, пятна (рис. 57, 3, 5, 6). Краски зеленоватые, голубоватые, желтовато-болотного цвета.

Надписи и нечитаемый эпиграфический орнамент выступают в качестве самостоятельного украшения сосуда или комбинируются с другими мотивами.

По стилю можно выделить надписи почерком куфи (сохранились лишь фрагменты слов) с применением диакритических знаков, цветущий куфи с завершением букв пальметтами, керамический курсив, стилизованный эпиграфический орнамент.

Из благопожеланий самым излюбленным словом было «ал-йумн». Оно наносилось керамическим курсивом в верхней части венчика в виде четырех групп, состоящих из нескольких повторений этого слова, либо в центре донца. Буквы тянутые, линии толстые, часто с поперечной полоской. Иногда края обводились каймой другого цвета. Надписи подобного начертания встречались в долине Ахангарана в комплексе керамики конца X—начала XI вв.³¹²

Широко представлены фрагменты с нечитаемым эпиграфическим орнаментом широко распространенной формы в виде твердого знака в квадрате из черточек³¹³.

Из других благопожеланий, обычно в центре дна больших чаш или лаганов, встречено *الْبَرَكَه* — «барака».

Чираги комплекса преимущественно глазурованные. Они имеют цилиндрический резервуар с округлыми переходами к донцу и венчику, иногда сверху проходит утолщенный валик с легким загибом внутрь. Напротив носика — кольцевая ручка. Орнамент преобладает следующий: по белому фону — коричневая роспись с покрытием бесцветной поливой, но есть экземпляр, покрытый коричневой глазурью с полосами черного подглазурного орнамента. К чирагам примыкает неполивной светильник с округлым туловом и закрытым устьем и венчиком, обведенным зубчатым «воротничком». Асимметрично посаженный носик тщательно подрезан, тулово залощено, сверху — легкий, вероятно, случайный мазок зеленой поливы.

Из других находок этого комплекса следует отметить оруденевшие обломки железного ножа, нечитаемую медную монету X—начала XI вв., каменное лощило — гальку толщиной 6 см и диаметром 5 см, обломок жернова ручной мельницы диаметром 32 см, часть железного кольца диаметром 3,5 см, деталь уздечки.

Среди стеклянных изделий преобладают сосуды прозрачного зеленоватого стекла, но есть экземпляры и желто-зеленого, дымчато-синего и почти черного стекла. Можно выделить следующие формы: донце бутылеобразного сосуда с вогнутым поддоном и следами подрезки понтии, плоское дно сосуда типа графина (диаметром 10 см, рис. 56, 16, 18), чашечка дымчатого стекла, имеющая небольшое донце с округлым пере-

³¹² Ю. Ф. Буряков. Надписи на глазурованных сосудах Тункета, сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1963, стр. 127, рис. 2, 4.

³¹³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, вып. 26, М.—Л., 1952, стр. 163. Подобный орнамент известен в керамике Ногайкурмана, хранящейся в Музее истории народов Узбекистана.

ходом к конически расширяющимся стенкам. Венчик образован сдвоенной закраиной. Чашечки аналогичной формы встречены в Абрлыге. Вероятно, такому же сосуду принадлежит венчик черного слящегося стекла с горизонтальными жгутиками.

Интересен фрагмент невысокого приземистого сосуда, копирующего керамические широкогорлые горшочки, стенки сосудов, покрытых сплошным каплевидным или «ячеистым» орнаментом, образованным выдуванием в форму. Есть несколько ручек стеклянных кувшинов.

Особо следует отметить часть диска черного стекла со сдвоенной полостью внутри закраиной. Подобные диски принимали за части оконного стекла, однако находка в Абрлыге фрагмента хорошей сохранности показала, что это форма венчиков сосудов. Данный диск является частью венчика сосуда, так как стенка его опускается полого вниз. Диаметр устья 17 см.

Стеклянные изделия города находят аналогии в Тункете и Абрлыге³¹⁴, а за пределами области — в Хорезме³¹⁵, Хульбуке³¹⁶, Самарканде³¹⁷.

Поливная керамика следующего периода представлена узкогорлым одноручным кувшинчиком на плоском поддоне, верхняя половина которого покрыта по серому ангобу мутно-зеленой поливой с подглазурным орнаментом в виде завитка густо-зеленого и коричневого цвета, чирагом с граненым резервуаром и ручкой с бантиком, украшенным штампованным орнаментом. Светильник покрыт желто-зеленой поливой. Подобной формы чираги встречены в материале замка Актепе под Ташкентом³¹⁸, Улькантойтепа³¹⁹, Калаиболо³²⁰ и могут считаться характерными для второй половины XI—начала XIII вв.

В этот период продолжают бытовать хумы с выделенной горловиной, крышки тарелковидной формы со штампованным орнаментом в виде миндалин или перлов.

---

³¹⁴ Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы к истории Тункета и Абрлыга, стр. 112—115, 139—145.

³¹⁵ С. А. Трудновская. Стекло городища Шах-Сенем, сб. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг.», М., 1918, стр. 423—425.

³¹⁶ Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук, Известия АН ТаджССР, 1961, № 7 (27).

³¹⁷ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 60—63.

³¹⁸ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды ИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 111.

³¹⁹ Ю. Ф. Буряков. Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 140, табл. 6; Ю. Ф. Буряков. Новые археологические данные о городище Улькантойтепе, стр. 254, табл. 2—7.

³²⁰ Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-боло (из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг., МИА, вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 89.

Интересен сероглиняный сосуд из тонко отмученной глины со штампованным орнаментом, сформованный в калыбе. Подобная техника изготовления характерна преимущественно для XI—начала XIII вв.

В шурфе № 2 найдено несколько фрагментов керамики с черной росписью по темно-синему фону, характерных для конца XIII—начала XIV вв. В верхних слоях на этой же площади обнаружены обломки керамики с синей росписью по белому фону и глазурью с многочисленными трещинами. Кроме стенок открытых сосудов, комплекс включает целый светильник с высоким, почти полностью закрытым резервуаром, рифленым орнаментом верхней части тулова, покрытым голубовато-белой глазурью с трещинами «кракле». Этот комплекс характерен для тимуридского времени.

Полученный материал позволяет наметить некоторые этапы истории города. Начальные периоды его жизни сближаются с историей сложения столицы области и, вероятно, вызваны одними и теми же социально-экономическими причинами.

Поселение возникло здесь в середине I тысячелетия н. э. в пору становления феодализма. Первоначальная площадь города невелика. Ядром его являлась территория будущей цитадели, расположенная вдоль протока, питавшегося родниками. Со второй половины I тысячелетия началось расширение его территории на юго-запад. В это время формировалась возвышенная часть — цитадель города. Для обеспечения городка водой на базе родниковых вод создано искусственное озеро. С этим же периодом связывается начало функционирования ремесленных комплексов, в частности металлургических мастерских, которые примыкают к цитадели с северо-востока. Формированию поселения в городок способствовали, на наш взгляд, в первую очередь близость к древним горно-рудным районам и развитие на базе их сырья металлургии. Не следует забывать, что Туккет стоял на пути от места переправы через Сырдарью в глубь рудных районов и к столице области.

Этот же фактор, на наш взгляд, способствовал быстрому развитию города в IX—X вв.

Туккет в составе государства Саманидов превратился в один из городов области, достойных упоминания географами и путешественниками, причем в Худуд-ал Аleme он отмечался как городок с большим достоянием.

Наблюдения показывают, что в это время широко обживались площади к юго-западу, северу и северо-востоку от цитадели. Эти данные совпадают с указанием М. Е. Массона о том, что город занимал почти всю площадь современного верхнего кишлака Кульата, участок к юго-западу от тепе, а также территорию «старого кишлака», развалины которого расположены к востоку от цитадели³²¹.

³²¹ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 95.

В связи с ростом городского поселения в северо-восточной и юго-западной части шахристана были созданы хаузы-водоемы. В подъемном материале этого времени отмечается большое количество глазурованной керамики, стеклянных изделий, бус. Выросли ремесленные кварталы Туккета. Со второй половины IX в. металлургические мастерские были передвинуты из цитадели на обширную площадь на северо-востоке шахристана, где они интенсивно функционировали и в X — начале XI вв.

В X в. появились новые металлургические мастерские и в юго-западной части города. Объем работ в это время был относительно велик. Б. Н. Наследов, учитывавший лишь отвалы в цитадели и северо-восточной части городища, определил объем работ в 15 тыс. т³²². Если учесть, что уже в это время начали функционировать мастерские в юго-западной части, то цифра эта возрастает еще больше.

Анализ шлаков (по С. Ф. Машковцеву) дал следующее содержание основных металлов³²³ в %:

<i>Металл</i>	<i>1 отвал</i>	<i>2 отвал</i>
Свинец	1,33	1,17
Цинк	0,61	1,16
Медь	1,17	1,67

По опробованию Д. М. Богдановича, в шлаках содержится золото и до 14 г/т серебра³²⁴.

Более полный анализ был проведен в лаборатории Узглавгеологии и Ташкентской ГСП³²⁵. Анализ показал, что в качестве сырья использовалась полиметаллическая руда, содержащая медь, свинец, серебро и даже золото. Таким образом, в саманидское время Туккет являлся (в пределах области) одним из значительных пунктов по переплавке и, вероятно, обработке полиметаллических руд. Сырье разнообразно и определенное месторождение определить трудно. Вероятно, сюда поступала руда не из одного, а из многих пунктов, так как X—XI вв. характеризуются сокращением мелких пунктов плавки и концентрацией металлургического производства в городах или больших поселениях. В целом сырье могло поступать из Алтынтопкана, Канджоло-Табошарского района, Кургашиканка.

³²² Б. Н. Наследов. Кара-мазар, стр. 202. У М. Е. Массона приводится объем в 5000 м³ (см.: М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 96).

³²³ С. Ф. Машковцев. Горы Кара-мазар. Путеводитель III Всесоюзного съезда геологов, стр. 9.

³²⁴ Сб. «Алмалык», Материалы к плану пятилетки, Ташкент, 1933.

³²⁵ Первый анализ был сделан в Ташкентской ГСП, остальные — в Узглавгеологии.

В XI—XII вв. в плане города произошли некоторые изменения. Во-первых, сократилась общая территория. В частности, уже не обживалась столь интенсивно северо-восточная часть рабада. Материалы XII в. здесь очень редки, возможно случайны. Перестали функционировать металлургические печи в восточном рабаде, произошло полное перемещение квартала металлургов на юго-западную окраину города.

Находки свидетельствуют о страшной бедности обитателей: глинобитные стены жилищ тонкие, предметы быта и посуда очень грубы и просты. Вероятно, политические события, которые привели к сокращению горного дела в прилегающем районе, отрицательно отразились на развитии металлургии, а последнее — на общей жизни города.

Монгольское завоевание в начале XIII в. привело к временному запустению, после чего, судя по материалу XIV—XV вв., обживалась центральная часть города. Одновременно происходило постепенное передвижение жилых кварталов на северо-запад. Небольшое селение, оставшееся от городка, с перерывами, во время которых было утеряно название города, дошло до нашего времени.

Бискет. К югу и юго-западу от Нукета древними географами упоминается ряд городов, некоторые из которых играли важную роль на пути в Фергану через Мурзарабадскую степь. К числу таких городов относится Бискет, который В. В. Бартольд считал возможным локализовать на месте современного Пскента³²⁶. Находки древних предметов на окраинах Пскента отмечались в начале нашего столетия³²⁷. Локализация Бискета была принята обследовавшим район М. Е. Массоном³²⁸. В 1963 г. нами была проведена съемка плана древнейшей части города и собран дополнительный материал по его истории.

На территории Пскента и вокруг него встречается огромное количество погребальных курганов, в сопровождающем инвентаре которых встречается керамика каунчинского типа. Но самое древнее ядро оседлой жизни — холм Пушти-Махмуд (Боло-Пушти) пока дает материалы лишь начиная со второй половины I тысячелетия н. э. Холм расположен к востоку от современного селения и функционирует ныне как кладбище (рис. 58).

Холм площадью около 6 га с возвышенной башней на востоке и формой в виде неправильного овала, вытянутого с юга на север, сильно обрезан оврагами глубиной от 6—8 до 20 м. За границами оврага сохранились обжитые в древности площади. Возможно, некоторые овраги являлись древними рвами, разделявшими городские территории. Общая обжитая территория превышает 10 га. Частые находки при рытье мо-

³²⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 231.

³²⁷ «Холм Пушти-Махмуд-тепе возле Пскента», Туркестанские ведомости, 1906, № 53.

³²⁸ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 64—66.

гильных ям керамики, монет, украшений, бытовых предметов породили у местного населения легенду о хранившихся здесь сокровищах, охраняемых, по одной версии, драконом, по другой — дочерьми правителя Пушти-Махмуда, ошибочно обратившего против них свое коварство.

Рис. 58. Городище Пушти-Махмуд в Пскенте. План.

Самый ранний материал, найденный нами на Пушти-Махмуде, представлен фрагментами неполивных кувшинов, сформованных на гончарном круге медленного вращения и украшенных полосами и потеками красно-коричневой краски. Эти сосуды характерны для Илака VI—VII вв. Основной комплекс находок принадлежит X—XII вв. Это венчики хумов со штампованным орнаментом, котел шаровидной формы с ручками-полулуниями, чаши и горшки, покрытые коричневой росписью под белым ангобом, а чаще темно-зеленой поливой с имитацией надписи, растекающимися голубыми полосами или голубоватыми пятнами в черных квадратах.

Материал последующего времени обнаруживается к западу от древнего ядра и свидетельствует о передвижении города со времени монгольского завоевания. Здесь найдены фрагменты сосудов с голубой росписью по белому фону, характерной для XIV—XVI вв. Еще западнее на окраинах селения встречается посуда XVIII—XIX вв.

Не исключено, что дальнейшими исследованиями здесь будут выделены более древние слои, так как курганы и наусы Пскентского плато дают материал середины I тысячелетия н. э. В настоящее время мы можем твердо говорить о наличии здесь поселения в VI—VII вв.

Располагаясь на торговом пути Чач—Фергана, оно переросло в городок, носивший в X в. название Бискет. Бискет, значительно меньше других городов Илака, связанных с металлургией, развивался не только в IX—X вв., но и в XI—XII вв., когда захирели некоторые города на этом пути.

Монгольское завоевание, вероятно, привело город в запустение, после чего жизнь возобновилась на территории к западу от древнего города, причем, сохраняя старое название, он уменьшился до размеров селения. Ядром Бискета этого времени, вероятно, следует считать территорию махалля Базарбаши, Искиурда и Сакко, за которыми располагается крупное старинное кладбище. Город входил в состав летовки и пунктов военных столкновений монгол, тимуридов, узбекских ханов. Его окрестности упоминаются Бабуром как место встречи в 1501 г. войск Султан-Махмуд хана с мятежным феодалом Танбалом³²⁹.

В середине зимы 1501 г. окрестности Пскента были разграблены Шейбани-ханом, несколько позже здесь проводил смотр войск Султан-Махмуд, готовивший новый поход против Танбала³³⁰.

В XVI в. окрестности Пскента неоднократно упоминаются в качестве одного из излюбленных мест летовок узбекских правителей Ташкентского удела³³¹.

В «Абдулланамэ» сообщается, что Пскент вместе со своей округой одно время составлял сургал Назарбия из узбекского племени карлуков³³².

В 1579 г. Пскент захватил отряд Баба-Султана, но вскоре оставляет его в связи с подходом из Бухары Абдулла-хана.

По сообщению автора рукописи конца XVII в. — Ходжи Самандара Термези, при Субханкули-хане в Пскенте, названном автором Бишкет, было поднято восстание Уруссултана. В высокопарных выражениях

---

³²⁹ Бабур-намэ. Записки Бабура, Ташкент, 1958, стр. 110.

³³⁰ Там же, стр. 114—115.

³³¹ Л. Н. Болдырев. Зайнутдин Васифи, Сталинабад, 1957, стр. 209.

³³² П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 26.

автор отмечает прочность стен крепости, входившей в состав Ташкентского владения ³³³.

В конце XVII—начале XVIII вв. в жизни Пскента произошел кризис, преодолеть который удастся лишь в конце XVIII в. Это прослеживается и топографически. Мы можем констатировать новый сдвиг селения на запад.

В составе Кокандского ханства Пскент был вновь обнесен крепостной стеной с четырьмя воротами, сохранившейся до времени взятия города царскими войсками в 1865 г. ³³⁴

Самсирек. Среди крупных памятников к юго-западу от Бискета наиболее грандиозны руины городища в Буке, описанные М. Е. Массоном и отождествленные им с Самсиреком ³³⁵.

Ядро древнего Самсирека поднимается в виде громадного холма высотой более 20 м и площадью более 6 га, напоминая в основе городище античного времени. В обрезах встречаются кладки из крупного сырцового кирпича размерами преимущественно 44—48×22—26×10—12 см, характерного для поры раннего феодализма. В большом количестве сохранились жженые кирпичи размером 32×16×3—4 см, 24×24×4 см, относящиеся к периодам от XI—XII вв. до поры позднего феодализма. На поверхности и в обрезах в изобилии встречены обломки керамики, стекла.

Собранный материал показывает, что памятник имеет сложное строение. Город основан, судя по подъемному материалу, почти два тысячелетия тому назад. Очень широко представлен материал X—XII вв., но есть и более поздний, вплоть до XIX в. Детальное освещение памятника возможно лишь при крупных раскопках, которые совершенно не проводились. Территория шахристана в настоящее время сильно разрушена в связи с закладкой на нем монументального памятника воинам-букинцам — участникам Великой Отечественной войны. Закладка памятника проведена без археологического надзора.

Некоторые данные для характеристики материальной культуры средневекового Самсирека могут дать материалы окружавших его феодальных усадеб. Одна из них была частично изучена при наблюдении за строительными работами на северо-восточной окраине Самсирека.

Хас. Среди небольших городов Илака, которые обычно даются восточными географами без описания и указания их местонахождения.

---

³³³ Ходжа Самандар Термези. Дастур ал Мулук, М., 1971, стр. 122—123.

³³⁴ По сведениям М. Е. Массона (см.: М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 66), северные ворота назывались Ташкентдарваза, восточные — Кереучидарваза, южные — Чукуррекдарваза и западные — Бекабаддарваза. Названия отражают основные направления экономических связей Пскента.

³³⁵ М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 115—117.

упоминается город Хас или Хаш³³⁶. Автор «Худуд-ал Алама» относит его к городам с малым числом жителей и большим количеством невоз-

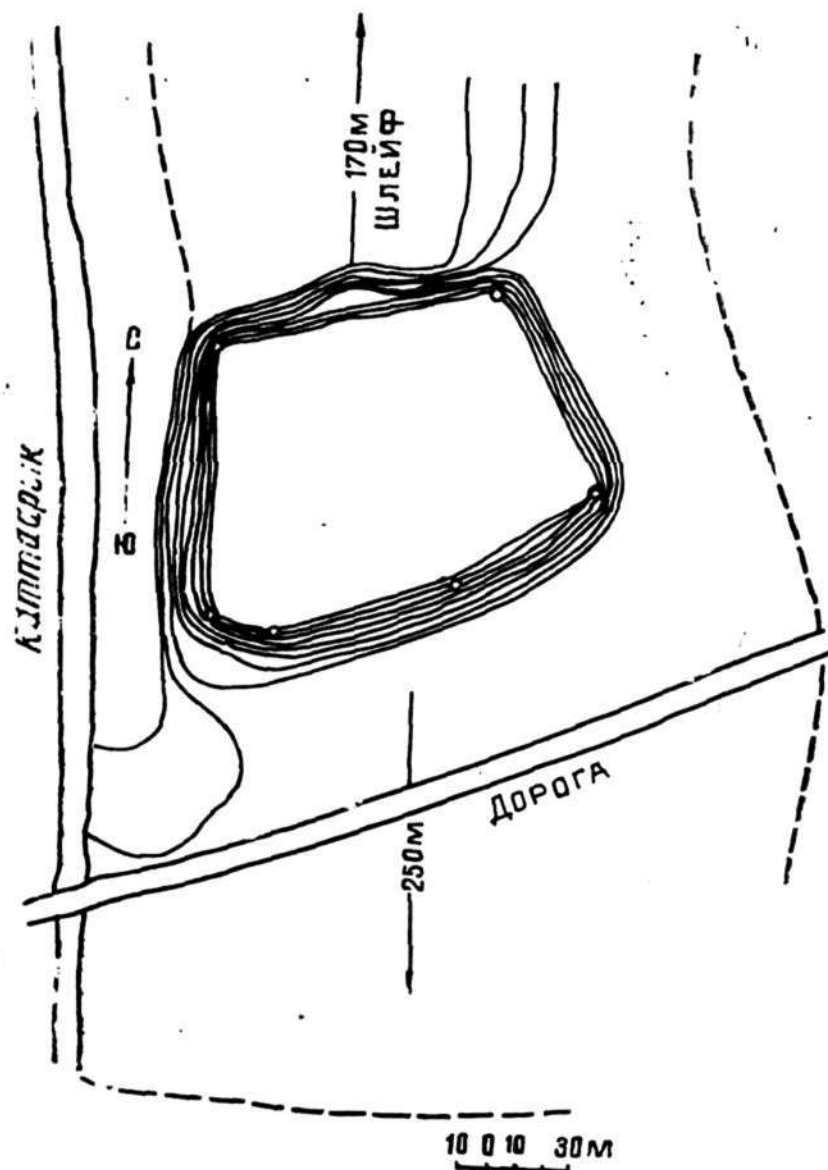

Рис. 59. Дальверзинтепе. План.

деланных и занятых пашнями земельных угодий с редким населением³³⁷. Вопрос о местонахождении города вызвал разногласия. Ле Стрендж сделал попытку поместить его в горах Илака вблизи серебряных руд-

³³⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 231; М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 38; Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 23.

³³⁷ Hudud al-'Alam..., p. 177.

ников на границе с Ферганой³³⁸, что было справедливо отвергнуто последующими исследователями.

Некоторые данные о локализации города дали позднейшие источники. Так, Бабур, выступив в 1501 г. против разграбившего Бенакет Шейбани-хана, перешел реку Ходженд напротив Хаса³³⁹.

М. Е. Массон отмечал, что Хас следует искать в юго-западной части Илака, но без производства археологических работ определить положение города невозможно. Руины единственного городища под названием Дальверзинтепе были обнаружены в с. Джумабазар³⁴⁰. Ядро города — цитадель пятиугольной формы высотой более 10 м и площадью около 1 га со специальным укреплением в северной части (рис. 59). Шахристан сохранился неполностью, размеры его примерно 525×200×250 м. Среди находок следует отметить дальверзинский клад из 14 медных монет из коллекции Б. Н. Кастальского³⁴¹. На аверсе монет — изображение портрета правителя влево, на реверсе — тамга. Монеты аналогичны находкам нижних слоев Бенакета и Харашкета.

Большим количеством представлены находки X—XII вв., включающие керамику, обломки жженого кирпича, медные монеты. Следует отметить и клад караханидских монет начала XI в., найденный М. Е. Массоном. Встречаются материалы XIV—XV вв.³⁴²

Находки медных монет первых веков н. э. позволяют считать, что перед нами один из древнейших городских пунктов Илака, возможно, связанный с переправой через Сырдарью в районы Ферганы и Усрушаны. Расцвет жизни города относится к X—XII в., но функционировал он и в последующие столетия вплоть до последних веков, когда передвижение русла Сырдарьи привело к тому, что он остался в стороне от реки.

---

³³⁸ Le Strange G. The Lands of Eastern Caliphate. Cambridge, 1930, p. 483.

³³⁹ Бабур-намэ, стр. 114.

³⁴⁰ Э. Ю. Бурякова. О локализации средневекового Хаса, сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 46—48.

³⁴¹ 13 монет хранятся в Государственном музее истории культуры и искусств УзССР г. Самарканда (инв. № 10195—10208) и 1 монета — в Музее истории народов Узбекистана (инв. № Н $\frac{136}{57}$).

³⁴² М. Е. Массон. Ахангеран, стр. 32.

НЕОТОЖДЕСТВЛЕННЫЕ ГОРОДА ОАЗИСА

Детальное археологическое обследование области в сочетании с исследованием исторических сведений, несмотря на скудость последних, дает возможность локализовать значительную часть городских пунктов Ташкентского оазиса. Перечень отождествленных объектов, сведенных в специальную таблицу, включает 34 города (табл. 4). Кроме них источники упоминают города Ашбингу, Канкарак, Калашджак, Гардженд, Ганнадж, Вардук, Гадранк, Джабузан, Газак, Кадак, Накалик, Бишкас, Барскас, Анузкат, Албикас, Кабашкас, Дихкуран, Фардкаш, Аджих, Дарва, Теллуш, Хумрак.

Невозможность их локализации объясняется рядом причин: сведения средневековых источников о городах очень кратки и не всегда точны. Некоторые из них, вероятно, не являлись в полном смысле городами, так как ряд городов приведен лишь у Мукаддаси, но не упоминается остальными географами.

Интересны названия некоторых пунктов, например Дихкуран³⁴³. Возможно, он являлся скорее укрепленным поселением, чем городом. Противоречивы сведения и о Гузкерде (или Гаркерде). Мукаддаси приводит его в числе городов³⁴⁴, а Истахри упоминает его на дороге из Бинкета в Исфиджаб и прямо называет его селением³⁴⁵.

Некоторые городки можно локализовать приблизительно. Так, упоминавшийся выше Гузкерд или Гаркерд локализуется севернее р. Келес по дороге в Исфиджаб.

---

³⁴³ Мукаддаси. BGA, III, p. 265.

³⁴⁴ Мукаддаси. BGA, III, p. 265.

³⁴⁵ Истахри. BGA, II, p. 337. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич локализируют Гаркерд на месте городища Шарапхана в верховьях р. Келес, на правом берегу (см.: Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, стр. 146.

Истахри упоминает городок Канкарак, который «находится на реке Фарак, неподалеку от Худайнкета, на расстоянии одного фарсаха»³⁴⁶. Худайнкет отождествлен нами с городищем Аккурган. Ниже по реке располагался Харашкет. Вероятно, Канкарак следует искать выше по руслу Ахангарана в районе Алимкента. Однако памятники городского типа здесь пока не обнаружены.

В Илаке вместе с Бискетом и Самсиреком географами X в. упоминается городок Хумрак (Хумбарак). При локализации Самсирека М. Е. Массон отмечал, что все три города располагались друг от друга примерно на расстоянии 12 км. Из того, что Хумрак упомянут в перечне последним, можно заключить, что он располагался дальше Самсирека близ чачско-илакской границы³⁴⁷. В таком случае его следует поместить ниже по течению «реки Илака».

Здесь, примерно в 15 км от Буки, на берегу реки, среди цепочки замков, ведущих от Сырдарьи, выявлены руины средневекового городка — тепе в совхозе Мичурина в виде довольно мощной крепости площадью более 12 га (рис. 60). Форма крепости четырехугольная с усеченным северо-восточным фасом³⁴⁸. В центре южного фаса возвышается часть цитадели высотой более 20 м с укреплением замкового типа. Основные въезды в город с юга проходили с обеих сторон цитадели. Третьи ворота прослеживаются с севера. Жилые массивы окружают цитадель с трех сторон (кроме южной) неправильными холмами. Наиболее обжитым является западный сектор. В северо-западной части понижения — сnivelированная площадь. Судя по подъемному материалу, формирование городка относится к раннефеодальному времени — VI—VIII вв., однако дальнейший рост его ограничивается. Материалы IX—X вв. занимают ту же площадь, а слои XI—XII вв. не столь значительны. Перед нами городок небольших размеров, стоящий на пути вдоль «реки Илака» к Самсиреку. Не исключено, судя по расстоянию от него, что это руины Хумрака.

Кендыктепе. Однако на таком же расстоянии от Бискета на северо-запад к чачской границе вдоль р. Ахангаран расположено городище Кендыктепе³⁴⁹. Городище располагается между Ахангараном и его правым притоком Бургулюксаем на узком длинном мысу длиной до 1150 м и шириной от 180 до 270 м. Оно удобно защищено с трех сторон водами рек, а с единственной уязвимой юго-восточной стороны подни-

³⁴⁶ Истахри, BGA, II, p. 345.

³⁴⁷ М. Е. Массон. Ахангаран, стр. 117. Интересно, что автор «Худуд ал-Алема» приводит Хумрак в числе чачских городов (см.: Худуд ал-Алем, рукопись Туманского под редакцией В. В. Бартольда, Л., 1930, стр. 24 б).

³⁴⁸ Ю. Ф. Буряков. О втором караванном пути из Согда в Шаш, стр. 40—41.

³⁴⁹ Ю. Ф. Буряков. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища, ОНУ, № 1, стр. 59—60.

Т а б л и ц а 4

Название города по Истахри ал-Мукаддаси	Локализация	Современное название города	Размеры с рабадами, га	План	Характер проведенных исследований
1	2	3	4	5	6
Бенакет (Банокас)	с-з Сегизбаева, Аккурганский р-н	Шахрухия	≈ 140	+	Разведочные раскопки
Харашкет (Харашкас)	к-з Калинина, Аккурганский р-н	Канка	≈ 200	+	Стационарные раскопки
Худайнкет	г. Аккурган	Аккурган	≈ 30	+	Обследование
Неджакет (Унджакет)	с. Гуль, Нижнечирчикский р-н	Турткультепе	≈ 24	+	Разведочные раскопки
Чинаккет (Джинаджикас)	г. Чиназ	Городище Чиназ	≈ 50	+	Разведочные раскопки
Шутуркет (Уштуркас)	Близ ст. Пахта, Янгиюльский р-н	Иски Ташкент	Не установлены	—	Обследование
Данфеганкет (Данфаганкас)	Близ с. Ниязбаш, Янгиюльский р-н	Югонтепе	Более 20	+	Разведочные раскопки
Залтикет	Зангиата, Янгиюльский р-н	Майтепе	Не установлены	План ядра	Обследование
Банчикет (Банункат)	г. Ташкент	Ногайкурган, Кугаиттепе	Более 30	—	Разведочные раскопки
Бинкет	г. Ташкент	Старый город	Не установлены	+	Стационарные раскопки
Нуджкет	г. Ташкент	Ханабад	≈ 34	+	Стационарные раскопки
Джабгукет	г. Ташкент	Аката (?)	18	—	Разведочные раскопки
Хатункет	г. Ташкент	Тугайтепе	9,5	+	Разведочные раскопки
Баркуш (Паргуш)	с. Паргос, Еостанлыкский р-н	Паргостепе	≈ 15	+	Разведочные раскопки
Харганкет (Харджанкет)	с. Ходжакент, Босганлыкский р-н	Ходжакент	≈ 9	+	Обследование
Арланкет	близ с. Бурчмула, Бостанлыкский р-н	Бурчмула	≈ 16	+	Разведочные раскопки
Кабарна	с. Кавардан, Верхнечирчикский р-н	Кавардан	≈ 75	+	Стационарные раскопки

Фарнкет (Фаранкас)	с. Паркент, Верхнечир- чикский р-н	Ишкурган	Не установ- лены	План ядра	Обследование
Заранкет (Заранкас)	с. Заркент, Верхнечир- чикский р-н	Калаиболо	Не установ- лены	План ядра	Обследование
Намадванак	с. Намданак, Верхнечир- чикский р-н	Калаитепе	Не установ- лены	План ядра	Обследование
Балаин	Среднечирчикский р-н	Кулькара- тепе	Не установ- лены	—	Обследование
Нукет	с. Тойтепе, Среднечир- чикский р-н	Улькантой- тепе	≈ 150	План ядра	Разведочные раскопки
Панджаш (Банджаш)	с. Анхор, Среднечир- чикский р-н	Джумиш- казытепе	≈ 25	+	Обследование
Сахкакет (Шавкат)	Ахангаранский р-н	Увайттепе	≈ 5	+	Обследование
Тункет	Сарджайчак, Ахангаран- ский р-н	Имлак	≈ 180	+	Стационарные раскопки
Кухисим	Устье Пишбашая, Ахан- гаранский р-н	Кургантепе	≈ 15	+	Разведочные раскопки
Абрлыг (Арбилах)	с. Абляк, Ахангаранс- кий р-н	Аблык	≈ 80	+	Разведочные раскопки
Намудлыг	г. Ангрён	Безымяне	≈ 60	+	Стационарные раскопки
Дахкет	с. Дукент, Ахангаранс- кий р-н	Городище Дукент	≈ 8	—	Обследование
Туккет	с. Кульата, г. Алмалык	Городище Кульата	≈ 30	План ядра	Обследование
Бискет	г. Пскент	Городище Пушти- Махмуд	Не установ- лены	План ядра	Обследование
Самсирек	с. Бука, Букинский р-н	Городище Бука	Не установ- лены	—	Разведочные раскопки
Хас (Хаш)	Джумабазар, Бекабадс- кий р-н	Дальвер- зентепе	≈ 23	+	Обследование
Гаркерд (Гузкерд)	с. Шарапхана, Каратас- ский р-н КазССР	Городище Шарапхана	2	+	Обследование

мается круглая в плане цитадель диаметром до 120 м и высотой более 10 м. Площадь городища более 25 га. Территория шахристана разделена естественными и искусственными рвами.

Вокруг города и на его окраине расчищены катакомбные погребения с дромосом, перпендикулярным яме. В катакомбах—групповые захоронения с сосудами каунчинского типа, железными ножами и другими орудиями труда, поясами пряжками, украшениями (бусами, серьгами).

В цитадели стратиграфическим раскопом вскрыты слои от первых веков н. э. до XV в.

В шахристане—1 расчищены остатки сооружения, вероятно, оборонительного назначения и металлургические печи II—IV вв. н. э., связанные с обработкой железа.

Особенно интересным оказался раскоп № 6 в западной части шахристана—2. Здесь вскрыта часть уличной магистрали с домами с обеих сторон.

Хозяйства включают от двух до четырех помещений жилого, хозяйственного и производственного назначения (рис. 61).

Особенно интересно многокомнатное хозяйство № 1. Первое помещение—хозяйственного назначения. Комната прямоугольная, размером 6×3 м. Она оказалась целиком заполненной завалом с 5 крупными хумами и 6 горшками, сброшенными с суф. На полу найдены биконические пряслица.

Вторая комната размером 6×6,8 м жилого и производственного назначения (рис. 62). В ней расчищен пристенный очаг, жернова, сосуды, часть которых была вкопана в пол, жаровня в виде перевернутого сосуда без дна. Все это перекрыто сгоревшими балками. Материал третьего помещения незначителен, но в нем интересны детали ткацкого станка.

Следы производства, например, ювелирного ремесла, прослеживаются во втором хозяйстве, расположенном по другую сторону улицы.

Многочисленный материал этого времени представлен и в подъемном материале, и в раскопах. Это сосуды—хумы, корчаги, горшки, кувшины, миски каунчинского типа. Интересны сосуды с штампообразными знаками на плечиках и сосуды, украшенные снаружи росписью в виде заштрихованных треугольников. Характерны груболепные горшки-

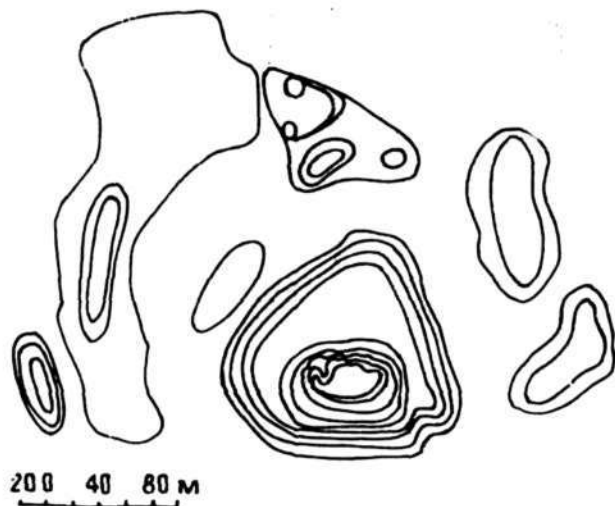

Рис. 60. Тепе в совхозе Мичурина. План.

котлы грушевидной формы с двумя вертикальными ручками от венчика на плечико. Типичны для слоя керамические подставки-шашлычницы в виде сдвоенных головок баранов и рогатые кирпичи — головы быка реалистичной и стилизованной трактовки. Комплекс укладывается в рамки I—IV вв. н. э. Интересны печатки (9 экз.), керамические и мед-

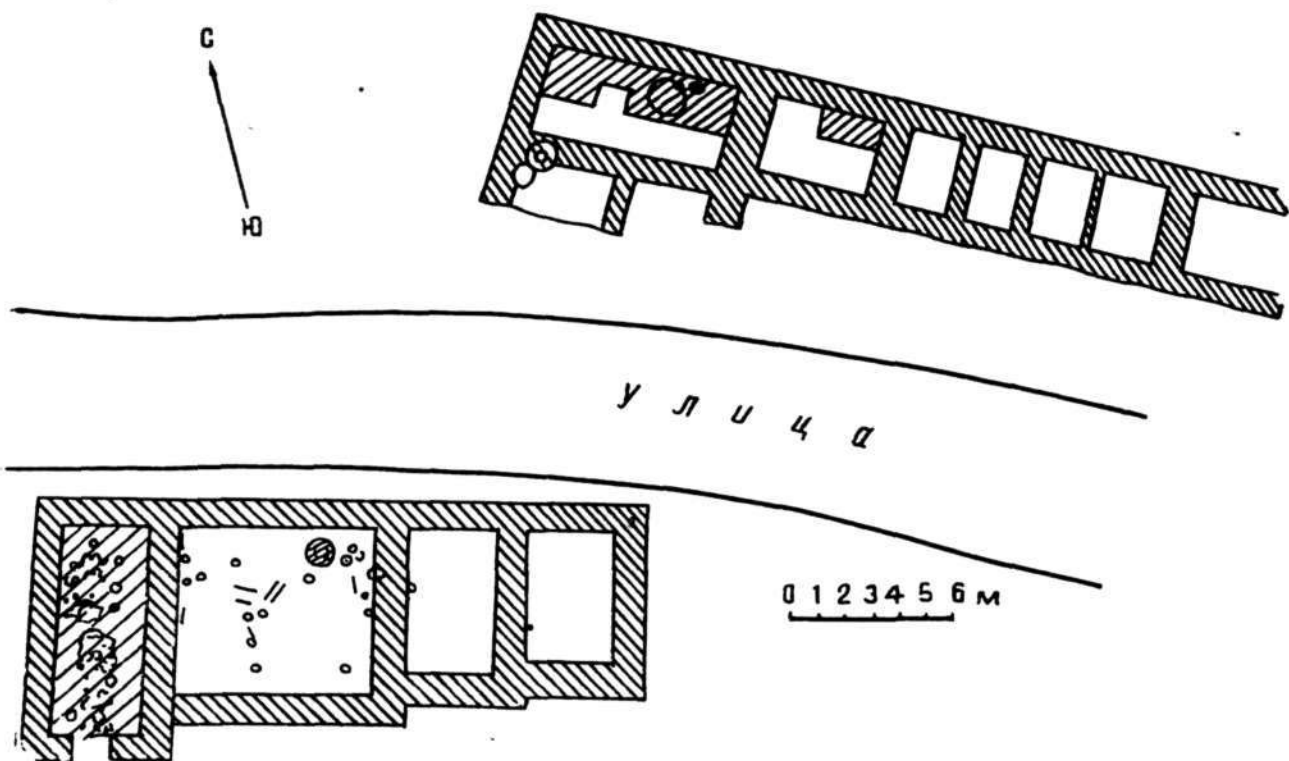

Рис. 61. Кендыктепе. Раскоп 6. План.

ные подвески цилиндрической формы с отверстиями для продевания нити. Изображения на печатках рельефные, чаще двухсторонние—это кресты, простые и сложные тамги. Интересно изображение на бронзовой печатке: с одной стороны олень, с другой—сибирский козел с откинутыми назад рогами.

С описанными материалами следует связать ранние монеты, извлеченные из обрывов нижних слоев городища. Они представлены мелкими (диаметром 16—17 мм) медными кружками с изображением на аверсе головы правителя влево, на реверсе—тамги и легенды, сохранившейся фрагментарно. Детальное рассмотрение этих и аналогичных им монет других памятников будет дано ниже.

Описанные материалы перекрываются слоем с разрушением и пожаром с последующим частичным, а в западной части полным запустением.

В перекрывающих слоях на значительно меньшей территории встречается керамика и монеты VI—VIII вв. н. э. К этому времени относится возведение одной из оборонительных стен в замке цитадели.

Новый подъем происходит в IX—XII вв., хотя город в это время не достигает размеров, занимаемых в первые века н. э. Помимо куль-

Рис. 62, Кендыктепе. Раскоп 6. Комната № 2. Вид с северо-запада.

турных напластований с керамикой, в цитадели, шахристане — 1 и частично в шахристане — 2 материал представлен большим количеством монет и целых монетных кладов³⁵⁰. Уникальна коллекция монет VIII—начала IX вв., в которой как в зеркале отразилась динамика перехода города из рук в руки, отчасти повторяющая историю оазиса. Кроме черных дирхемов и медных аббасидских фельсов ал Махди, интересны ранние фельсы, один из которых бит в Самарканде в 205 г. х. от имени Гассана ибн Аббада.

Важную роль играет находка саманидских монет двух этапов. Монеты первого этапа, когда Саманиды являлись наместниками Тахиридов, представлены фельсами Нуха бин Асада чекана 214, 217, 224 гг. х. Монета 214 г. х. (или 224 г. х) чеканена в Чаче. Вместе с ними имели

³⁵⁰ Основная группа монет определена Б. Д. Кочневым. Монеты хранятся в Музее истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека.

хождение монеты, чеканенные самими Тахиридами, в частности 4 фельса Тахира бин Абдаллаха чачского чекана 241 г. х.

Второй этап представлен монетами Насра и Исмаила бин Ахмада — поры перехода к Саманидам всей полноты власти. Среди эмиссий этого периода, кроме нечетко датированных, найдены три фельса, выпущенные в Чаче в 254 г. х.

Караханидская эпоха представлена, кроме отдельных монет, двумя кладами. Первый, состоящий из 14 монет, поступил в Музей истории народов Узбекистана в 1965 г. и относится к концу XII — началу XIII вв.³⁵¹, второй, полученный нами в 1972 г., уникален. Он насчитывает 49 медных монет, найденных в цитадели и принадлежащих чекану Бенакета конца XII в. Из отдельных монет 2 дирхема относятся к середине XI в., две более поздние — конца XII — начала XIII вв., причем одна из них либо позднекараханидская, либо хорезмшахская.

Обилие монетных находок говорит о довольно интенсивной торговой жизни городка, находившегося в центральном районе оазиса между крупными городскими пунктами.

Некоторые из городков, указанных к востоку от дороги Бинкет—Тункет, следует искать в районе Джетыкента, где сами названия селений (Хисарак, Шахарак) говорят о наличии здесь древней городской культуры.

---

³⁵¹ М. Н. Федоров, Ю. Ф. Буряков. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г., ЭВ, XIX, Л., 1969, стр. 106.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этапы формирования городской культуры Чача и Илака

Анализ дорожников и иных видов исторических источников в сочетании с исследованием археологических объектов позволяет получить определенные материалы по исторической топографии крупного региона Восточного Мавераннахра и перейти к рассмотрению следующих проблем — исторической топографии отдельных городов Чача и Илака.

Исследования советских археологов показали, что динамика развития античного и феодального города очень сложна. Городские пункты отдельных районов обладают рядом локальных особенностей. Раскопки таких крупных городских пунктов Средней Азии как Мерв³⁵², Самарканд³⁵³ и менее значительных — как Пенджикент³⁵⁴ в Согде или Асбаникат³⁵⁵ в Фергане свидетельствуют, что изучение исторической топографии городского организма возможно лишь на основе комплексного вскрытия городищ, исследования микротопографии кварталов, архитектурного и социального анализа отдельных жилых и общественных комплексов.

Полученные нами в результате локализации и предварительного изучения памятников материалы свидетельствуют о многообразии путей зарождения городской культуры оазиса, одновременности появления различных городов, помогают выявить основные градообразующие факторы. Наряду с административно-политическими центрами, ремесленно-торговыми пунктами на караванных путях, мы можем отметить города-

---

³⁵² Материалы освещены в Трудах ЮТАКЭ АН Туркменской ССР под редакцией д. и. н. М. Е. Массона.

³⁵³ Сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969 и вып. II, Ташкент, 1973.

³⁵⁴ Материалы опубликованы в Трудах Таджикской комплексной экспедиции АН ТаджССР, МИА, вып. 15, М., 1950. Обобщение их см.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, раздел I.

³⁵⁵ Г. А. Брыкина. Карабулак, М., 1974.

крепости у переправы на границе оазиса, города, выраставшие в горных районах на границе со скотоводческими оазисами, в районах, связанных с добычей и переработкой сырья, в первую очередь рудных ископаемых, а также города, формировавшиеся вокруг замков, но перераставшие в экономические центры, втягивавшие в торгово-экономические отношения сельскую округу. Эта тема может явиться предметом специального исторического исследования.

Тем не менее уже на данном этапе нашего исследования анализ исторической топографии городской культуры оазиса в сочетании со стационарными и разведочными стратиграфическими раскопками наиболее характерных городов определенных районов позволяет сделать некоторые выводы о закономерности формирования городской культуры Чача и Илака, выявить причины возникновения и наметить пути развития и динамику городской жизни оазиса от зарождения до периода развитого феодализма.

Как показал краткий очерк отдельных городов, мы можем выделить и некоторые общие причины и частные, характерные для отдельных городов или групп городов отдельных районов оазиса, связанных едиными экономическими или локально-территориальными узлами.

О. Г. Большаковым отмечалась особая роль городов средней и нижней Сырдарьи в истории среднеазиатской культуры и экономики вследствие того, что по ним проходила многовековая граница мира городских цивилизаций и бескрайних просторов степей и лесов.

Изучение городов подтверждает и тезис автора, что неправильно видеть в них лишь торговые фактории, где совершался обмен продукцией этих миров.

Но приграничное положение способствовало довольно быстрому росту этих городов³⁵⁶. Это мы можем считать одной из причин при объяснении удивительно большого количества городов Чача и Илака и их интенсивного роста в периоды расцвета взаимосвязей оседлых и кочевых миров.

Города рабовладельческой эпохи. Стратиграфическое исследование городищ показывает, что городская жизнь в Ташкентском оазисе зародилась в рабовладельческую эпоху, поэтому ряд городов имеет античную основу—это города на южном торговом пути—Бенакет, Харашкет, Худайнкет, некоторые пункты городской культуры долины Чирчика—городище Каунчи, Банункет, и возможно, Данфеганкет, Залтикет, Баркуш, в предгорьях—Кабарна, а в долине Ахангарана—городище Кендыктепе и, вероятно, Нукет, и, наконец, в южной оконечности оазиса, судя по находке монет—Хас. Основная группа городов возникла в до-

---

³⁵⁶ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 195.

лине. Города располагались в основном в центре оазиса, в междуречьи Чирчика и Ахангарана, близ крупнейшей водной артерии Восточного Мавераннахра — Сырдарьи — Яксарта.

Самым древним городом оазиса, по данным на сегодняшний день, является городище Канка, основа которого относится к первым векам до н. э. Крепостное ядро его возведено из кирпича античного стандарта $40 \times 40 \times 10$ — 12 см с полуовальными приставными башнями. Следует отметить, что овалы в плане башни, являющиеся определенным шагом вперед в развитии фортификационного искусства, были открыты в памятниках Парфии с конца II в. до н. э.³⁵⁷ Но исследования в Хорезме показали, что этот фортификационный прием применялся здесь с архаического времени в укреплениях Кюзелигыр³⁵⁸ и Койкрылганкала³⁵⁹. Материал из башни, к сожалению, очень незначителен и невыразителен, но в керамике можно выделить две группы черепков: стенки и один небольшой венчик сосудов с красным полосчатым лощением, которые находят аналогии в согдийской керамике III—II вв. до н. э.

Вторая группа представлена стенками лепной посуды сакского круга и, возможно, принадлежит керамике оседлого населения Ташкентского оазиса, выраставшей из бургулюкской культуры. Подобная керамика найдена в нижнем слое Каунчитепе еще Г. В. Григорьевым³⁶⁰, но впервые памятники этого круга были раскопаны и выделены в культуру А. И. Тереножкиным в 1940 г. по Бургулюксаю³⁶¹. Впоследствии они были не только продублированы на Каунчитепе, но и встречены в слое, подстилающем сооружения каунчинской культуры в Шаштепе³⁶², Кулокчинтепе, Ниезбаштепе, Чангтепе³⁶³. Землянки с бургулюкской керамикой были расчищены в низовьях Бургулюкская, а вдоль берегов Ахангарана зафиксированы поселения³⁶⁴.

Истоки этой культуры уходят в эпоху поздней бронзы и связы-

³⁵⁷ Г. А. Кошеленко. Фортификация Парфии, СА, 1963, № 2, стр. 70.

³⁵⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 144.

³⁵⁹ Сб. «Кой-крылган-кала — памятник культуры Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.», М., 1967, стр. 304.

³⁶⁰ Г. В. Григорьев. Кунчи-тепе (раскопки 1940 г.). Ташкент, 1940, стр. 36—37; Он же. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 8, стр. 84—86.

³⁶¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 9, стр. 30—33.

³⁶² Н. И. Крашенинникова. Археологические наблюдения на Чаштепе, Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. V, Ташкент, 1960, стр. 159—162.

³⁶³ Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе, ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, стр. 41—48.

³⁶⁴ Ю. Ф. Буряков. Раскопки в зоне Туябугузского водохранилища, стр. 60.

ваются с земледельческой культурой северо-ферганского круга — чустской. В то же время некоторые черты сближают ее с карасукской культурой Южной Сибири. Все находки связываются с населением, основными жилищами которого являлись землянки. находка этой керамики в сочетании с согдийской на городище Канка говорит о путях складывания городской культуры оазиса. По сообщениям китайских хроник, Ташкентский оазис в первых веках до н. э. входил под названием Юни в Кангюйское государственное образование на положении одного из пяти малых владений³⁶⁵. Судя по контексту более поздних источников, столица носила то же название и располагалась северо-восточнее реки Йоша (Сырдарьи.— Ю. Б.)³⁶⁶. Современные данные позволяют предположить локализацию столицы Юни на месте городища Канка.

Новый этап в развитии городской культуры начинается с первых веков до н. э. или с грани н. э. и связывается с развитием каунчинской культуры, для которой характерен свой комплекс керамических изделий и применение в монументальном строительстве наряду с пахсовыми блоками сырцового кирпича крупного прямоугольного стандарта.

В этот период максимального развития достигает город на территории Канки. Он был обнесен новой монументальной стеной, охватывающей территорию более 150 га с сооружениями оборонительного назначения. Значительную реконструкцию претерпевают и внутренние укрепления. Стены цитадели одеваются в рубашку, в закладку которой попали башни раннего города. В этих пределах город мало уступал столице Согда — Самарканду.

С этим временем связано возникновение большинства рабовладельческих городов Ташкентского оазиса и появление первых городов в пунктах контакта со скотоводческими племенами предгорий. Самым большим городом на границе с предгорьями являлся Кавардан площадью около 80 га.

Появление здесь крупного пункта городской культуры с обилием **элементов полукочевого населения** следует связывать с его положением на границе земледельческой полосы и адыров, располагающихся непосредственно от города к востоку и, вероятно, бывших занятыми скотоводческим населением. Следы их зафиксированы в виде огромных скоплений погребальных курганов с лессовой насыпью, начинающихся близ городской черты и тянущихся цепочками и концентрическими полями, насчитывающими иногда сотни курганов, вдоль Юзурукская в районе Каратхума и вдоль правого берега Чирчика. Наиболее крупные скопления названы нами Юзурукское, Каратхумское и Хантепинское мингтепе.

---

³⁶⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1959, стр. 186.

³⁶⁶ Там же, стр. 313.

Они являются значительным дополнением к выявленным ранее М. Е. Массоном группам погребальных курганов в южных районах оазиса³⁶⁷. Города перекрываются могильниками и сосуществуют с ними. Это характерно для Кавардана, Кендыктепе, городища Каунчи. Материальная культура этого времени получила освещение в научной литературе³⁶⁸.

Керамика рассматриваемого комплекса в целом знаменует наличие мощного пласта, объединяемого целым рядом общих черт, что позволяет ставить вопрос о локальном варианте культуры земледельческого населения Ташкентского оазиса. Подтверждением нашего предположения являются наблюдения за характером культурных слоев поселений Ташкентского оазиса. В Каунчитепе³⁶⁹, Мингурюке³⁷⁰, Шашукумтобе³⁷¹, Кендыктепе слои, сопровождающие жизнь поселений с «каунчинской» материальной культурой, по своей структуре зольно-органические. Толща их—6—8 м почти на всей площади городищ. Причем это не мусорные свалки, как это было принято считать, а культурные слои, заполняющие и сопровождающие жизнь помещений. Так, на Мингурюке зарегистрированы три периода застройки, целиком погруженные в зольно-органические слои.

Вместе с тем, ряд черт, весьма характерных для «каунчинской» культуры, мы наблюдаем не повсеместно. Например, для Намудлыга характерно отсутствие лепного орнамента и насечек на сосудах. Не найдены подставки в виде головы барана, быка или рогатого кирпича. Но распространен расписной и процарапанный орнамент.

Эта своеобразная орнаментация намудлыгской керамики прочерченными узорами, росписью и сочетающимися прочерченными и расписными узорами не встречена пока севернее Нукета и Кендыктепе, где она сосуществует с каунчинскими элементами.

Наблюдаемая близость форм и орнамента керамики южных районов оазиса и Ферганы — не прямые заимствования, а глубоко усвоенные, переработанные и по своему решенные результаты давних культурных связей Ташкентского оазиса и Ферганы, отмеченные исследова-

---

³⁶⁷ М. Е. Массон. Ахангераи, стр. 19.

³⁶⁸ Г. В. Григорьев. Каунчитепе; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары: Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.; Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе, ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973.

³⁶⁹ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, стр. 50.

³⁷⁰ Ю. Ф. Буряков и Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Минг-Урюк в Ташкенте, стр. 133.

³⁷¹ А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары, стр. 89.

телями от первого тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры³⁷², истоки которых в Фергане кроются в чувствской культуре, а в Ташкентском оазисе известны в бургулюкской культуре.

Некоторые памятники Чач-Илака (Канка, Намудлыг) также не дают интенсивной зольно-органической насыщенности культурного слоя. Различия в структуре наслоений и в сопровождающем их материале городищ оазиса объясняются не случайными совпадениями, а более глубокими причинами. Можно предположить здесь различия в хозяйственно-культурной жизни синхронных памятников, отразившихся, в частности, в керамике.

С этим этапом городской культуры связывается древнейший медный монетный чекан Ташкентского оазиса. Монеты найдены на ряде городищ: 6—на городище Кендыктепе, 1—в Бенакете, 11—на Канке, 14—на Дальверзине (древнем Хасе). Монеты разновременны и не принадлежат к одному общему типу.

Наиболее ранней представляется монета из Кендыктепе. Монета тонкая, скифатная, диаметром 13—14 мм. На аверсе — плохо сохранившееся лицо правителя влево. Четко сохранилась лишь голова с проработанной прической. Волосы перевязаны диадемой. На реверсе — тамга и следы стертой легенды.

Основная группа монет Кендыктепе близка к данному типу, но отличается весом и деталями изображения. Монеты в основном толстые, плоские, диаметром 16—17 мм, края обрезаны, иногда разорваны. Сохранность плохая. На аверсе обычно изображена голова правителя влево. Лицо выразительное, нос орлиный, лоб высокий, слегка покатый, волосы чуть вьющиеся или взлохмаченные и перехвачены над лбом диадемой. Глаза показаны треугольным вырезом, губы сжаты.

Портреты имеют различные варианты. Иногда по краю монеты проходят завитки надписи. На многих экземплярах надпись ввиду малого диаметра монет попадает за обрез. По определению В. А. Лившица, надпись арамейского происхождения и близка к старому согдийскому письму. Монеты с близкими по форме знаками встречаются в Хорезме³⁷³, на керамических изделиях, подобные изображения известны и в Казахстане³⁷⁴. Сводка материалов с подобными знаками приведена Б. И. Вайнберг, которая относит монеты с такими тамгами к чекану III—IV вв. н. э.³⁷⁵

³⁷² Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа, Автореферат канд. дисс., Л., 1961, стр. 14; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы, стр. 192.

³⁷³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 184—185.

³⁷⁴ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, стр. 18—19.

³⁷⁵ Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Каратепе), сб. «Буддийский культовый центр Каратепе в старом Термезе», М., 1972, стр. 152—154.

Находка этих монет на территории всех рабовладельческих городов Чача говорит о развитии товарно-денежных отношений в оазисе в первые века н. э., концентрировавшихся в первую очередь в городских пунктах центральной части оазиса, таких как Бенакет и Харашкет. Таким образом, уже для этого времени отмечается тесная связь Харашкета с Бенакетом и другими пунктами на описываемом пути. Не исключено, что к этому времени следует отнести основу монументального и многократно перестраивавшегося сооружения у юго-восточных ворот Харашкета, выполнявшего, вероятно, роль караван-сарая.

Погребальные обряды и скотоводческого, и оседлого населения характеризуются преобладанием курганных захоронений подбойно-катакомбного типа, концентрирующихся крупными скоплениями от нескольких десятков до тысяч курганов — мингтепе. Погребения групповые с инвентарем в виде орудий труда, оружия, украшений и бытовых предметов.

В юго-восточных районах оазиса на завершающем этапе начали появляться курганы, близкие по типу к мугхана, построенным в земле³⁷⁶.

В этот же период происходят некоторые изменения в культовых воззрениях, выразившихся в замене преобладавших ранее изображений козла и барана³⁷⁷ скульптурными изображениями головы быка.

Таким образом, в первые века н. э. в Ташкентском оазисе возник мощный пласт культуры с крупными городами, тесно связанными со скотоводческими племенами степей и предгорий. Разрослась ирригационная система вдоль Чирчика и Ахангарана. Все эти материалы говорят, что в составе Кангуйского владения Ташкентский оазис являлся значительным оседлоземледельческим ядром, культура которого оказывала большое влияние на широкие районы степей Средней Сырдарьи.

Раннефеодальные города Чача и Илака. К середине I тысячелетия н. э. в развитии городской жизни намечается упадок, связываемый с переходом от рабовладельческой эпохи к феодализму.

Стратиграфические раскопки не могут дать полных материалов для установления динамики развития городской жизни на различных этапах. Это возможно лишь на основе широких планомерных раскопок. Тем не менее, даже предварительные работы позволяют говорить о значительном сокращении размеров городов и прекращении деятельности некоторых из них. Почти в три раза сократилась площадь самого крупного города на месте Канки. Упадок отмечается и на горо-

---

³⁷⁶ Т. Агзамходжаев. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э., Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 5—8, 11—12.

³⁷⁷ Б. А. Литвинский. Сарматско-кангуйский фарн, Душанбе, 1968.

дище Кендыктепе. Некоторые города и укрепленные поселения каунчинской культуры вообще прекратили свое существование. Вероятно, от этого периода сохранилось деление оазиса на два владения — Чач и Илак. Это свидетельство довольно сложного процесса становления феодализма.

Исследования показывают, что завершение упадка Канки, зафиксированное возведением стены, охватившей площадь в 45 га, хронологически незначительно отстоит от периода нового ремонта стены, окружающей всю площадь города (более 150 га).

Процесс становления феодализма характеризуется дальнейшим развитием земледелия и расширением ирригационной сети бассейна Чирчика и Ахангарана, становлением горнорудных промыслов и металлургии.

В этот период в широких масштабах продолжается оседание скотоводов, освоение под земледелие новых площадей степей и предгорий.

Основным путем, связывавшим оседлые районы Чача с западными владениями, являлся южный путь с переправой через Сырдарью выше Бенакета. Хотя северная переправа у устья Чирчика и функционировала, но, по данным Кудамы, являлась переправой «тюрок», т. е. находилась в руках кочевников-скотоводов.

От Бенакета прослеживаются цепочки раннефеодальных крепостей, пролегающих на юго-восток вдоль реки Илака к столице—Тункету, а на восток — в сторону Нукета, но основной путь ведет в долину Чирчика. Вероятно, тесные контакты со степными районами способствовали усилению Чача, расширению его территории, что привело к перемещению центра экономической и политической жизни в среднее течение реки Тюрк или Парака. В этот период оформляется название владения—Чач.

Период VI—VII вв., вхождение в состав Тюркского каганата, а после распада последнего — в его западное объединение способствовало развитию оазиса. В этот период произошло объединение Чача и Илака в единое государство. Свидетельством этого являются факты упоминания в согдийских источниках периода борьбы с арабами (в начале VIII в.) только чачского владения с его государем — тудуном. По сообщению согдийского посла Фатуфарна, в это время отмечается тесный союз Чача с Тюркским каганатом³⁷⁸.

Судя по описанию караванных путей, укрепление тесных связей с тюрками-скотоводами северных районов приводит к переносу столицы Чача в бассейн Среднего Чирчика.

---

³⁷⁸ Согдийские документы с горы Муг, вып. II, Юридические документы и письма, чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица, М., 1962, стр. 78—84.

Раннефеодальная столица носила одноименное название с владением. Единственный пункт ее локализации расположен в районе современного Ташкента, где самым крупным раннефеодальным городским пунктом является городище Мингурюк, площадь которого при реконструкции по старым планам и ареалу распространения материала составляет не менее 30 га. Как отмечалось выше, мы не можем принять точку зрения О. Г. Большакова о локализации раннефеодальной столицы Чача на месте более позднего Бинкета³⁷⁹ ввиду отсутствия доарабской основы в его городских наслоениях.

Окружность города, по Сюан-цзану, составляла 10 ли (примерно 3 км). Археологические материалы подтверждают сообщения Сюань-цзана о большом количестве городов в Чаче VII в. Значительные раннесредневековые слои вскрыты на всех участках шахристана Бенакета, найдены вторично использовавшиеся фрагменты оссуариев. По сообщению Л. И. Альбаума, им в 1947 г. из Шахрухии получен овальная оссуарий с крышкой, завершающейся изображением птицы с распахнутыми крыльями.

Значительных размеров в VI—VII вв. достиг и Харашкет, в котором наряду с новой застройкой цитадели и оборонительных стен в городе квартал керамистов формируется к концу указанного периода уже за пределами стен третьего шахристана

Оборонительные стены цитадели и города VI—VII вв. мы отметили в Худайнкете, Чиначке, Банункете, Нуджете, Баркуше, Нукете, Тункете, Намудлыге, Кухисиме, Бискете; культурные слои VI—VII вв. обнаружены в Залтикете, Кабарне, Фарнкете и Намадванаке. О формировании города в это время говорят топонимы городов — только в этот период могли появиться названия Джабгукет, Хатункет, Данфеганкет.

Не все города оазиса нам известны. Но даже перечисленные города свидетельствуют о интенсивном развитии городской культуры в Чирчик-Ангренской долине.

Незначительный объем работ не позволяет судить о микротопографии раннефеодальных городов Чача и Илака. Тем не менее, можно отметить, что обязательными компонентами их являлись цитадель с довольно мощными укреплениями из пахсовых блоков и крупноформатного кирпича и шахристан. В шахристанах, а иногда и под стенами цитаделей располагались ремесленные мастерские — металлургические и керамические. Эти факты отмечаются и в раннефеодальных слоях Тункета, Туккета, Харашкета, Намудлыга. В это время начали появляться ремесленные кварталы за пределами шахристана, т. е. ремесленные пригороды. Примером могут служить керамические мастерские Харашкета.

³⁷⁹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 195.

Эти факты позволяют считать, что раннефеодальные города формировались не просто как средоточие феодальной административной власти (резиденция князя и его окружения), а как сложный административно-торгово-ремесленный организм. Поэтому, на наш взгляд, не совсем прав был А. Ю. Якубовский, считавший, что основным населением города этого времени являлись владельцы городов с их дворами, богатые диканы, купцы и служители культа³⁸⁰. А. М. Беленицкий, обобщая материалы по городам Средней Азии этого времени, приходит к выводу, что в шахристане и рабаде значительная часть населения состояла из ремесленников и имущественно близких к ним мелких рыночных торговцев, о чем свидетельствует общая картина жилой застройки города, выявленная в Пенджикенте, наличие ремесленных мастерских, их концентрация вдоль улиц и в виде отдельных базарчиков³⁸¹.

О резком подъеме ремесел и городской жизни в Средней Азии VII—VIII вв. и о насыщенности городов ремесленными мастерскими сообщает В. И. Распопова. По ее данным, в раскопанной четверти территории Пенджикента вскрыто 100 жилищ и более 50 мастерских ремесленников и лавок, а также два базарчика³⁸².

Формирование раннефеодальных городов Чача и Илака в условиях близости к горнорудным промыслам с богатыми источниками сырья и кочевым районам, дававшим продукты животноводства в обмен на ремесленную продукцию, способствовало развитию ремесленного производства ряда городов.

Свидетельством большого спроса на ремесленную продукцию является выпуск собственной монеты Чача. К его эмиссии относятся медные, преимущественно литые монеты с изображением на аверсе хищного животного, лица правителя в трехчетвертном повороте или двух портретов — мужского и женского; на реверсе — различные варианты вилообразной тамги. Эти монеты встречены на большинстве городов Чача и Илака, а на городище Кендыктепе был найден клад, включавший более 40 экз. К сожалению, клад разошелся по рукам. Нами осмотрено 19 экз., включавших несколько вариантов одного типа с одним и двумя портретами и вилообразной тамгой³⁸³.

В шахристанах и за его пределами в ряде пунктов отмечены оссуарные кладбища. Однако в восточной части оазиса от Харджан-

---

³⁸⁰ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии. Труды ТФАН, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 10.

³⁸¹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бен-тович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 114.

³⁸² В. И. Распопова. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда, СА, М., 1974, № 2, стр. 145.

³⁸³ Клад найден весной 1969 г. и показан нам алмалыкским краеведом Ю. Е. Дерглазовым.

кета до Намудлыга оссуарные захоронения не обнаружены ни в одном пункте. Возможно, здесь еще сохранялись старые погребальные культуры. В некоторых пунктах долины Ахангарана мы наблюдаем сосуществование захоронений — труположений с оссуарным погребением.

Города Чача и Илака в IX—XII вв. К началу арабского завоевания Мавераннахр распался на ряд феодальных владений, часть которых объединилась в конфедерацию под главенством Согда. Последняя, однако, не была достаточно прочной. Политическая раздробленность помешала успешному ходу борьбы³⁸⁴, но в составе конфедерации Чач-Илак являлся активным участником антиарабской коалиции, борющейся в первой половине VIII столетия. По сообщению Табари, в 712 г. чачский отряд был направлен на помощь осажденному Самарканду³⁸⁵, а поход Кутейбы против Чача (713 г.) рассматривается как попытка ослабить активную роль этого региона³⁸⁶.

Население Чач-Илака являлось участником не только антиарабских, но и многих антифеодальных выступлений, в частности восстания «людей в белых одеждах». Даже через два столетия историки писали, что в Илаке много сторонников этого движения. В восстании 806 г. Рафи ибн Лейса участвовал «владелец Чача», который был направлен на помощь восставшему Несефу³⁸⁷.

Несомненно, период войн и восстаний не способствовал развитию городской жизни.

В IX в. область вошла в состав государства Саманидов. Централизация власти и широкие торгово-экономические связи в пределах Арабского халифата способствовали развитию городской культуры Мавераннахра. В Чаче и Илаке этого времени историки и географы отмечали более 50 городов. Два торговых пути подводили с запада, со стороны Согда, один путь от столицы Чача вел на север, в Исфиджаб, второй — на юго-восток, к столице Илака. Скучные сообщения источников позволяют проследить путь из Бинкета на восток, в горные районы. Был также путь, связывавший горные города Чача с Тункетом. Кроме того столица Илака соединялась горными путями с Ферганой.

Период борьбы с арабами и разрушения ряда городов сказался на передвижении некоторых пунктов, в частности столицы Чача. Широкие исследования на территории «большого Ташкента» показали, что в это время город на территории Мингурюка был разрушен и начал отстраи-

---

³⁸⁴ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 147.

³⁸⁵ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir al-Tabari cum aliis* ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1879—1890, t. II, p. 1213.

³⁸⁶ С. Г. Кляшторный. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам), ЭВ, М.—Л., 1954, стр. 64.

³⁸⁷ *Annales...*, p. 712.

ваться в 4,5 км к северо-западу от Мингурюка на базе вод канала Бозсу, где и вырос средневековый Бинкет. Раскопки в шахристане Бинкета показали, что нижние слои его лишь местами датируются IX в., основные же слои относятся к X—XIII вв.³⁸⁸ Бинкет не накопил таких мощных слоев, характерных для раннефеодальных или античных городов.

Значительно расширились в это время площади городских пунктов, стоявших на торговых путях. Харашкет, второй по размерам город Чача, достиг с пригородами площади около 200 га. Около 140—150 га достигла площадь Бенакета. Остальные города были значительно меньше — всего 15—50 га, некоторые из них в настоящее время могут быть прослежены на площади в 5—8 га, но это объясняется отчасти плохой сохранностью их руин.

В период расцвета городской жизни появляются новые города на новых караванных путях, например Неджакет, Ардланкет, Абрлыг, Дахкет.

Сообщения источников и археологические материалы говорят о Чачском регионе в IX—X вв. как о крупной рудно-металлургической базе Мавераннахра, одном из центров добычи рудных ископаемых, в первую очередь золота и серебра³⁸⁹. Макдиси выделяет в числе славившихся на Востоке предметов глиняную посуду Чача³⁹⁰, отмечая среди предметов вывоза шерстяные плащи, молитвенные коврики, иголки, чачские луки, изделия из кожи. Все это позволяет считать, что в городах Чача и Илака были развиты различные ремесла — металлургия и металлообработка, керамическое ремесло и стеклоделие, обработка дерева и кожи, ткачество.

Анализ керамики Чача и Илака позволяет выделить самостоятельную чачскую школу керамистов, тесно связанную с согдийской, но имеющую свои локальные черты³⁹¹.

---

³⁸⁸ Археологические материалы Ташкентской экспедиции также не подтверждают реконструкций плана средневекового города, сделанных В. И. Куренным и О. Г. Большаковым по плану города XIX в., в связи с большими изменениями в топографии города в XV—XVI вв., когда Ташкент сначала вырос в крупную военную крепость, а затем в столицу одной из ветвей узбекской династии (ср.: В. Н. Куренной. Градостроительная культура средневекового Ташкента. Архитектура, Материалы к VI конференции молодых ученых-строителей, Л., 1971; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, стр. 195—198).

³⁸⁹ Ю. Ф. Буряков. Горное дело и металлургия средневекового Илака, стр. 93, табл. 3.

³⁹⁰ Макдиси. Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат алакалим. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 202.

³⁹¹ Тема эта требует самостоятельного исследования. Материалы по средневековой керамике Чач-Илака см.: С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Керамика с поселения Ногайкурбан близ Ташкента, Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 164—173; Ю. Ф. Буряков. Художественная керамика городища

Города развивались в тесной связи с сельской культурой. У городов центра оазиса эти связи заметны довольно четко, а некоторые городки даже имели сельскохозяйственный уклон. Эти же связи чувствуются и в предгорьях. Поэтому, характеризуя предгорные города, особенно Илака, как преимущественно ремесленно-металлургические, мы должны подчеркнуть их роль и в развитии оседлоземледельческой культуры в этих издревле скотоводческих районах.

В городах верховьев Ахангарана бросается в глаза более развитый характер ремесла, чем в городах верховьев Чирчика. Тем не менее их также окружала большая сельская округа. Сельским хозяйством занимались и сами горожане, поэтому к городу примыкали поля. Вблизи городов располагались крупные и мелкие поселения, обеспечивавшие население города сельскохозяйственными продуктами и частично потреблявшие продукцию ремесленников города. Многие поселения укреплены, а некоторые накопили значительные слои и размеры, свидетельствующие о длительности жизни. Примером таких сельских пунктов в верховьях Ахангарана могут служить поселения Машатбуватепе в устье Гуштая, неподалеку от Кухисима, и поселение Калатепе вдоль Баксукая, неподалеку от Намудлыга.

Первое представляет собой укрепление, выросшее на естественных холмах предгорий, с примыкающим к нему с востока и севера неукрепленным поселением. Собранный на поверхности и из обрывов материал представлен преимущественно керамикой IX—XI вв. с преобладанием лепной неглазурованной красноощенной посуды. Развитие торгово-экономических связей способствовало широкому выпуску монеты, чеканившейся как в столице, так и на специальном монетном дворе государственного рудника Чача.

По данным письменных источников, денежное обращение в областях саманидских владений было различным.

Жители Бухары, по данным Якута и Ибн Хаукаля, употребляли в торговле дирхемы, динары же служили товаром³⁹². Аналогичная картина, как это удалось доказать Е. А. Давидович, была и в Самарканде³⁹³. Несколько по-иному обстояло дело в Чач-Илаке. По сообщению Ибн Хаукаля, в Илаке был монетный двор, выпускавший золотые

Тункет, Научные работы и сообщения, кн. 2, Ташкент, 1961, стр. 269—279; Он же: Надписи на глазурованных сосудах Тункета, сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1963, стр. 123—130; Он же. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга, стр. 108—111, 128—139; Л. Г. Брусенко, в сб. «Древний Ташкент», Ташкент, 1972.

³⁹² Yacut's geographisches Wörterbuch; aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd. I, Leipzig, 1866, S. 519; Абу-ль Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 19.

³⁹³ Е. А. Давидович. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах, «Нумизматика и эпиграфика», т. VI, М., 1966, стр. 109.

и серебряные монеты: «И обращаются здесь многочисленные деньги из этих двух видов монет вместе»³⁹⁴.

Несомненно, функционирование крупных серебряных рудников Илака, обеспечивавших не только Илак, но и Чач и другие области, способствовало более широкому распространению монет, чем в других владениях государства. На территории Илака находился и ряд значительных рудников по извлечению золота, особенно широко разрабатывавшихся в саманидскую пору³⁹⁵. Это может служить обоснованием хождения золотой монеты.

С конца X в. Чач-Илак входит в состав государства Караханидов. XI — первая половина XII вв. — период двойственный. Для большинства городов Чача и Илака это период дальнейшего расцвета. Археологические материалы показывают рост ряда пунктов на торговом пути—Чинакете, Бенакете, Нукете, Бисткете. Обживается округа ряда городов, осваиваются территории многих пришедших в упадок раннефеодальных городов и замков.

В то же время некоторые пункты начинают хиреть и приходят в упадок, например, столица Илака Тункет.

В середине XII в. область вошла в состав государства каракитаев. В этот период продолжается процесс распада государства Караханидов. В составе государства хорезмшаха оазис подвергся разрушению в период борьбы хорезмшаха с ханом найманов Кучлуком.

В это время произошел значительный упадок ряда городских пунктов. Сократилась добыча руд и опустели металлургические центры; XII в. был временем угасания Тункета.

Процесс упадка в оазисе объясняется усилением феодальной раздробленности в государстве Караханидов. Характерно, что в это время чекан прекратился даже в столице государства. Одновременно появились новые центры, претендовавшие на роль столицы отдельных владений в составе государства Караханидов. Вероятно, к числу таких центров следует отнести Бенакет, чекан которого (конца XII — начала XIII вв.) зафиксирован в кладах ряда городов оазиса. Именно этот город, а не Бинкет упоминается в 1220 г. в период захвата области монголами³⁹⁶. Правда, Джувейни пишет и об обороне Ташкента горожанами³⁹⁷. Монгольское завоевание нанесло значительный удар городской жизни оазиса: большинство городов уменьшилось до размеров селений, некоторые запустели и лишь часть сохранила положение городов, укреплений или центров уделов.

³⁹⁴ Абу-ль-Касым ибн Хаукаль. Пути и страны, стр. 24.

³⁹⁵ Ю. Ф. Буряков. Горное дело и металлургия средневекового Илака.

³⁹⁶ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, Ташкент, 1954, № 2.

³⁹⁷ Джувейни Ала-ад-дин Ата малик. Тарихи дженгушай. Цит по кн: И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960, стр. 35.

Список сокращений

- ВДИ — „Вестник древней истории“, М.
ГУОПМК — Главное управление по охране памятников материальной культуры при Министерстве культуры УзССР.
ИИ — Институт истории
ИМКУ — „История материальной культуры Узбекистана“, Ташкент.
КСИА — „Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР“, М.
КСИИМК — „Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР“, М.—Л., М.
ЛОИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МИА — „Материалы и исследования по археологии СССР“, М.—Л.
ОНУ — „Общественные науки в Узбекистане“, Ташкент.
ПТКЛА — „Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского клуба любителей археологии“, Ташкент.
СА — „Советская археология“, М.
СОН — Серия общественных наук.
СОНАТ — „Социалистическая наука и техника“, Ташкент.
СЭ — „Советская этнография“, М.—Л., М.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje parc.
I — VIII, Lugduni Batavorum.

УКАЗАТЕЛЬ

географических названий

- Абджазсай 114
Абрлыг 9, 27, 84, 112, 115, 120, 125, 126,
127, 150, 167, 179, 195
Аджих 176
Азадбаш 8
Аката 74, 75, 178
Акбулак 8
Аккурган 40, 177, 178
Аксагата 8, 86
Аксу 83
Аксукан 112
Акташ 8
Актепе 80, 167
Актобе 136
Акча 9
Акчасай 125
Албикас 176
Алимкент 177
Алмалык 110
Алтынтопкан 169
Амуль 4
Ангрен 50, 115, 127, 179
Анузкет 85, 176
Анхор, с. 179
Ардланкет 82—84, 178, 195
Асбаникат 184
Арашан 9
Афлатун 8
Афрасиаб 19, 34, 54, 93, 150
Ахангаран, р. 3, 5, 7, 9, 12, 14, 30, 31,
36, 40, 42, 85, 105, 108, 109, 112—115,
117, 123, 125, 127, 129, 152, 177, 185,
186, 190—192, 194, 196
Ахангаран, долина 62, 99, 109, 166
Ашбингу 176
Багункет 85
Баксуксай 152, 196
Байтемиштепе 107
Байтепе 42
Балаян 105, 106, 179
Балх 156
Банджхаш — см. Панджхаш
Банункет 55—57, 62, 63, 178, 185, 192
Барактынтау 10
Баркраук 8
Баркуш 74, 75, 77, 79, 81, 178, 183, 192
Барскас 176
Башкизылсай 104
Бахорсай 17, 18, 24
Баштерек 8
Бенакет 13, 14, 28—31, 36, 39, 41, 43,
46, 68, 71, 96, 97, 175, 178, 183, 185,
189—192, 195, 197
Бештепе 114
Бинкет 12, 38, 47, 51, 52, 55, 57, 63, 64,
66—69, 72—75, 84—86, 99, 100, 105, 108,
110, 111, 176, 178, 183, 192, 194, 197
Бискама — см. Пскент
Бискет 51, 170, 172, 177, 179, 192, 197
Бишкас 176
Бишкет 172
Бозсу 9, 66, 68, 73, 195
Бурджар 9
Бурчмула 8, 10, 82, 84, 178
Бука 173, 177, 179
Бургулюксай 9, 177, 186
Бухара 4, 20, 62, 137, 172, 196
Вардук 85, 176
Винкерд 7, 43
Гадранк 85, 176
Газак 85, 86, 176
Газалкент 8, 12, 85, 86, 104

- Гайраттепе 134, 136
 Гальвасай 85
 Ганнадж 176
 Гарджент 176
 Гаркерд 72, 176, 179
 Гиджал 86
 Гиджиген 9
 Гуль, с. 43, 47, 178
 Гуштсай 9, 152, 196
 Дальверзин 36, 175, 179, 189
 Данфеганкет 52, 55, 178, 185, 192
 Дарва 176
 Дахкет 153, 155, 156, 179, 195
 Джабгукет 72—75, 85, 178, 192
 Джабузан 176
 Джебузан 85
 Джеттикент 100, 183
 Джетыасар 136, 137
 Джигункет — см. Джабгукет
 Джидгиль р. — см. Чаткал
 Джумабазар 175, 179
 Джумишкызтепе 109, 179
 Дижуран 176
 Дукент, с. 50, 153—156, 179
 Дукентсай 9, 153, 154
 Дурмень 73
 Ергайлык 10
 Заамин 13
 Залтикет 55, 56, 178, 185, 192
 Зангиата 55—57, 178
 Зангикет 55, 63
 Заранкет (Заркет) 99, 100, 179
 Заркентсай 103,
 Зах (канал) 9, 77, 79
 Илак 5—7, 10, 21, 35, 37, 38, 45, 47, 50,
 51, 60, 61, 68, 69, 72, 73, 76, 79, 84,
 98, 99, 101, 104, 105, 106, 108—114, 117,
 118, 124, 127, 133, 134, 141, 149, 150, 153,
 155, 156, 158, 172—175, 177, 184, 185,
 189, 190—197
 Илак, р. 7, 14, 31
 Имлак 110, 179
 Иоша — см. Сырдарья
 Искандерарык 9
 Иски Ташкент 51, 55, 178
 Ислахатарык 108
 Исфиджаб 7, 8, 72, 74, 176, 194
 Ишаккуприксай 81
 Ишкурган 99, 100, 179
 Йерташ, р. 9
 Кабарна 86, 99, 104, 178, 185, 192
 Кабашкас 176
 Кавардан 86, 87, 96, 108, 178, 187, 188
 Кадак 85, 176
 Кадоваттепе 134
 Кайгаксай 86
 Кайраксай 86
 Казахстан 134, 189
 Кайнар 101
 Калаиболо 100, 167, 179
 Калатепе 152, 179, 196
 Калас, р. 7
 Калашджак 176
 Калькауз, канал 68
 Канджол 169
 Канка 31, 35, 108, 178, 186, 187, 189, 190,
 191
 Канкарак 176, 177
 Канчигай 8
 Карабау 9
 Карабулак 130
 Каракимах 8
 Каракульджа 8
 Карамазар 10, 105, 157
 Караойгаинг 8
 Карасу 9, 12, 31, 87, 106
 Каратерек 8
 Каратхум, р. 97, 187
 Касан 64
 Каунчитепе 62, 138, 185, 186, 188
 Келес, р. 74
 Келесская степь 7, 12, 14
 Кендже 8, 51, 156
 Кендыктепе 30, 36, 107, 108, 134, 177, 185,
 188, 189, 191, 193
 Кенкол 137
 Кеш 156
 Кзылсу 8
 Киргизия 120
 Китай 30
 Койкрылганкала 186
 Қолганчирчик 9, 12, 43, 46
 Кува 150
 Кугаиттепе 57, 58, 62, 178
 Куджал 86
 Кузак 85, 86
 Коксу 8, 10, 82, 83
 Кочбулак 110
 Кулдортепе 150
 Кулокчинтепе 186
 Кульата 158, 161, 168, 179
 Кульбескан 83
 Кульбулак 123, 124
 Кулькаратепе 106, 179
 Кумышкан 103
 Кураминские горы 105, 117
 Кургантепе 115, 179
 Кургашинкан 169

- Куркульдук 51
 Курусай 101
 Кухисим 112, 115, 117, 124, 125, 152, 155,
 179, 192, 196
 Кызылалма 110, 126
 Кызылкыр 137
 Кыркджанги 38, 39
 Кюзенигыр 186
 Лашкерек 110
 Мавераннахр 5, 7, 29, 64, 111, 114, 140,
 184, 186, 194, 195
 Мазартепа 114
 Маймург 64
 Майтепе 55, 56, 178
 Машатбуватепе 152, 196
 Мерв 4, 109, 150, 184
 Мингурюк 62, 63, 66, 188, 192, 194, 195
 Моголистан 30
 Мунчактепе 114, 115
 Мурзарабадская степь 170
 Мухинан 124
 Найза 8
 Накалик 176
 Намадванак 99, 179, 192
 Намданак 99, 100, 104, 179
 Намудлыг 84, 112, 123, 127, 129, 134, 139,
 141, 152, 153, 179, 188, 189, 192, 194,
 196
 Наугарзан 9
 Неджакет 7, 43, 46, 47, 72, 178, 195
 Несеф 194
 Ниезбаш (Нишбаш) 52, 54, 178, 186
 Нишбашсай 9, 115, 117, 123
 Ниязбектепе 73
 Ногайкурган 57, 58, 166, 178
 Нуджкет 47, 69, 70, 72, 74, 105, 178, 192
 Нукет 51, 72, 105—109, 112, 124, 170, 179,
 185, 188, 192, 197
 Околоксай 87, 89, 97
 Пайкенд 7
 Пальтау 10
 Панджхаш 105, 109, 179
 Параб — (см. Фараб)
 Парак, р. — см. Чирчик
 Паргос 75, 76, 81, 178
 Паркент 99, 100, 179
 Паркентсай 103, 104
 Парфия 186
 Пенджикент 184, 193
 Пскем, р. 7, 8, 10, 12, 50, 82, 104
 Пскент 124, 170, 172, 173, 179
 Пушти-Махмуд 170, 171, 179
 Равад 85
 Саблык 73, 81
 Сайлык 10, 73, 81
 Саккакет 105, 109, 179
 Салар, канал 58, 62, 63, 65
 Самарканд 4, 14, 20, 37, 54, 64, 71, 150,
 156, 167, 184, 187, 194, 196
 Самсирек 51, 173, 177, 179
 Сандаш 10
 Сарджайляк 179
 Семиречье 74, 84
 Сиджак 50
 Согд 12, 28, 36, 37, 47, 60—62, 68, 112,
 184, 187, 194
 Средняя Азия 4—6
 Суйрытепе 114
 Сырдарья 5, 6, 8, 10, 14, 15, 17, 28, 30,
 31, 43, 47, 50, 51, 73, 137, 138, 168, 175,
 177, 185—187, 190, 191
 Табошар 169
 Талас 100
 Таласский Алатау 8
 Тараз 64, 156
 Ташкент 20, 48, 57, 63—65, 67, 72—75, 79,
 86, 99, 167, 178, 192, 197, 195
 Ташкентская обл. 105
 Ташкентский канал 9
 Ташкентский оазис 5—8, 14, 31, 35, 77,
 107, 132, 133, 136, 137, 139, 176, 185—
 190
 Ташкентское море 134
 Теллуш 176
 Теляу, с. 113
 Теляутепе 113
 Тенакуртан 115
 Термез 64
 Тешиктепе 42
 Тойтепе 106, 179
 Тугайтепе 73—75, 178
 Туккет 158, 168, 169, 179, 192
 Тункет 27, 85, 86, 99, 104, 105, 108—
 113, 115, 120, 127, 149, 150, 156, 158,
 167, 179, 183, 191, 192, 194, 197
 Турткультепе 101, 178
 Туябугузское водохр. 30, 107
 Тюрк, р. — см. Чирчик
 Увайттепе 109, 179
 Угам, р. 8
 Угамские отроги
 Уджокат 47
 Ульджакет 43, 47
 Улькантойтубе 72, 106, 167, 179
 Унджакет — см. Нуджакет
 Уртауул 155
 Усрушана 4, 28, 108, 175
 Утурлытепе 51

- Уштуркет — см. Шутуркет
Фараб 8,
Фарак 8, 47, 74, 79, 84, 85, 177
Фардкаш 176
Фарнкет 85, 99, 179, 192
Фергана 10, 24, 66, 69, 72, 74, 83, 84, 108,
112, 117, 124, 125, 127, 129, 131, 133,
134, 136, 137, 150, 170, 172, 175, 184,
188, 189, 194
Ферганская долина 129, 130
Хаваст 13
Хамдам, канал 87, 94, 98, 99
Ханабад 69, 70, 73, 178
Ханарык 9, 98
Хантепе 87, 97
Ханумтепе 87, 98
Ханым, арык 9, 31
Харашкет 14, 36, 37—41, 51, 71, 96, 97,
110, 111, 175, 177, 178, 185, 190, 192,
193, 195
Харджанкет (Харганкет) 74, 79, 81, 82,
104, 178
Хас 173—175, 179, 185, 189, 193, 194
Хатункет 72, 74, 75, 178, 192
Хашарт — см. Яксарт
Хисарак 100, 183
Ходжикент 8, 79, 80, 82, 178
Хозляджия 7
Хорезм 129, 131, 132, 134, 167, 186
Хорезмийский оазис 3
Хорезмское озеро 7
Худайнкет 14, 39, 42, 51, 96, 97, 177, 178,
185, 192
Хульбук 167
Хумрак 176, 177
Хумсан 8, 10
Чаватасай 10
Чанач 83
Чангтепе 186
Чандалаш 8
Чарвакская котловина 12
Чаткал, горы 10, 73, 85, 105, 110, 153, 156
Чаткал, р. 7, 8, 10, 12, 82—84, 104, 157
Чаули канал 65
Чач (Шаш) 5, 6—8, 12, 21, 29, 35, 37,
45, 47, 50, 51, 54, 56, 60, 61, 63, 64,
66, 68, 69, 71—74, 78, 83, 84, 98, 105,
107, 108, 110—112, 114, 118, 125, 134,
140, 141, 149, 155, 156, 172, 182, 183—
185, 189, 190—197.
Чаштепе 62
Ченташ 10
Чимбайлык 81
Чинган 10
Чиназ 43, 47, 48, 51, 178
Чиначекет 12, 13, 39, 42, 43, 47, 48—51,
98, 125, 155, 178, 192, 197
Чирчик (Тюрк). р. 3, 5, 7—10, 12, 13, 36,
42, 43, 46—48, 50—52, 54, 69, 70, 72—76,
79—81, 84, 85, 87, 98, 99, 104, 105, 108,
152, 185—187, 190—192, 196
Чирчикская долина 57, 61, 100
Чуйская долина, 4, 112, 155
Чумбучкут 10
Шавваз 9
Шарапхана 176, 179
Шаркия — см. Шахрухия
Шаркиясай 17
Шаугаз 9, 114
Шашукумтобе 188
Шахарак 100, 183
Шахрухия 14, 30, 108, 178, 192
Шаштепе 186
Шоштюбе 155
Шурабашат 137
Шутуркет 14, 38, 39, 42, 51, 52, 55, 63, 178
Югонтёпа 52—54, 178
Юзуруксай 97, 187
Юни 35, 63, 64, 187
Яксарт, р. 7, 47, 72, 186
Янгнабад 153
Янгибазар 86
Янгиюль 52

Оглавление

Введение	3
Города Чача	12
Города на южном караванном пути	14
Города на северном караванном пути	42
Пути в горные районы Чача	72
Города Чача в междуречье Фарака и „реки Илака“	84
Города Илака	105
Путь Бинкет — Тункет	105
Города к востоку от Тункета. Пути к серебряному руднику Чача	112
Неотождествленные города оазиса	176
Заключение. Этапы формирования городской культуры Чача и Илака	184
Список сокращений	198
Указатель географических названий	199

Юрий Федорович Буряков

**Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса
(историко-археологический очерк Чача и Илака)**

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *В. Г. Кан*

Художник *И. Цыганов*

Художественный редактор *Р. И. Кривошей*

Технический редактор *З. П. Горьковая*

Корректор *А. И. Айрапетова*

**Р05363. Сдано в набор 23/IV-75 г. Подписано к печати 5/VI-75 г. Формат 70×90^{1/16}. Бум. тип. № 1.
Бум. л. 6,37. Печ. л. 14,92. Уч. изд. л. 13,2. Изд. № 1307. Тираж 800. Цена 1 р. 45 к. Заказ № 106.**

**Типография Изд-ва „Фан“ УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Изд-ва: Ташкент, ул. Гоголя, 70.**

Цена 1 р. 45 к.